

ISSN 2520-6990

Międzynarodowe czasopismo naukowe

**Cultural studies
Political science
Historical sciences
Philological sciences
Philosophical sciences
Psychological sciences
Physical education and sport**

**№18(42) 2019
Część 5**

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

Colloquium-journal №18 (42), 2019

Część 5

(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku angielskim, polskim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 20 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej dziennika.

Wysyłając artykuł do redakcji, Autor potwierdza jego wyjątkowość i bierze na siebie pełną odpowiedzialność za ewentualne konsekwencje za naruszenie praw autorskich

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak**
Ewa Kowalczyk

Rada naukowa

- **Dorota Dobija** - profesor i rachunkowości i zarządzania na uniwersytecie Koźmińskiego, dyrektor programu k. e. n.
- **Jemielniak Dariusz** - profesor dyrektor centrum naukowo-badawczego w zakresie organizacji i miejsc pracy, kierownik katedry zarządzania Międzynarodowego w Ku.
- **Henryka Danuta Stryczewska** - profesor dziekan Wydziału Elektrotechniki i Informatyki Politechniki Lubelskiej.
- **Mateusz Jabłoński** - Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki.
- **Henryka Danuta Stryczewska** - prof. , dziekan Wydziału Elektrotechniki i Informatyki Politechniki Lubelskiej i prof. Zbigniew Grądzki, prorektor ds. Nauki.
- **Sani Lukács** — eötvösa Loránd University, Faculty of Social Sciences, phd in sociology.
- **Király Tamás** — Szegedi Tudományegyetem, gyógyszerésztudományi Kar, phd gyógyszertár.
- **Gazstav Lewandowski** — węgierski uniwersytet sztuk pięknych, Graficzny wydział / Specjalizacja w dziedzinie projektowania graficznego.
- **Bulakh Iryna Valerievna** - k.arh., Profesor nadzwyczajny w Katedrze Projektowania Środowiska Architektonicznego, Kijowski Narodowy Uniwersytet Budownictwa i Architektury.

« Colloquium-journal »

Wydrukowano w « Chocimska 24, 00-001 Warszawa, Poland »

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Кудрявцев Н.В., Мастерских Л.В.

СЛОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО АППАРАТА НАРОДНЫХ СУДОВ ИШИМА И ПРИИШИМЬЯ (1920–1930 ГГ.): ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....5

Kudryavtsev N.V., Masterskih L.V.

THE COMPLEXITY OF FORMATION OF PERSONNEL OF PEOPLE'S COURTS ISHIM AND PRIISHIMJE (1920-1930): THE HISTORICAL ASPECT5

Скопа В.А.

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СТАТИСТИЧЕСКИХ КАДРОВ: ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ КУРСОВ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД 1917-1918 ГГ.....9

Skopa V.A.

CHANGES IN THE SYSTEM OF TRAINING STATISTICAL PERSONNEL: FROM THE HISTORY OF THE ORGANIZATION OF STATISTICAL COURSES IN THE TRANSITION PERIOD 1917-19189

Скопа В.А.

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ОФОРМЛЕНИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СТЕПНОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ11

Skopa V.A.

LEGAL ASPECTS IN THE DESIGN OF STATISTICAL INSTITUTIONS IN WESTERN SIBERIA AND THE STEPPE REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS11

Скопа В.А.

ТРУДЫ СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.)16

Skopa V.A.

PROCEEDINGS OF THE STATISTICAL COMMITTEE AS A SOURCE FOR THE STUDY OF SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES (BASED ON MATERIALS FROM THE SEMIPALATINSK REGION IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES)16

CULTURAL STUDIES

Никифорова А.А.

МУЗЕЙНЫЙ ТУРИЗМ КАК ПОПУЛЯРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....19

Nikiforova A. A.

MUSEUM TOURISM AS A POPULAR DIRECTION IN MUSEUM ACTIVITY.....19

Солодовникова Н.В.

ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА21

Solodovnikova N.V.

INNOVATION IN THE SPHERE OF CULTURE AS A STRATEGIC RESOURCE OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION21

Солодовникова Н.В.

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ НА ЦЕННОСТЯХ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ23

Solodovnikova N.V.

YOUTH EDUCATION ON THE VALUES OF PEOPLE'S ART CULTURE23

POLITICAL SCIENCE

Арутюнян Э.Э.

РЕЗУЛЬТАТЫ РОСТА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ25

Arutyunyan E.E.

RESULTS OF THE GROWTH OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL POTENTIAL OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN
THE SECOND HALF OF XX-EARLY XXI CENTURIES25

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Булатова И.К.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ И АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА27

Bulatova I.K.

RESEARCH OF THE RELATIONSHIP OF ANXIETY LEVEL AND AGGRESSIVE BEHAVIOR OF CHILDREN OF MIDDLE
SCHOOL AGE27

Сафина С.Б.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВОПРОСА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ С
ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ31

Safina S.B.

THE ANALYSIS OF MODERN PEDAGOGICAL EXPERIENCE ON THE ISSUE OF PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF PARENTS OF CHILDREN WITH DISABILITIES31

Грыжук Э.П.

ПСИХОАКУСТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА САНОГЕНЕЗ ПРИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЯХ33

Gryzhuk E.P.

PSYCHOACOUSTIC INFLUENCE ON SANOGENESIS IN PSYCHOSOMATIC CONDITIONS33

PHYSICAL EDUCATION AND SPORT

Стукан В.В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА36

Stukan V.V.

PSYCHOLOGICAL BASES OF PERSONAL SAFETY OF EMPLOYEES OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE36

Зайцева А.О., Лазаревич В. С.

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ КУРАСНТОВ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ37

Zaitseva A.O., Lazarevich V.S.

ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK OF KURASNTS IN PHYSICAL TRAINING38

Коннов А.А.,

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ У СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ В ВУЗЕ40

Копнов А.А.,

IMPROVEMENT OF PROFESSIONALLY SIGNIFICANT QUALITIES AT STUDENTS IN THE LESSONS OF PHYSICAL
CULTURE AT THE UNIVERSITY40

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Елисеева Т.В.

ОБРАЗ МАТЕРИНСТВА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ42

Eliseeva T.V.

THE IMAGE OF MOTHERHOOD IN THE MIDDLE AGES42

Лопастейская Л.Г., Кузьмина А.С.

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС44

Lopasteyskaya L.G., Kuzmina A.S.

SCIENTIFIC RESEARCH AS A CREATIVE PROCESS45

PHILOLOGICAL SCIENCES

Аргунова Д.Р. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В МЕКСИКЕ	47
Argunova D.R. SPECIFIC FEATURES OF THE SPANISH LANGUAGE VARIANT IN MEXICO	47
Аргунова Д.Р. ВЗГЛЯДЫ БРАТЬЕВ ШЛЕГЕЛЕЙ О ТИПАХ ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РОМАНТИЗМА	52
Argunova D.R. SCHLEGEL BROTHERS' VIEWS ON THE TYPES OF LANGUAGE IN A POINT VIEW OF ROMANTICISM.....	52
Аушева Э.А., Оздоева Э.Г. К ВОПРОСУ ОБ ЭРГАТИВНОМ ПАДЕЖЕ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ	53
Ausheva E.A., Ozdоеva E.G. TO THE QUESTION OF ERGATIVE PAGE IN THE INGUSH LANGUAGE	54
Аушева М.Б., Аушева Э.А. ЯЗЫК - ЖИВОЙ СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ ИНГУШЕЙ.....	55
Ausheva M.B., Ausheva E.A. LANGUAGE - THE LIVING WITNESS OF THE INGUSHI HISTORY	55
Иванова М.К. СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ПРИЁМАМ ПЕРЕВОДА СЛОЖНЫХ ТЕРМИНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА)	57
Ivanova M.K. STRUCTURAL APPROACH TO TEACHING METHODS OF TRANSLATION OF COMPLICATED TERMS (BASED ON SPANISH NEWSPAPER TEXTS)	57
Оздоева Э.Г., Аушева Э.А. ИНГУШСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА КАК ОБРАЩЕНИЯ	59
Ozdоеva E.G., Ausheva E.A. INGUSH PERSONAL NAMES AS APPEALS	59
Шигуров В.В. ОПЫТ ИСЧИСЛЕНИЯ ИНДЕКСОВ МОДАЛИЦИИ ГИБРИДНЫХ, ГЛАГОЛЬНО-МОДАЛЬНЫХ СТРУКТУР	62
Shigurov V.V. EXPERIENCE OF CALCULATING HYBRID, VOLUME-MODAL STRUCTURES MODELING INDICES	62
Черкасова М.Н. ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ	66
Cherkasova M.N. FOREIGN LANGUAGE IN PROFESSIONAL COMMUNICATION: SEMANTIC INTERRACTION OF RUSSIAN AND ENGLISH	66
Никольская Г.В. ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ ЕДИНИЦ ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПУТЕШЕСТВИЕ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	68
Nikol'skaya G.V. THE STUDY OF THE SEMANTIC WAYS OF FORMING THE STRUCTURAL UNITS OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD «TRIP» IN RUSSIAN AND ENGLISH.....	68
Журавлева Н.С., Асонова Г.А. ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ	72
Zhuravleva N.S., Asonova G.A. RESEARCH ON LINGUISTICS INFORMATION PERCEPTION AT THE RUSSIAN S A FOREIGN LANGUAGE LESSONS AT THE INITIAL STAGE OF LEARNING	72

HISTORICAL SCIENCES

УДК 94:[347.96:342.53](571.12)

Кудрявцев Николай Викторович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
социально-экономических и общественных дисциплин
Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова
(филиал) Тюменского государственного университета,
Россия, 627750, Тюменская обл., г. Ишим, ул. Ленина, 1,

Мастерских Людмила Викторовна
учитель Абатской средней общеобразовательной школы № 2,
Россия, 627540, Тюменская обл., Абатский район, с. Абатское, ул. 1 Мая, 56,

СЛОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО АППАРАТА НАРОДНЫХ СУДОВ ИШИМА И ПРИИШИМЬЯ (1920–1930 ГГ.): ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Kudryavtsev Nikolai Viktorovich,
candidate of historical Sciences, associate Professor of history
socio-economic and social disciplines
Ishim pedagogical Institute. P. P. Ershov
(branch) of Tyumen state University,
Russia, 627750, Tyumen region, Ishim, Lenin street, 1,
Masterskih Lyudmila Viktorovna
teacher of Abat Secondary school № 2,
Russia, 627540, Tyumen region, Abatsky area,
village Abatskaya, St. May 1, 56,

THE COMPLEXITY OF FORMATION OF PERSONNEL OF PEOPLE'S COURTS ISHIM AND PRIISHIMJE (1920-1930): THE HISTORICAL ASPECT

Аннотация

Целью исследования является изучение процессов кадрового формирования народных судов Ишима и Приишимья в 1920-е–1930 гг., установление корреляционных взаимосвязей между кадровым обеспечением и эффективностью деятельности судов на основе ранее не изученных источников. Рассмотрен порядок избрания судей, установлены основные проблемы, с которыми сталкивались судьи, определены основные причины увольнения народных судей.

В процессе разработки темы использовались: исторический, логический, историко-генетический, статистический методы.

Новизна данного исследования заключается в том, что специально вопросы кадрового обеспечения народных судов Ишима и Приишимья историками не поднимались. В данном исследовании вводятся в научный оборот ранее не изученные исторические источники, устанавливаются ранее неизвестные факты.

Результаты. В рассматриваемый период судьями становились рабочие или крестьяне, не имеющие опыта и соответствующего уровня образования, решения принимались непрофессионально. Увольнение судей происходило, как правило, по их собственному желанию. Моральный облик народных судей не соответствовал статусу судьи.

Abstract

The aim of the study is to study the processes of personnel formation of the people's courts of Ishim and Priishimya in the 1920s–1930, the establishment of correlation between staffing and efficiency of the courts on the basis of previously unexplored sources. The procedures for the election of judges, set the main problems faced by judges, the main reason for the dismissal of national judges.

In the process of developing the theme used: historical, logical, historical-genetic, statistical methods.

The novelty of this study lies in the fact that especially the staffing of the people's courts of the Ishim and Priishimje historians did not rise. In this study, previously unexplored historical sources are introduced into scientific use, previously unknown facts are established.

Results. During the period under review, the judges were workers or peasants without experience and appropriate level of education, decisions were taken unprofessionally. As a rule, judges were dismissed at their own will. The moral character of the people's judges did not correspond to the status of a judge.

Ключевые слова: советский народный суд; судебная власть; судьи; Ишим; Приишимье; Тюменская губерния; Уральская область.

Key words: Soviet people's court; judicial power; judges; Ishim; Priishimye; Tyumen province; Ural region.

Кадровое обеспечение советских учреждений, в первые годы советской власти, являлось едва ли не одной из основных проблем, с которой столкнулась советская власть при формировании институтов управления государством в центре и на местах. Сегодня историки вскрывают новые факты, подтверждающие непростую ситуацию, сложившуюся на местах в первые годы после Октябрьской революции. Кадровая политика, курс которой задал В.И. Ленин, декларируемый: «Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны» [2], являлась основой создания правовой системы социалистического государства. Однако многие факты говорят об утопичности такой идеи и о системных ошибках, которые допускались большевиками в первые годы власти. Подобные системные недостатки являлись следствием ряда других проблем. В современное время историки неслучайно обращаются к вопросам становления советских народных судов различных регионов и их кадрового аппарата [1], [4], [10], [12]. Однако авторы в основном рассматривают классовый подход при формировании кадров, а также уровень образования, компетенций, профессионализма, гендерной принадлежности судей. В то время как причинно-следственные связи текучести кадров, моральный облик советских народных судей на местах остаются малоизученными. Кадровое обеспечение народных судов Ишима и Приишимья в 1920-е–1930-е гг. не становилось предметом специальных, отдельно посвященных этому вопросу исследований. В некоторых трудах содержится лишь оценка уровня образования ишимских народных судей [12].

В период с 1920 по 1929 гг., основными критериями, каковым должен был соответствовать советский суд, служили приверженность политическому курсу, помощь партии и правительству в воплощении в жизнь их директив. Нормы, соответствующая которым, любой гражданин РСФСР имел право занять должность народного судьи, устанавливались Положением о судеустройстве РСФСР от 11 ноября 1922 г. [11]. Непременным условием, которому должен был соответствовать народный судья, являлась принадлежность к трудящемуся классу.

В период становления судебной системы Ишима и Приишимья остро ощущалась нехватка квалифицированных кадров, что явилось следствием особенностей, присущих новому политическому строю, которому на местах не хватало необходимого количества образованных сторонников. Кроме этого, трудное положение с кадрами было обусловлено и особым положением судов как проводников новой законности, где не было доверия имеющим дореволюционный опыт работы гражданам. Профессиональные юристы, накопившие свой опыт в дореволюционный период, опасались идти на службу в советские суды, но жизненные обстоятельства, в условиях нестабильной экономической обстановки, вынуждали их делать попытки вступить в советские нарсудьи. Однако, поданные заявления, оставались без рассмотрения. Игнорирова-

лись даже заявления юристов с сорокалетним стажем [9, д. 3, л. 23]. Большевики считали, что в условиях отсутствия законодательной базы, при разрешении дел судья должен руководствоваться только лишь революционной совестью и революционным правосознанием. В теории, такой подход и должен был выявить кандидатов в народные судьи с учетом их преданности большевистской политической линии, революционного опыта, партийно-классовой принадлежности, а не юридического образования и профессионализма.

К концу 1919 г. встала проблема кадрового формирования народных судов в Ишимском уезде. Основным источником кадров для судов являлось местное население, многие представители которого даже не имели представления о системе правосудия, не говоря уже об уровне образования и соответствующих компетенциях. Выразив согласие занять должность народного судьи в одном из участков Ишимского уезда, гражданин заполнял анкету, утверждавшуюся судебным исполнителем и содержащую вопросы о личных данных, месте жительства, семейном положении, имущественном состоянии. Формально в анкете значились вопросы и об образовательном цензе, а также практическом стаже. В анкете присутствовали и традиционные для советской системы кадрового делопроизводства первых лет, вопросы как: «Работа в культурно-просветительных и общественных политических организациях», «Чем занимался до Февральской революции и после нея, после Октябрьской и при Колчаке», «Партийность (какой партии, какой организации партийный билет и за каким номером)», «Состоял ли под судом и следствием за уголовное или политическое преступление» [9, л. 53]. Затем кандидат подавал в волостной исполком заявление с просьбой «рекомендовать или выставить кандидатуру в народные судьи» [9, л. 25].

Избрание судей осуществлялось на съезде членов волостных исполкомов. Волисполком, рекомендуя кандидата, выдавал ему удостоверение в том, что его поведение не вызывает сомнений, добросовестно и честно будет выполнять служебные обязанности, под судом и следствием не состоял, в политическом отношении благонадежен и является рядовым ячейки сочувствующих РКП (б). Последнее являлось одним из определяющих условий [9, л. 31]. Кроме того, кандидат в нарсудьи должен был предоставить поручительство не менее чем от двух членов РКП(б) [6, д. 5, л. 2]. После указанной процедуры, происходило утверждение кандидата уездным комитетом и губернским комитетом компартии, а также исполкомом [9, д. 3, л. 55]. Проверялись кандидаты и органами госбезопасности, сначала Губчека, позднее ОГПУ [6, д. 7, л. 4].

Таким образом, народным судьей становился тот, кто вписывался в рамки новых большевистских правил, чаще всего, не имея никакого образования, а зачастую и вовсе малограмотные. При этом стоит отметить, что малообразованным и неопытным людям, было трудно выполнять непростые обязанности судьи в сложное время становления нового гос-

ударства. Многие, стремясь избавиться от обременительных обязанностей, подавали заявления об увольнении. Из некоторых заявлений: «Снят с меня ответственную должность судьи ибо я человек семейной и хлебопашец и служба моя для меня очень затруднительна и обременена, я не имею ни какого образования, лишь только сельское, и не имея никакой судебной практики ранее не занимался ни в каком судебном производстве» [9, д. 3, л. 118]; «Уволить с занимаемого поста Народного судьи 13 участка Ишимского уезда ввиду малограмотности и малоопытности в дальнейшем я считаю служение, и обязанность нести пост Народного судьи для меня непосильным, потому что на этот пост я согласился служить только лишь потому что в первое время после освобождения нашей местности не кого было поставить» [9, л. 93]. В итоге расчет на то, что судьи обучатся в процессе практической работы, зачастую не оправдывался. Подтверждением чему служил отток кадров после непродолжительной работы.

Учитывая обширную территорию Ишимского уезда (позднее округа) и отсутствие хорошо развитой железнодорожной и дорожной сети, судьям было трудно, особенно в распутицу весной и осенью, своевременно проводить выездные сессии в деревнях. Нередко приходилось ходить пешком от одной деревни к другой. Никаким транспортом судьи не обеспечивались [9, д. 3, л. 75]. Кроме того, существовала реальная угроза жизни судей в неспокойных условиях Западной Сибири. В период Крестьянского мятежа 1921 г., народных судей попросту убивали как представителей советской власти. Часть судей, наоборот, привлекалась Губчека к ответственности по обвинению в том, что «находились в качестве технических работников при различных канцеляриях бандитов» [5, д. 9, л. 85].

Укреплению морального облика судьи в глазах населения не способствовали и многочисленные факты пьянства и нарушения закона представителями фемиды. Так, например, постановлением Ишимского Революционного комитета от 11 ноября 1920 г. народный судья седьмого участка, уличенный в пьянстве был уволен с должности и сам предан суду [9, д. 3, л. 72]. Эта проблема прослеживалась практически в течение всего рассматриваемого периода, что подтверждает выступление на пятом Ишимском окружном съезде судебно-следственных работников, проходившем 27–31 декабря 1927 г., председателя Ишимского окружного суда Д.И. Бобыкина, который отмечал: «судработников снимаем за пьянство, дебоширство, хулиганство, растрату» [7, д. 4, л. 87].

В 1922 г. и без того подорванная Крестьянским восстанием судебная система Ишимского уезда, по причине отсутствия финансирования, подверглась сокращению штатов более чем вдвое. Из 118 человек, состоящих в штате Ишимского бюро юстиции на 1 сентября 1921 г., после сокращения осталось всего 48 человек, из них 33 человека технические служащие (секретари, делопроизводители, бухгалтер, курьеры). Оставшиеся судьи были вынуждены вести дела упраздненных участков, но вовремя рассмотреть большое количество дел судьи были физически не в состоянии. Доклад о деятельности нар-

суда с 1 января по 1 марта 1922 г. говорит о принятии более трехсот нерешенных упраздненными нарсудами дел, работа с которыми потребовала значительного количества времени, серьезно затормозив всё судопроизводство в уезде [8, д. 15, л. 41].

Таким образом, в период 1919–1922 гг., характеризующийся значительным ростом преступности и требующий устойчивой правоохранительной системы, наблюдался глубокий кризис не только кадровой, но и судебной политики в целом. В это время в судебные органы Ишимского уезда пришло много случайных людей, формально соответствовавших идеологическим большевистским меркам, однако их моральные и профессиональные качества оставляли желать лучшего [5, д. 9, л. 59]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в правоохранительных органах Тюменской губернии. Ярким примером служит советская рабоче-крестьянская милиция, которая испытывала те же проблемы и острый кадровый дефицит. Например, к октябрю 1922 г. личный состав тюменской губернской милиции был укомплектован лишь на 30%. В докладе начальника Тюменской горюездной милиции, сделанном в этот период, говорилось: «Материальное положение плохое, штат на 90% не соответствует требованиям» [2].

Новой экономической политике потребовались изменения в кадровых подходах. Такие условия ознаменовали ужесточение контроля за деятельностью народных судов со стороны местных властей, особенно в части набора кадров. Подборкой персонала для судов стали заниматься парткомы. Бывало партия выступала и с инициативой об увольнении судей. Кроме того, существовала «привязка» к членству в партии и работала система «цепной реакции». Так, например, исключение народного судьи из членов РКП(б) автоматически влекло его увольнение, а вместо него, выдвигался новый кандидат, отвечавший статусу судьи по мнению большевиков [6, д. 5, л. 24].

Кроме того, в этот период возрастает степень интенсивности надзорной деятельности. Народные судьи стали обвиняться в недостаточно быстром рассмотрении дел. Условия, в которых продолжали трудиться работники судебных органов, оставались сложными: бытовая неустроенность, проводимые многочисленные авральные кампании, подготовка докладов к съездам [6, д. 7, л. 3].

К положительным моментам в профессиональной деятельности судей можно отнести налаженное централизованное снабжение с июня 1922 г. нормативно-правовыми актами. Так, стали поставляться собрания декретов, а также журнал «Еженедельник советской юстиции». Всем судьям присылалось по одному номеру журнала бесплатно [5, д. 9, л. 144]. Принятие кодексов в годы НЭПа потребовало более качественной профессиональной подготовки народных судей, которые при вынесении решений и приговоров уже не могли руководствоваться только революционным правосознанием. Руководство судебных органов и местные власти стояли перед задачей повышения квалификации кадров и улучшения качественного состава судебных работников. Финансовой поддержки со стороны местных властей хватало только для проведения местных

краткосрочных юридических курсов, не обеспечивающих высокий уровень преподавания, где в основном давали начальные знания о профессии вновь набранных судей. Тем не менее, короткие сроки обучения позволяли заполнять имеющиеся вакансии учреждений юстиции.

Таким образом, к середине 1920-х гг. профессиональная подготовка кадров немного стала улучшаться, и произошло пополнение судебного аппарата. Уровень образования изменился незначительно: на начало 1929 г. из 17 человек только двое имели среднее образование, остальные – «низшее», окончили юридические курсы – 4 человека. Однако такие улучшения не сработали на перспективу, поскольку работавшие на начало 1929 г. 17 судей, например, к 1935 г. уже в списках судей не значились. При подборе новых судей в конце 1920-х гг., предпочтение отдавалось молодым людям, немногим старше 20 лет без опыта работы и специального образования. Что касается классовой принадлежности, то на начало 1929 г. преобладали крестьяне [7, д. 4, л. 1–132], [8, д. 15, л. 1–91].

К 1930 г., наиболее сильно и очевидно стало проявляться давление местных властей на судопроизводство при осуществлении ими хозяйственно-политических кампаний, а после ликвидации в 1930 г. округов, местная администрация напрямую вмешивалась в дела судов, т.к. старый руководящий аппарат органов юстиции был упразднен. Надзирающие функции местным властям, в некоторой части, были делегированы Уральским областным судом, а часть полномочий местными руководящими органами были попросту присвоены. Власти приступили к реализации своей кадровой политики. В этот период целенаправленно в индивидуальном порядке проходил отсев квалифицированных судей, производилась замена их на выросшую при новом советском строе молодежь, которая, предполагалось, будет безоговорочно выносить «нужные» партии «классово выдержанные» карательные решения. В ряде случаев, данный метод сработал, поскольку молодые кадры «были обязаны» советской власти за предоставленное статусное место в обществе, которое многие боялись потерять, а также за то, что им дали возможность подняться из низов [7, д. 4, л. 1–132].

Таким образом, в рассматриваемый период, в Ишиме и Приишимье, как и РСФСР в целом, не удалось преодолеть сложности, связанные с качественным формированием личного состава народных судов. Ярко преобладал классовый подход в кадровой политике, который никак не мог сработать на качество правосудия. Претензии же к народным судьям сохранялись независимо от их происхождения и принадлежности к партии большевиков, а, как правило, были связаны с некомпетентностью. Судьи, особенно в начале 1920-х гг., исходили из собственных представлений о правосудии, что явилось следствием вынесенных в 1918–1925 гг. во многом мягких судебных решений. Подобная гуманность судей не находила одобрения ни со стороны местных властей, которых не устраивали недостаточно жесткие приговоры по

ряду контрреволюционных дел, ни со стороны населения, считавшего недостаточно жесткими меры народного суда по общеуголовным правонарушениям. По этой причине население не испытывало доверия к судебной системе. Еще одним поводом для недоверия был невысокий уровень морально-этических качеств местных судей. Не оправдала себя и установка на использование в качестве судей политических работников-непрофессионалов, которые не могли должным образом организовать судопроизводство на профессиональном юридическом уровне.

Впоследствии, все указанные проблемы привели к отказу высшего руководства от изначально заданной судебной системы, главную роль в которой играли некомпетентные народные судьи. В дальнейшем в советской стране стала складываться более профессиональная система судебных учреждений, в которую постепенно стали входить более компетентные работники.

Список литературы

1. Козлов Д.С. Организация и кадровое обеспечение губернских судебных органов после октябрьской революции 1917 г. (на примере народных судов Новгородской губернии) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 4-2 (87). С. 125–128.
2. Кудрявцев Н.В., Скипина И.В. Материалы кадрового делопроизводства советской рабоче-крестьянской милиции Тюменской губернии 1918–1923 гг. как исторический источник // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-1 (38). С. 99–103.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений (5-е издание). Т. 36. М., 1969. 742 с.
4. Мирошниченко М.И. Пути преодоления гендерной асимметрии в местных судебных органах на Урале в 1920–середине 1930-х гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 2. С. 40–43.
5. Муниципальное казённое учреждение «Управление имуществом и земельными ресурсами г. Ишима» (МКУ «УИиЗР г. Ишима»). Ф. Р-8.
6. МКУ «УИиЗР г. Ишима». Ф. Р-23.
7. МКУ «УИиЗР г. Ишима». Ф. Р-79.
8. МКУ «УИиЗР г. Ишима». Ф. Р-80.
9. МКУ «УИиЗР г. Ишима». Ф. Р-155.
10. Олейник И.И. Особенности становления народных судов в советском государстве (1918–1920 гг.) // Российский судья. 2004. № 5. С. 43–48.
11. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие положения о судоустройстве РСФСР» [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8322#02909985308003147> (дата обращения 06.08.2019).
12. Шабанова И.К. Становление и развитие советской судебной системы в среднем Зауралье (1918–1938 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2009. 226 с.

УДК 311

Виталий Александрович Скопадоктор исторических наук,
заведующий кафедрой философии и культурологии**ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СТАТИСТИЧЕСКИХ КАДРОВ: ИЗ ИСТОРИИ
ОРГАНИЗАЦИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ КУРСОВ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД 1917-1918 ГГ.****Vitaly Aleksandrovich Skopa**Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies
"Altai State Pedagogical University"**CHANGES IN THE SYSTEM OF TRAINING STATISTICAL PERSONNEL: FROM THE HISTORY
OF THE ORGANIZATION OF STATISTICAL COURSES IN THE TRANSITION PERIOD 1917-1918****Аннотация**

В статье рассматривается процесс подготовки квалифицированных кадров для статистической системы советской России. Внимание уделено анализу циклов предметов по уровню подготовки статистиков. Отдельно дифференцированы технические работники и служащие в губернском статистическом бюро.

Abstract

The article discusses the process of training qualified personnel for the statistical system of Soviet Russia. Attention is paid to the analysis of cycles of objects according to the level of training of statisticians. Separately differentiated are technical workers and employees in the provincial statistical bureau.

Ключевые слова: статистические курсы, губерния, статистика, статистический учет, подготовка кадров.

Key words: statistical courses, province, statistics, statistical accounting, training.

Изменение общественно-политического строя в 1917 году повлекло за собой изменение всех существовавших систем, а вместе с тем и их внутренних сателлитов. В целях снабжения центральных и местных учреждений достаточным контингентом статистических сил Центральное статистическое управление организовывало централизованные районные и губернские статистические курсы. Их значение было весьма высоко. Поскольку до организации статистического института, как основополагающего центра в подготовке специалистов в области статистического учета, центральные курсы осуществляли научную подготовку квалифицированных работников, кроме уездных статистиков, для губернских и центральных статистических учреждений [1]. Для подготовки заведующих уездными статистическими бюро и ответственных технических работников губернских и уездных статистических организаций учреждались районные курсы.

В качестве временной меры, в целях усиления подготовки заведующих секциями губернских статистических бюро и их помощников, учреждались при районных курсах особые отделения. Губернские курсы организовывались в целях подготовки достаточного контингента, в первую очередь, волостных статистиков, как низовую основу статистической сети, поскольку во многом от них зависело своевременное представление материала и его последующее представление.

Центральные курсы организованы были в Москве при центральном статистическом управле-

нии. Они являлись основополагающими в утверждении дальнейших программ подготовки. Районные курсы были «рассредоточены в Москве, Петрограде, Казани, Самаре, Саратове, Воронеже, Вологде, Иваново-Вознесенске». В сопровождающем письме отмечалось, что «если по отзыву Губернского Статистического Бюро окажется достаточный запас преподавательских сил, то губернские курсы для подготовки волостных статистиков учреждаются в каждом губернском городе». На практике данное действие большого развития не получило [2].

Московские центральные статистические курсы имели всероссийское значение, и слушатели на эти курсы допускались из всех губерний. В отдельных случаях даже направлялись по ходатайству региональных властей. Это касалось в первую очередь отдаленных территорий. В качестве примера можно отметить, как привлекались слушатели районных курсов из отдельных губерний. Так, на Московские районные курсы из губерний Московской, Калужской, Смоленской, Тверской, Рязанской, Тульской и Гомельской; на Петроградские районные курсы - из Петроградской, Олонецкой, Псковской, Новгородской, Витебской; на Казанские районные курсы - из Казанской, Пермской, Симбирской и Екатеринбургской; на Самарские - из Самарской и Екатеринбургской; на Оренбургские - из Самарской, Уфимской, Оренбургской, Пензенской и Екатеринбургской; на Саратовские - из Саратовской, Астраханской, Царицынской и Уральской; на Воронежские - из Воронежской, Тамбовской, Орловской и Курской; на Вологодские курсы из Вологодской, Череповецкой, Северо-Двинской,

Архангельской и Вятской; на Иваново-Вознесенские курсы - из Иваново-Вознесенской, Владимирской, Костромской, Нижегородской и Ярославской [3. д. 416. л. 2-4]. В случае, если соответствующие курсы не могли быть организованы в других губерниях допускался переход слушателей на районные курсы из губерний, не входящих в состав района.

В организации курсов внимание уделялось организационным и теоретико-методическим аспектам. Так, продолжительность сессии Московских центральных статистических курсов определялась в 5 месяцев, районных курсов для подготовки заведующих уездными статистическими бюро в 4 месяца, для подготовки технических работников губернских и уездных статистических бюро в 2 месяца и губернских курсов для подготовки волостных статистиков в 3 месяца.

На московских центральных статистических курсах преподавали обязательно для всех слушателей независимо от избранной ими специальности, следующие предметы: теоретическая политическая экономия; основы хозяйственного быта Советской Социалистической Республики; основы государственного и административного права Советской России; основы математической статистики; теория и техника статистики; история статистики; организация государственной статистики; история земской статистики; демография; моральная статистика; сельскохозяйственная экономия и статистика; экономия и статистика промышленности; экономия и статистика потребления со включением курса: производство и потребление важнейших продуктов питания; статистика труда. Фактически, весь спектр предметов являлся практико-ориентированным [4].

На преподавание выше обозначенных предметов отводилось в общей сложности 336 часов лекций и семинаров. В дополнение к прохождению курса были определены практические занятия по основным специальностям статистической работы: демографическая и избирательная статистика; сельскохозяйственная статистика; статистика промышленности и труда; статистика народного образования; статистика продовольственная и транспортная; врачебно-санитарная статистика; моральная статистика, военная статистика. На данных специальных циклах, по которым распределялись слушатели, преподавание лекций и семинаров чередовалось с практическими работами в учреждениях. Данное введение являлось во многом новшеством, и позволяло обучающимся соприкоснуться с практикой [3. д. 416. л. 2-4].

План и программа преподавания, а также распределение циклов по специальностям утверждались советом курсов. При прохождении теоретического курса, слушатели, которые готовились занять должность заведующего уездным статистическим бюро, дополнительно работали в течение 2-3 недель в губернских статистических бюро в целях практического ознакомления с тем циклом статистических работ, которые могли быть возложены на уездные статистические организации. Данная практика подготовки имела важное значение, и в

первую очередь, с точки зрения эмпирической основы.

На курсах для подготовки ответственных технических работников губернских и уездных статистических бюро устанавливалось 5 циклов преподавания: цикл сельскохозяйственной статистики (основной и текущей); цикл продовольственной статистики; цикл промышленной статистики (статистика промышленности и статистика труда); цикл демографии; цикл статистики народного образования [3. д. 416. л. 2-4]. Занятия на циклах, по которым слушатели распределялись с момента их поступления на курсы, велись согласно утвержденному плану. Те, кто готовился выполнять технические работы теоретический курс лекций и семинаров слушали на курсах для подготовки заведующих уездными статистическими бюро. Свободные часы посвящали работам в статистических учреждениях. Данный синтез теории и практики позволял на качественно новой основе подходить к решению стоящих проблем при выполнении статистических работ.

Преподавание на курсах волостных статистиков охватывало следующий спектр предметов: арифметика и геометрия; основы статистики; статистика сельскохозяйственная; демография; промышленная статистика; земельная статистика; кооперативная статистика; продовольственная статистика; основы действующего административного права; статистика народного образования. В свободное время слушатели волостных курсов посвящали практическим занятиям в учреждениях губернского статистического бюро и выполнению технических заданий по организации на местах отдельных сторон волостной статистики. На практике, волостная статистика, фактически охватывала все стороны жизнедеятельности, и от этого во многом зависела репрезентативность формируемого материала.

Программы и планы преподавания на районных и губернских курсах для подготовки волостных статистиков утверждались центральным статистическим управлением. На московские центральные статистические курсы слушатели командировались соответствующими учреждениями из состава своих сотрудников.

Слушатели на районные курсы приглашались в порядке замещения соответствующих должностей и получали в период прохождения курсов содержание по должности и суточное довольствие, согласно соответствующих положений, с обязательством до утверждения в должности прослушать и выполнить определенный круг практических занятий.

Слушатели на волостные курсы привлекались предпочтительно из состава местного волостного населения и в период нахождения своего на курсах получали посуточное вознаграждение так же согласно действующим правилам.

Ведение занятий на московских центральных и московских районных курсах объединялось в техническом и организационном отношении, по-

сколькx это способствовало более сконцентрировано подойти к организации занятий и рационально распределить финансы.

В практическом плане при обучении на московских центральных статистических курсах для лиц, готовящихся к занятию должностей в губернских статистических бюро, учреждалась образцовая школа волостных статистиков, где слушатели могли бы наглядно знакомиться с приемами преподавания и могли участвовать в работе школы в форме пробных уроков.

Таким образом, организация и подготовка статистиков в переломный период 1917-1918 года была на достаточно высоком уровне. Внимание

уделялось как практической основе, так и теоретической. Предложенный спектр дисциплин во многом носил практико-ориентированный характер.

Литература

1. Елисеева И. И., Шепелев Л. Е. К истории образования органов государственной статистики в России // Вопросы статистики. 2002. № 5.

2. Волков Е. З. Аграрно-экономическая статистика России в итогах её научных и методологических достижений, земского опыта и практики, последних пяти лет революционного перелома (1865-1922 гг.). М., 1923.

3. Государственный архив Новосибирской области Ф. 146-Д. Оп. 1.

4. История Российской государственной статистики: 1811–2011 гг. М., 2013.

УДК 94 (571.1)

Виталий Александрович Скопа

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой философии и культурологии*

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ОФОРМЛЕНИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СТЕПЕННОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Vitaly Aleksandrovich Skopa

*Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies
"Altai State Pedagogical University"*

LEGAL ASPECTS IN THE DESIGN OF STATISTICAL INSTITUTIONS IN WESTERN SIBERIA AND THE STEPPE REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES: PROBLEMS AND CONTRADICTIONS

Аннотация

В статье на основе архивного материала и опубликованных источников рассматривается процесс правового становления системы статистических учреждений Западной Сибири и Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. Анализируются положения 1860 года «О губернских и областных статистических комитетах» и 1865 года «О губернских и областных комитетах к губерниям и областям Западной и Восточной Сибири». На основе данных документов определяется членский состав региональных центров статистического учета, финансовое обеспечение и основные направления деятельности. Оформление статистических комитетов способствовало развитию региональной статистической системы. В статье отдельное внимание уделено юридическому оформлению статистического отдела Сибирского казачьего войска, развитию статистической деятельности городских управ в соответствии Городового положения 1870 года и статистических отделов Переселенческих районов, что в своей совокупности представляло статистическую систему региона.

Abstract

Based on archival material and published sources, the article discusses the process of legal formation of the system of statistical institutions in Western Siberia and the Steppe Territory in the second half of the XIX - early XX centuries. The provisions of 1860 "On Provincial and Regional Statistical Committees" and 1865 "On Provincial and Regional Committees to the Provinces and Regions of Western and Eastern Siberia" are analyzed. Based on these documents, the membership of the regional centers of statistical accounting, financial support and the main activities are determined. The design of the statistical committees contributed to the development of the regional statistical system. In the article, special attention is paid to the legal registration of the statistical department of the Siberian Cossack army, the development of the statistical activity of city administrations in accordance with the City Regulation of 1870 and the statistical departments of the Migrant Regions, which together represented the statistical system of the region.

Ключевые слова: история; Западная Сибирь; Степной край; циркуляр; положение; статистический комитет.

Key words: story; Western Siberia; Steppe region; circular; position; statistical committee.

В нормативном обеспечении с 1860 года начался новый этап в развитии статистических учреждений, нацеленный на укрепление региональных центров статистического учета, оформление статистической системы и инструктивно-методическое обеспечение проводимых статистических работ. Согласно нововведениям, все губернские статистические комитеты подчинялись Центральному комитету, которому поручалось давать им надлежащие наставления и руководства относительно сбора необходимых для него сведений [7]. Вслед за этим начался процесс упорядочения губернской и областной статистики. 26 декабря 1860 г. вышло «Положение о губернских и областных статистических комитетах», регламентировавшее их деятельность, которое определяло состав, указывало права и обязанности сотрудников, называло основные источники финансирования [14]. Положение определило и содержание деятельности комитетов. С целью всестороннего изучения регионов направления деятельности были детализировано расширены. Циркуляром МВД от 8 апреля 1861 года за № 397 выражалось детализация, «чтобы в делопроизводстве статистических комитетов, как учреждения административно-ученого, а не просто административного, не было введено лишней административной переписки» [4]. Тем самым, формировались отношения между членами комитета, «более соответствующие ученому обществу, а не казенному учреждению» [4]. В соответствии с Положением, статистическим комитетам рекомендовалось печатать журналы заседаний и самим обсуждать ежегодные отчеты. Деятельность такого рода и гласность, способствовали привлечению образованных людей губернии к «деятельному участию в работах комитета» [1]. К тому же, рекомендовалось соединять должность секретаря комитета с должностью редактора «неофициальной» части «Губернских ведомостей», так как «удовлетворительного исполнения обеих этих должностей можно ожидать только от человека образованного, возможно обеспеченного в своем материальном положении, к чему представляется способ в соединении двух окладов жалованья, не стесненного другими формальными обязанностями и поставленного в его учено-литературной деятельности в прямой зависимости только от начальника губернии вне влияния частных губернских властей» [4]. Вся деятельность статистических комитетов была разделена на обязательную, «имеющую целью доставление необходимых Правительству данных» и необязательную «состоящую в ученых трудах всякого рода, имеющую целью исследование губернии в разных отношениях» [5]. Нормативное закрепление направлений деятельности статистических комитетов позволило региональным властям рационально подойти к организации статистических работ на местах и системно определить их приоритетность и последовательность выполнения.

Особенностью данного Положения для сибирского региона было то, что финансовая составляющая не распространялась на статистические комитеты Западной и Восточной Сибири. Во многом это

продолжало сдерживать региональные центры статистического учета и их координацию в осуществлении статистических работ на местах [22]. Основываясь на протоколы и журналы заседаний статистических комитетов, очевидным является нехватка денежных средств на осуществление статистических обследований и издание трудов комитетов [6, 17]. Не исключением являлись обращения секретарей в губернское правление с просьбой «выделения денежных средств для существования их деятельности комитета» [25]. В целом, неполноценное распространение Положения 1860 года в части финансового обеспечения сдерживало деятельность статистических учреждений Западной Сибири.

Завершающим этапом нормативного оформления статистических комитетов Западной Сибири и Степного края являлось Положение «О губернских и областных комитетах к губерниям и областям Западной и Восточной Сибири», принятое в 1865 году, которое в полном объеме распространило «Положение 1860 года» на губернии и области Западной и Восточной Сибири [3]. В соответствии с «Положением» статистическим комитетам вменялось исправное ведение местной административной статистики, что предполагало определение способов сбора точных статистических сведений о количестве и качестве земель, народонаселении и производительных силах, проверку и обработку этих сведений по единообразным формам, установленным Министерством внутренних дел, а впоследствии издание сформированного материала. Таким образом, данным документом была определена главная цель деятельности статистических комитетов. В течение года им вменялось составление: а) статистических таблиц для Центрального статистического комитета, б) статистических ведомостей, прилагаемых к всеподданнейшим отчетам руководителей губерний или областей, и в) статистических ведомостей, необходимых губернским комитетам земских повинностей [20]. К тому же, весь текущий статистический учет и издание результатов обследований становились обязательной деятельностью комитетов.

Согласно пункту двадцатому Положения от 1865 г., на содержание комитетов назначалась штатная сумма от 1500 до 2000 рублей серебром в год из земских губернских или областных сборов, с пособием, где возможно, из доходов местных губернских типографий. Данная сумма определялась каждые три года при раскладке земских повинностей и могла в случае необходимости изменяться по усмотрению руководителя губернии или области. Среди возможных затрат назывались жалованье секретарю комитета, расходы по обработке и переписке научных работ, на канцелярские потребности, приобретение пособий, карт и журналов, издание трудов, командировки чиновников, наем квартиры для канцелярии комитета [2]. По окончании года комитеты должны были представлять в Центральный статистический комитет краткие отчеты о своих занятиях и информацию о финансовых рас-

ходах [20]. В целом, данным документом статистические комитеты Томской и Тобольской губерний, а несколько позже Степного края окончательного были оформлены и имели возможность в соответствии отведенных сумм осуществлять статистические работы в полном объеме с последующим изданием статистических трудов.

Реализация данного положения способствовала оформлению региональной статистической системы в лице статистического отдела Сибирского казачьего войска, хозяйственно-статистических отделов городских и земских управ и статистических отделов Переселенческих районов, где консолидирующим звеном выступали губернские и областные статистические комитеты. Активизировали нормативное оформление системы статистических учреждений идущие социально-экономические и политические процессы.

Нормативное закрепление статистической системы в структуре Сибирского казачьего войска относится ко второй половине 60-х годов XIX века. Процесс становления статистического отдела в казачьем войске, и как следствие, развитие статистического учета, являлись внутренне присущими элементами всей административной структуре войскового правления. Анализируя переписку между войсковым правлением Сибирского казачьего войска и центральными ведомственными учреждениями, становится очевидным необходимость внутривидового статистического учета [10]. Причем, ни с целью разового формирования статистического материала, а системного его накопления с последующей обработкой «в интересах войска и развития статистических данных» [8]. Нормативное оформление статистического отдела при Войсковом хозяйственном правлении было закреплено на «основании высочайше утвержденного 19 февраля 1865 г. положения комитета министров», где прописывалось, что «при войсковом хозяйственном правлении и на общем основании губернских и областных комитетов согласно положениям к 386 ст. ч. 1 т. II свода по продолжению 1863 г. образуется статистический отдел...» [8]. Данным положением закреплялось и финансовое обеспечение статистической части. Обеспечение секретаря статистического отдела Сибирского казачьего войска было приравнено к секретарям губернских и областных статистических комитетов с выплатой 750 рублей в год [8]. Отдельно значимой статьей расхода являлась сумма в 450 рублей, которая могла быть использована, как отмечалось в циркуляре, адресованном к организации статистического отдела «по назначению или других надобностей» [8]. Сюда были отнесены расходы по сбору и обработке статистических сведений, на письменные потребности, на приобретение учебных пособий, книг, журналов, расходы по изданию статистических трудов и на командировку различных лиц со статистическими поручениями [21]. Фактически, статистический отдел Сибирского казачьего войска в финансовом обеспечении был определен Положением 1865 года. Важной стороной нормативного определения статистического отдела являлось кадровое

обеспечение. В соответствии положения ключевой фигурой в организации и деятельности отдела являлся секретарь [30]. Вся ответственность за организацию и проведение статистических работ была возложена на него.

Во второй половине XIX века нормативное определение получила и статистическая деятельность муниципалитетов. Возникновение муниципального статистического учета связано было с общественными процессами становления российской государственности, и в первую очередь – городского самоуправления. Осуществлять эффективное управление на уровне города было невозможно без статистических данных об экономических, социальных, экологических, демографических процессах. Получаемых данных от губернской администрации было недостаточно для решения текущих задач [27]. Система хозяйственно-статистической деятельности в административных структурах города была определена городским Положением 1870 года [36]. В содержательной части было определено «Попечение и распоряжения по городскому хозяйству, благоустройству и учету предоставляются городскому общественному управлению, а надзор за законным сего исполнением – Губернатору, на точном основании правил настоящего Положения» [16]. Несмотря на административную замкнутость, система городского самоуправления самостоятельно формировала отраслевой статистический материал в соответствии потребностей и запросов административно-хозяйственных структур.

Городское общественное управление было представлено городским избирательным собранием, городской думой и городской управой, где в руках последней были сосредоточены материалы текущего статистического учета. Комплектуемые хозяйственно-статистические сведения группировались по различным направлениям. Во многом они отражали хозяйственную направленность, являясь инструментом для осуществления административных полномочий муниципалитетами [24]. Городская реформа способствовала созданию системы статистического учета на местном уровне, вписываясь в контекст действующих статистических учреждений, тем самым расширяя и преумножая текущий статистический материал о регионе.

Реализация нормативной базы ускорила развитие статистических учреждений в Сибири, хотя по ряду причин не затронула некоторых ее областей. В 1868 г. в составе Западно-Сибирского генерал-губернаторства были образованы Акмолинская и Семипалатинская области [15]. Первоначально сбором и обработкой статистических материалов в областях под непосредственным руководством военных губернаторов занимались местные войсковые правления. Впоследствии, с прекращением выделения средств, сбор статистических сведений перешел в ведение областных правлений, выполнявших данную работу при помощи уездных начальников, причем без критической проверки и обработки полученных материалов [28].

Одними из первых на территории Степного края были учреждены статистические комитеты в Семипалатинской и Акмолинской областях [23]. Вопрос об открытии комитета в Семипалатинске был поднят ещё в 1861 г., когда МВД разослало губернаторам запрос о возможности распространения положения о комитетах в Степных областях. В нём указывалось, что общее положение может быть подвергнуто некоторым изменениям «сообразно с местными обстоятельствами» [32]. Областное правление, изучив циркуляр, ответило, что «сбор точных сведений по области необходим, что правила оно находит «удобноприменимыми» [32]. Было решено ходатайствовать об открытии статистического комитета с содержанием в 2 тыс. руб. из земских сборов Томской губернии. Однако администрация фактически ещё не была готова к учреждению комитета, в области «не предвиделось большого числа действительных членов, могущих быть полезными своими трудами и не нуждающихся в вознаграждении» [32].

С учетом возрастающих потребностей в статистических данных и своевременном их предоставлении в МВД в 1874 году вновь был поднят вопрос об устройстве в Акмолинске и Семипалатинске статистических комитетов, тем более что войсковое правление прекратило финансирование всех статистических работ [31]. В этом же году генерал-губернатор Западной Сибири А. П. Хрущов представил на имя министра внутренних дел прошение об открытии статистических комитетов в Омске и Семипалатинске. Свое послание он мотивировал тем, что, согласно правительственным указам, в каждой губернии или области должны иметься специальные учреждения для исправного содержания административной статистики [9]. В итоге комитеты были учреждены в декабре 1877 г. Фактическое же их открытие состоялось в 1878 г.: Семипалатинского – в июне, Акмолинского – в августе с выделением им ежегодной субсидии в размере 2000 рублей [19].

С 1882 года Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области были выделены в самостоятельное Степное генерал-губернаторство. Семиреченский статистический комитет был образован одним из последних среди областей Степного края. До его образования область не имела своего статистического органа. Сбором статистических сведений занималось областное правление [35]. В 1872 году была предпринята попытка создания комитета в области, но план не был осуществлен. В декабре 1878 г. на улучшение статистики в области было разрешено отпускать 1 тыс. руб. Однако отсутствие механизма формирования сведений не позволяло на системной основе развернуть деятельность регионального центра статистического учета. Состав комитета был сформирован номинально [26]. Практическая деятельность комитета началась с 1887 года в соответствии с действующими положениями [33]. После неоднократных ходатайств с 1896 г. средства комитета увеличились до 2 тыс. рублей, был назначен секретарь, расширена номенклатура

непрерывных членов, избрано 76 действительных членов [34].

В конце XIX – начале XX веков большое значение для укрепления региональной сети статистических служб Западной Сибири и Степного края внесло нормативно-правовое закрепление Переселенческих управлений, а вместе с тем и их статистических отделов. С момента образования в 1896 г. Переселенческого управления статистика земледельческих переселений перешла в его ведение. В конце 1905 г. оно, в связи с началом аграрных преобразований, было передано Главному управлению землеустройства и земледелия [12]. В Западной Сибири и Степном крае статистический учёт переселенческих хозяйств вели хозяйственно-статистические и агрономические отделы Акмолинского, Тобольского и Томского переселенческих районов, а также статистическое бюро Алтайского округа.

Главным в переселенческом процессе являлся Томский переселенческий район, образованный в 1906 г. В состав Томского переселенческого района входило семь уездов: Барнаульский, Змеиногорский, Каинский, Бийский, Мариинский, Томский с Нарымским краем и 144 волости. Земли уездов Барнаульского, Бийского, Змеиногорского и 5 южных волостей Томского уезда площадью всего 41 млн. дес. составили Алтайский округ, который являлся землей Кабинета Его Императорского Величества. Управление переселенческим районом делилось на отделы, каждый из которых исполнял свою функцию [11].

Учитывая объем проводимых работ, только в Томском переселенческом районе, как самостоятельная структурная единица был оформлен статистический отдел. В Акмолинской области и Тобольской губернии статистическая деятельность была растворена в техническом и агрономическом отделах [18, 29]. В Семипалатинской области статистическими обследованиями занимался областной статистический комитет по заранее разработанным переписным листам [13]. В целом, юридическое закрепление статистических отделов позволило перейти на системное формирование отраслевых статистических данных для хозяйственно-управленческих структур.

Таким образом, окончательное нормативно-правовое оформление статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в период 1860-1918 гг. представляло собой юридическое закрепление статистической системы и определение основных направлений ее деятельности. Заложенное кадровое и финансовое обеспечение статистических комитетов Положениями 1860 и 1865 гг. позволило на регулярной основе формировать статистические сведения. Потребность в разносторонних статистических данных и на разных уровнях юридически закрепило ведомственно-отраслевые статистические отделы, как часть статистической системы. Сформированные статистические службы готовы были адекватно удовлетворять административные запросы на своевременный статистический материал.

Список литературы

1. Бердинских В. А. Уездные историки: русская провинциальная историография. – М., 2002.
2. Государственный архив Томской области Ф. 234. Оп. 1. Д. 112.
3. Государственный архив Томской области Ф. 234. **Оп. 1. Д. 196.**
4. Государственный архив Томской области Ф. 234. Оп. 1. Д. 37.
5. Государственный архив Томской области Ф. 234. Оп. 1. Д. 9.
6. Журнал заседаний Тобольского губернского статистического комитета за 1862, 1865 гг.
7. Записка об устройстве губернских и областных статистических комитетов. – СПб., 1859.
8. Исторический архив Омской области Ф. 3. Оп. 9. Д. 15239.
9. Исторический архив Омской области Ф. 3. Оп. 9. Д. 15240.
10. Исторический архив Омской области Ф. 67. Оп. 2. Д. 1627.
11. Кузнецов Д. В. Работа администрации по заготовке колонизационного фонда в среднем Прииртышье в конце XIX-начале XX вв. // Исторический ежегодник. - Омск, 1999. - С.35-42.
12. Никулин П. Ф. Основные направления деятельности статистического отдела Томского переселенческого района в 1906 – 1917 гг. // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. – Томск, 2007. – С. 91–94.
13. Переселение в Степной край в 1907 году. Справочная книжка о переселения в области Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую и Семипалатинскую. – Вып. 37. — СПб., 1907.
14. **Полное собрание законов Российской империи** Собр. 2. – Т. 35. – Отд. 2. - № 8952.
15. **Полное собрание законов Российской империи** Собр. 2. – Т. 43. – Отд. 1. - № 46380.
16. **Полное собрание законов Российской империи** Собр. 2. – Т. 45. – Отд. 1. - № 48498.
17. Протоколы заседаний Томского губернского статистического комитета за 1864, 1865 гг.
18. Протоколы совещания статистиков Переселенческого управления на 1915 год. – Омск, 1915.
19. **Российский государственный исторический архив Ф. 1290. Оп. 2. Д. 95.**
20. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения Министерства за 1865 год. – СПб., 1865.
21. Скопа В. А. История организации статистического отдела Сибирского казачьего войска во второй половине XIX века // Вестник ТГУ (История) №3 (15) – Томск, 2011. – С. 76-81.
22. Скопа В. А. История развития статистики и статистических учреждений Томской губернии в 1835-1919 годах – Барнаул, 2009.
23. Скопа В. А. Организация и направления деятельности статистических комитетов Степного края в последней трети XIX - начале XX вв. // Мир науки, культуры, образования - Горно-Алтайск, 2014. - № 5 (48) - С. 266-268.
24. Скопа В. А. Развитие статистики в системе общественных организаций и городского самоуправления в Томской губернии в конце XIX – начале XX века // Местное самоуправление в истории Сибири XIX – XX веков. Сборник материалов региональной научной конференции. – Новосибирск, 2004. – С. 112-122.
25. Тобольский филиал государственный архив Тюменской области Ф. 417. Оп. 1. Д. 586.
26. Урашев С. А. Семиреченский областной статистический комитет - первое научное общество на территории края 1879-1917 гг. – Алматы, 2008.
27. Храмцов А. Б. Статистическая отчетность в деятельности органов городского самоуправления Тобольской губернии (1870-1917 гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. – Тюмень, 2006. - № 8. – С. 179-188.
28. Центральный государственный архив Республики Казахстан Ф. 15. Оп. 1. Д. 113.
29. Центральный государственный архив Республики Казахстан Ф. 469. Оп. 1. Д. 12.
30. Центральный государственный архив Республики Казахстан Ф. 471. Оп. 1. Д. 12.
31. Центральный государственный архив Республики Казахстан Ф. 471. Оп. 1. Д. 24.
32. Центральный государственный архив Республики Казахстан Ф. 480. Оп. 1. Д. 2.
33. Центральный государственный архив Республики Казахстан Ф. 828. Оп. 1. Д. 5.
34. Центральный государственный архив Республики Казахстан Ф. 828. Оп. 1. Д. 8.
35. Центральный государственный архив Республики Казахстан Ф. И-44. Оп. 8. Д. 29.
36. Щегловитов С. Городовое положение с законодательными мотивами, разъяснениями и дополнительными узаконениями. – СПб., 1912.

Виталий Александрович Скопа

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой философии и культурологии*

ТРУДЫ СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.)

Vitaly Aleksandrovich Skopa

*Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies
"Altai State Pedagogical University"*

PROCEEDINGS OF THE STATISTICAL COMMITTEE AS A SOURCE FOR THE STUDY OF SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES (BASED ON MATERIALS FROM THE SEMIPALATINSK REGION IN THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES)

Аннотация

В статье анализируются издания Семипалатинского статистического комитета по проблемным аспектам экономики, демографии и социальной сферы конца XIX – начала XX в. Систематизированы сюжеты из Памятных книжек Семипалатинской области, адрес-календарей, обзоров. Выделены сложности, с которыми приходилось сталкиваться служащим при формировании статистических данных и их верификации.

Abstract

The article analyzes the publications of the Semipalatinsk Statistical Committee on the problematic aspects of the economy, demography and social sphere of the late XIX - early XX centuries. The plots from the Memorial Books of the Semipalatinsk Region, the address-calendars, reviews are systematized. The difficulties that an employee had to deal with when compiling statistics and verifying them were highlighted.

Ключевые слова: *история, издания служащих, статистический комитет, Степной край, статистика.*

Key words: *history, publications of employees, statistical committee, Steppe region, statistics.*

Центральный статистический комитет, созданный на базе существовавших статистических учреждений в 1857 году, состоял из статистического и земского отделений. Положением 1863 года на ЦСК было возложено: сосредоточение, проверка, обработка и печатание поступающих ежегодно из губернских, областных и городских статистических комитетов таблиц и сведений по России; сбор и обработка данных, необходимых для раскладки земских повинностей; разработка статистических данных, доставляемых другими ведомствами; представление другим ведомствам статистических сведений, собираемых ЦСК; единовременные статистические работы [9, с.9].

Издания Центрального статистического комитета основывались на базе данных, поступающих из местных статистических комитетов. В Казахстане одним из первых был образован Семипалатинский статистический комитет, официально учрежденный в 1877 году. Открытию предшествовала длительная переписка генерал-губернатора Западной Сибири с Министерством внутренних дел: «... области эти с их казачьим населением, составленным из различных национальностей России, с их инородческим своеобразием кочевым населением, с их караванными путями и обширную степною местной меновой и транзитной торговлей заслуживают серьезного изучения. Поэтому собрание данных в

этой части Западной Сибири не только вполне желательным, но и совершенно необходимо» [10, л. 1-2об.].

Издания Семипалатинского статистического комитета публиковали обширные данные, освещающие вопросы численности, экономической деятельности, образования, вероисповедания жителей Семипалатинской области. К основным из них относились: «Памятная книжка Семипалатинской области на 1897-1902 год», «Адрес-календарь и Памятная книжка Семипалатинской области на (1904, 1906, 1912, 1913 годы)», «Семипалатинский календарь на (1897-1899 годы, 1902, 1904, 1905, 1910-1912 годы)», «Волости и населенные места. 1893 год», «Список киргизских и русских волостей, селений, переселенческих и киргизских участков в Семипалатинской области на 1 января 1917 года» и другие издания.

Вопросы народонаселения подробно рассматривались в «Обзорах Семипалатинской области». Эти приложения к губернаторским отчетам содержали большой статистический материал, который систематически собирался и анализировался сотрудниками статистического комитета на протяжении длительного периода.

Содержание «Обзоров» условно группируется по следующим направлениям:

- материалы, содержащие общую характеристику почвенно-климатических условий, рельефа

местности, флоры и фауны области. Описательная часть незначительная по объему, традиционная и малоизменяемая за период с 1881 по 1911 годы. Семипалатинская область, состоящая из пяти уездов: Семипалатинского, Усть-Каменогорского, Павлодарского, Зайсанского, Каркаралинского, занимала 442245 кв. версты, в т.ч. под внутренними водами 14361 кв. версты [5, с.1].

- материалы, посвященные проблемам народонаселения. Рассматривались вопросы общей численности населения области; давалась характеристика половозрастной структуры, национального и социального состава городских и сельских жителей; в приложениях содержались данные о динамике численности населения.

Значение «Обзоров» как исторического источника по изучению демографических процессов было рассмотрено в работах Алексеенко Н.В., который, признавая несовершенство официальной статистики, допускал при критическом отборе использование статистических материалов сборников. Сравнительный анализ данных «Обзоров» и Первой Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 года, проведенный Алексеенко Н.В., показал, что процент неучтенного населения по области составил 3,8%. Численность населения, соответственно переписи населения, составила 684590 человек, по данным «Обзоров» - 659299 человек.

Изучение динамики численности населения Восточного Казахстана показало, что с 1883 года, когда закончилось формирование территориальных границ Семипалатинской области, до 1917 года общая численность жителей увеличилась на 400761 человек (73,3%) и составила 947300 человек. Но приток числа семипалатинцев осуществлялся неравномерно по годам.

С 1883 года по 1906 год численность области увеличилась с 546539 человек до 773930 человек, преимущественно, за счет естественного прироста, который по области составил 0,8%. Низкие темпы прироста объяснялись тяжелыми социально-экономическими условиями проживания абсолютного большинства населения; отсутствием медицинской помощи (в 1897 году на одного врача приходилось 22789 горожан и 272493 сельчан [8, с. 203]; численным соотношением полов: в 1883 году на 100 мужчин приходилось 83 женщины, в 1906 году - 84 женщины [4, с.12; 7, с. 14]. Приток переселенцев был незначительным.

С 1906 по 1914 годы рост численности населения, наряду с естественным приростом, происходил вследствие механического движения, вызванного массовой крестьянской миграцией в пределы области, и составил 960349 человек [6, с. 14; 2, с.32]. Миграционные процессы повлияли не только на количественный состав, но изменили этнодемографическую структуру населения.

Численность населения в военные годы (1914-1917) снизилась на 13049 человек. Это объяснялось, в первую очередь, отрицательным миграционным сальдо: мобилизацией мужского населения на

тыловые работы и в действующую армию; откопечкой части казахского населения после подавления восстания 1916 года на территорию сопредельных государств и губерний Российской империи; незначительным притоком беженцев в годы первой мировой войны.

Статистические материалы «Обзоров» давали представление о национальном составе, половозрастной и социальной структуры населения Семипалатинской области. Казахи составляли абсолютное большинство населения: в 1883 году - 91,14% от общей численности жителей, в 1906 году - 85,8%, но удельный вес коренного населения сокращался. Невысокие темпы прироста численности объяснялись низкими показателями естественного прироста. Нищенское существование, последствия эпидемий и джутов, неблагоприятное соотношение полов (на 100 мужчин приходилось 84 женщины), низкий процент брачности - все это делало показатель естественного прироста казахского населения ниже среднеобластного (0,8%). Недостоверность многих данных о динамике численности казахского населения была вызвана несовершенством сбора данных с кочевых хозяйств. [4, с.12; 7, 1907, с. 19]. Косвенным подтверждением данных о национальной принадлежности проживающих в области могут служить сведения о распределении населения по вероисповеданию, помещенные в приложениях к «Обзорам».

Неказахское население было представлено, в основном, казаками и крестьянами. Сибирское казачье войско, сформированное в начале XVIII века на полиэтнической основе, к концу XIX века в результате ряда реорганизационных реформ, превратилось в закрытое привилегированное сословие. На фоне увеличения его абсолютной численности на 111,2% происходило возрастание и удельного веса казачества в общем составе жителей области: в 1883 году - 4,4%, в 1906 году - 4,5%, в 1917 году - 5,3%. Это свидетельствовало о расширении военно-охранных функций казачьего войска [4, с.13; 7, с. 19; 3, с.35].

Крестьянское население стало формироваться в Восточном Казахстане с середины XVIII века в связи с развитием казенного хлебопашества. Численность старожилого населения была незначительной. С восьмидесятых годов XIX века в связи с переселенческой политикой, проводимой царизмом, в формировании крестьянского населения наметилась новая тенденция: увеличение численности крестьян происходило за счет естественного и механического движения. С 1883 года по 1917 год число крестьян увеличилось на 193924 человек и составило 200500 человек. Удельный вес крестьянского населения за эти годы вырос с 1,2% до 21,2%. [4, с.13-19; 3, с.35].

Статистические материалы о сословной принадлежности, содержащиеся в «Обзорах», давали возможность проследить основные изменения, произошедшие в социальной структуре населения.

Материалы, раскрывающие вопросы хозяйственной деятельности жителей области. На основе

значительного статистического материала дана характеристика производственной и непроизводственной деятельности основных групп населения. Документированные данные свидетельствовали о широком диапазоне видов занятий казахов, крестьян, казаков. Наряду с традиционным скотоводством, значительное развитие в конце XIX - начале XX веков получили земледелие, подсобные промыслы, фабрично-заводская и мелкая промышленность. Материалы «Обзоров» не содержали четкой градации понятий «ремесленные» и «отхожие» промыслы; в них нет характеристики половозрастного и национального состава контингента «сезонных рабочих» и работников, занятых в сфере фабрично-заводского производства. Это затруднило изучение вопроса о занятости населения области. Наименее достоверные данные относятся к сельскохозяйственной сфере деятельности. Сомнение вызывают сведения о размерах посевов и сборах зерна кочевым и оседлым населением, о численности хозяйств, о количестве поголовья скота в казахских хозяйствах. Недостоверность данных объясняется несовершенством методов сбора данных с кибитки с трехлетним перерывом, а так же нежеланием местного населения зарегистрировать действительное количество скота.

Материалы, освещающие вопросы оказания медицинской помощи населению области; меры по благоустройству и снабжению продовольствием жителей городов и уездов; мероприятия, направленные на развитие путей сообщения и связи. В приложениях приводился подробный статистический материал о состоянии грамотности в области, количестве учебных заведений, численности и половом составе учеников. Причины бедственного положения местного и переселенческого населения «Обзоры» не раскрывали, данных о национальном составе учеников не содержали.

Сравнительный анализ материалов сборников «Обзоры Семипалатинской области» с другими статистическими источниками показывает, что наиболее достоверные данные относились к вопросам, связанным с экономической деятельностью русскоязычного населения. К наименее аргументированным относятся материалы, освещающие проблемы численности и хозяйственной деятельности казахского населения.

Значительного внимания заслуживает опыт проведения Семипалатинским статистическим комитетом однодневной переписи в 1882 году в г. Семипалатинске. Переписные листы включали большой перечень вопросов о численности, национальном и социальном составе, половозрастной структуре, вероисповедании, образовательном уровне, семейном положении, движении населения

и т.д. Полученные статистические материалы были обработаны Е.П. Михаэлисом и опубликованы в 1886 году в «Семипалатинских областных ведомостях».

Обширные сведения о Семипалатинской области содержались в выпуске «Волости и населенные места. 1893 год», специально подготовленном Центральным статистическим комитетом перед проведением Первой всеобщей переписи населения Российской империи. В нем давался обзор географического положения области, характеристика почвоклиматических условий, животного и растительного мира; показана численность и виды хозяйственной деятельности населения; помещены списки волостей и населенных пунктов области; указано количество земель, находящихся в пользовании крестьян и казаков на основе данных, представленных губернаторами и главным управлением казахских войск.

В целом, в статье рассмотрена возможность использования обширного цифрового материала, освещающего вопросы численности, образования, вероисповедания жителей Семипалатинской области, изданных Семипалатинским статистическим комитетом. Изученный источниковый материал при критическом анализе позволяет в достаточно полной степени изучить проблемы формирования состава населения Восточного Казахстана в конце XIX-начале XX вв.

Список литературы

1. Алексеенко Н. В. Население дореволюционного Казахстана. - Алма-Ата, 1981.
2. Алексеенко Н.В. Статистические источники по демографии Казахстана. - Усть-Каменогорск, 1999.
3. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет. - Усть-Каменогорск, 1999.
4. Обзор Семипалатинской области за 1883 год. Семипалатинск, 1884.
5. Обзор Семипалатинской области за 1894 год. Семипалатинск, 1895.
6. Обзор Семипалатинской области за 1896 год. Семипалатинск, 1897.
7. Обзор Семипалатинской области за 1906 год. Семипалатинск, 1907.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т.1-2. - СПб, 1905.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.84. Семипалатинская область.-СПб, 1905.
10. РГИА РФ, ф. 1290, оп. 2, д. 95.

CULTURAL STUDIES

УДК 379.85

Никифорова А.А.
кандидат культурологии, доцент
Нижевартовский государственный университет

МУЗЕЙНЫЙ ТУРИЗМ КАК ПОПУЛЯРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Nikiforova A. A.
candidate of cultural studies, associate Professor
Nizhnevartovsk state University

MUSEUM TOURISM AS A POPULAR DIRECTION IN MUSEUM ACTIVITY

Аннотация

Музеи, являясь традиционными хранителями культурных ценностей и истории, находятся сегодня в стадии трансформации, все больше нуждаясь в новых тенденциях для привлечения посетителей. Одной из таких тенденций все отчетливее становится музейный туризм, который, в принципе, не является чем-то новым для музеев. Музейный туризм позволяет развивать не только традиционные музеи, но и создавать абсолютно новые под запросы туристов.

Abstract

Museums, as traditional custodians of cultural values and history, are now in the process of transformation, increasingly in need of new trends to attract visitors. One of these trends is becoming increasingly clear Museum tourism, which, in principle, is not something new for museums. Museum tourism allows to develop not only traditional museums, but also to create completely new ones for the needs of tourists.

Ключевые слова: музеи, музейная деятельность, туризм, музейный туризм, конкурентная среда.

Key words: museums, Museum activity, tourism, Museum tourism, competitive environment.

На протяжении длительного периода истории музеи рассматривались преимущественно как учреждения, главной целью которых было накопление, сохранение и изучение культурного наследия, в то время как работа с посетителями выступала важным, но равнозначным другим видам деятельности. Однако сегодня музеи, находясь в высококонкурентной среде, вынуждены бороться за своих посетителей на рынке досуга и соревноваться с культурными институтами, которые используют новые площадки для коммуникации с современной аудиторией.

Все больше проникая во все сферы культуры, новые медиа и цифровые технологии, становятся важным каналом взаимодействия с посетителями. Изменяются и сами посетители, становясь более требовательными. Кроме основной ценности музея – уникальных экспонатов, туристам все чаще нужно демонстрировать в музеях высокий уровень предоставления услуг.

Не удивительно, что в последние десятилетия музейные работники все чаще стали говорить о таком направлении как музейный туризм. Конечно в принятой классификации видов туризма он, как правило, отдельно не рассматривается, традиционно описываясь как одна из составляющих культурно-познавательного туризма, использующая туристский потенциал самого музея и прилегающей к нему территории.

Музейный туризм, с момента возникновения в середине 1990-х гг. в России, а на Западе – в 1970-х гг., стал средством внутренней мобилизации и

адаптации к быстро меняющимся условиям рынка, способом формирования деловой политики и выработки особой политики музея, направленного на открытое взаимодействие с окружающим его миром [4].

В современной системе музейной деятельности туризм все отчетливее превращается в структурообразующий элемент, а одной из стратегических задач стала трансформация музея в своеобразную туристскую фирму.

Исследователи выделяют несколько направлений, благодаря которым музейный туризм реализуется [1]:

1. Классический музей, демонстрирующий коллекции и традиционные музейные алгоритмы. Дистанцированность посетителя, строгая регламентированность и медлительность движения, созерцательность, тишина музейных залов, просветительская экскурсия, знакомство с великими подлинниками по-прежнему сохраняет привлекательность для современной туристической индустрии. В перенасыщенной образами и звуками современной культуре, в которой человек подвержен сильнейшим информационным и эмоциональным прессингам, именно такая, музейная среда часто становится эксклюзивной встречей и особым переживанием для посетителя.

Другой вариант туристского интереса к классическому музею – специальный, цеховой – проявляется у профессионально ориентированных путешественников (как правило, сотрудников музеев, знатоков искусства, дизайнеров и художников).

Это может быть путешествие в музейное «закулисье» – в хранилища, запасники, реставрационные мастерские, или возж по забытым, малоизвестным или закрытым музеям, усадьбам, художественным дачам.

2. Наиболее распространенный сегодня формат музейного туризма ориентирован на неклассические музейные практики – создание музеев под открытым небом, которые позволяют наглядно продемонстрировать быт и культуры коренных жителей.

В зависимости от профиля и тематики музея, его месторасположения, архитектурных особенностей и много другого формируется туристское предложение, интегрирующее музейную специфику и туристский интерес. Варианты тут многочисленны – от этнографической тематики, реконструкции исторических феноменов, вовлекающих посетителя в традиционный быт определенной эпохи, до инсталляций популярных художественных сюжетов и т.д.

3. Музейные симулякры. В культуре последних десятилетий формируются и распространяются «квазимузеи» – музеи истории, фондов, постоянного места, хранителя – музеи, формирующиеся как реакции на туристский спрос. Эти музеи можно легко включить в инфраструктуру туризма, эксплуатируя идею музея и продавая музейные впечатления. Примеры туристской эксплуатации музейной идеи – костромской «Музей Снегурочки», мышинский «Музей Мыши» и пр.

4. Музеями туристам предлагаются разнообразные продукты – материальные и нематериальные, созданию которых предшествует исследовательская работа. Среди них выделяются: экспозиции и выставки; экскурсии и лекции; специальные программы; сувенирная продукция; книги, каталоги, буклеты, видеофильмы и прочие издания, позволяющие использовать современные информационные технологии.

Вбирая новые достижения научно-технического прогресса, находясь на пороге превращения в динамично развивающуюся отрасль науки, искусства, бизнеса и культуры в целом, музей становится более гибким и мобильным,

Музеи достаточно органично сочетают в себе бытовой пласт повседневной жизни, интересный и понятный каждому, и творчество художников, актеров, писателей, политических деятелей, которым посвящена основная деятельность музея. Работа данных музеев не может быть ограничена лишь программами экскурсионного характера, поскольку основная цель его посещения не столько информационная, связанная с сообщением чего-то нового, а, скорее, эмоциональная, направленная на погружение в мир людей, когда-то здесь живших. Процесс сохранения нематериального наследия в современных музеях становится все более активным, поскольку музеи все большее внимание уделяют основополагающей цели своей деятельности – распространению информации о культурном наследии. На базе их активного материального воплощения изучаются и возрождаются старинные ремесла, традиции, обряды [2].

Музеи, воплощая многогранный символ культуры, превратившись в центр притяжения многочисленных туристов, приобретают особую роль в развитии и популяризации туризма. Не остается без внимания и сувенирная продукция, ярко отражающая уникальные черты туристского пространства.

Среди самых распространенных и популярных музейных сувениров можно отметить:

- предметы с изображением музейной символики (фасады зданий, предметы коллекции или стилизованный портрет деятеля, которому музей посвящен);

- сувениры, отражающие территориальную принадлежность музея;

- сувениры, базирующиеся на профиле музея;

- полиграфическая и мультимедийная продукция музеев (к примеру, каталоги, книги, путеводители, диски) также рассматриваются в качестве сувенирной продукции.

Музейная сувенирная продукция, как правило, посвящается предметам основной экспозиции, крайне редко музеи создают сувениры, приуроченные к специальным событиям. И в этом заключается специфика отечественных музеев по сравнению с западными практиками. Распространяя сувенирную продукцию, музеи расширяют свою аудиторию, как среди посетителей, так и среди профессионального сообщества, спонсоров [3].

Таким образом, предметом музейного туризма становится широкий круг объективных закономерностей, относящихся к процессам получения и анализа информации о туристском рынке и потребителе музейной продукции, к созданию условий подготовки и продажи музейного продукта, а также правовых и экономических основ для его рекламы и сбыта.

Музейный туризм, будучи новым, динамично развивающимся направлением в деятельности музеев чутко реагирует на происходящие изменения в обществе. Сегодня он представляет собой объективную форму межкультурной коммуникации между субъектом и «предметами» культуры и искусства, часто происходящие в процессе невербальной коммуникации.

Список литературы:

1. Ляшко А.В. Музейный туризм в России. Эволюция формата // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Вып.3. — СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета, 2012. — С. 21-27.

2. Никифорова А.А. Объекты нематериального культурного наследия в музейной деятельности: особенности вовлечения в сферу туризма. Монография: Нижневартовск, МУПП «Изд-во «Приобье», 2017. — 128 с.

3. Никифорова А.А., Скульмовская Л.Г. Сувенирная продукция в музеях: современные кейс-практики // Вестник культуры и искусств. 2018. — №2 (54). — С. 80-88.

4. Романчук А. В. Музейный туризм: Учебно-методическое пособие. — Санкт-Петербург, 2010. — 46 с.

УДК 008

Солодовникова Надежда Викторовна

кандидат философских наук,

доцент кафедры общетеоретических

и гуманитарных дисциплин

Белгородский государственный институт искусств и культуры

г. Белгород, Российская Федерация

ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**Solodovnikova Nadezhda Victorovna**

Candidate of Philosophy,

associate professor of the Department of General Theoretical

and humanitarian disciplines

Belgorod State Institute of Arts and Culture

Belgorod, Russian Federation

INNOVATION IN THE SPHERE OF CULTURE AS A STRATEGIC RESOURCE OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION**Аннотация**

В последние годы становится очевидной необходимость расширения рамок культурной деятельности, которая производит непосредственный эффект, удовлетворяя коллективные и индивидуальные потребности в области культуры. В статье рассмотрен опыт работы инновационной деятельности в сфере культуры Белгородской области.

Abstract

In recent years, the need to expand the scope of cultural activities, which has a direct effect, satisfying collective and individual cultural needs, has become apparent. The article describes the experience of innovation in the field of culture of the Belgorod region.

Ключевые слова: культурная деятельность, инновации, учреждения культуры, инновационные формы, интеграция, социально-культурные кластеры.

Keywords: cultural activities, innovations, cultural institutions, innovative forms, integration, socio-cultural clusters.

Инновации в культуре – это стратегический ресурс нового века. Инновационное развитие территорий в сфере культуры даст наибольший эффект в том случае, если мы будем работать над созданием качественно новой инфраструктуры в сельских поселениях. Это подтверждается словами Губернатора нашей области Е.С.Савченко «Мы ставим задачу в ближайшие годы создать на селе условия проживания не хуже городских. Эта задача, убежден, нам по плечу»¹.

В Белгородской области создана целая система организаций культуры, призванных осуществлять целенаправленную работу по сохранению, поддержке и популяризации культурного наследия.

В области сложилась система социокультурного взаимодействия сельских учреждений культуры с администрациями сельских поселений, с образовательными учреждениями, органами соцзащиты, правоохранительными органами, медицинскими учреждениями, общественными организациями, представителями духовенства.

В целях внедрения инновационных форм работы в практику учреждений культуры клубного типа, максимального охвата населения культурно-досуговой деятельностью и творчеством, в 2006 году постановлением Губернатора области утвержден стандарт модельного учреждения культуры клубного типа.

Государственная поддержка инновационной деятельности осуществляется на основе следующих принципов²:

программный подход и измеримость целей при планировании и реализации мер государственной поддержки;

доступность государственной поддержки на всех стадиях инновационной деятельности, в том числе для субъектов малого и среднего предпринимательства;

опережающее развитие инновационной инфраструктуры;

¹ Из выступления Губернатора области Е.С.Савченко «Социальный стандарт обустройства белгородских сёл». Информационный бюллетень Белгородской областной организации общественной организации – общества «Знание» России.

² Законопроект № 496139-5 «О господдержке инновационной деятельности в Российской Федерации»

целевой характер использования бюджетных средств на государственную поддержку инновационной деятельности.

С 2010 года в Белгородской области реализуется Стратегия социально-экономического развития области на период до 2025 года. Одна из целей Стратегии – это создание и функционирование многокомпонентного социального кластера, который воплощается в повышение качества жизни населения через реализацию миссии «от благоустройства - к благополучию».

Постановлением правительства Белгородской области была утверждена «Концепция проектирования социально-культурных кластеров в муниципальных образованиях Белгородской области», которая и развивает положения стратегии регионального развития в сфере культуры.

Идея проектирования региональной сети социально-культурных кластеров на уровне муниципальных образований области представляет собой инновационный путь дальнейшего развития сферы культуры региона с учетом особенностей работы на селе, где главной целью является создание культурной среды, позволяющей добиться устойчивого развития сельских территорий и обеспечить социальную стабильность и духовное здоровье населения региона.

На сегодняшний момент выделены следующие основные компоненты кластера: Модельный Дом культуры (клубные формирования в т.ч. творческие коллективы); Модельная библиотека (читальный зал – интернет зал); Классы музыкальной школы (филиал ДШИ); Парк культуры с детской площадкой; Музей истории села (музейная комната); Дом ремёсел (Дом мастера) и (или) Дом фольклора; Временные выставки; Организация кинопоказа; Выступления профессиональных коллективов (филармонии, театров); Диско-зал (танцевальный зал); Спортзал (комната для спортивных занятий с тренажёрами); Центр молодёжных проектов (развитие творческих индустрий); Сувенирная лавка; Детское кафе; Кино-фотоуслуги; Студия красоты (парикмахерские услуги); Представительство ЗАГС (торжественная регистрация браков); Пошивочная мастерская.

И это, конечно, далеко не полный перечень компонентов сельского культурного кластера, который можно дополнить.

Управлением культуры области издан приказ, в котором утвержден план мероприятий по созданию социально-культурного кластера муниципального образования, который включает следующие мероприятия по созданию социально-культурного кластера муниципального образования:

1. Выявление уникальности территорий муниципального образования (история, событие, личность, природа, предприятие). Формирование собственного бренда территории.

2. Определение предпринимателей, заинтересованных в создании и продвижении бренда территории.

3. Определение структурных компонентов кластера.

4. Интеграция участников кластера для производства смежных услуг (разработка плана мероприятий, заключение соглашений о совместной деятельности).

5. Разработка сайта социально-культурного кластера (актуализация информации об учреждениях культуры и услугах, электронная почта и т.д.).

6. Отражение деятельности социально-культурного кластера в СМИ. Создание видеоархива совместных мероприятий.

7. Организация рекламы. Продвижение услуг на рынок.

Разработан фестиваль календарь брендов каждого района.

Также стратегической целью учреждений культуры должна стать закладка основ для создания культурных индустрий в Белгородской области и установление взаимовыгодных партнерских отношений организаций культуры с турпредприятиями районов.

Таким образом, для расширения и модернизации форм досуговой деятельности, внедрения новых культурно-досуговых технологий в работу учреждений культуры, повышения качества проводимых мероприятий, расширения современных подходов в реализации духовно-нравственных потребностей населения, в повседневной практике всех учреждений культуры должна стать инновационная деятельность.

Список литературы:

1. Личутин А. В. Тезисы о культурных кластерах / А. В. Личутин // Экология культуры. – 2008. – №2.

2. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года: постановление правительства Белгор. обл. от 25 янв. 2010 г. № 27-пп // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. – 2010. – № 17. – С. 4–27.

3. Орлова Е.В. Культурное пространство: Определение, специфика, структура. // Аналитика культурологии. 2010. №3 (18).

4. Портер М. Конкурентная стратегия : методика анализа отраслей и конкурентов / М.Портер. - 3-е изд. – М. : Альпина Бизнес Букс : Компания XXI век, 2007. - 452 с.

5. Портер М. Конкурентное преимущество : как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / М. Портер. - М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. - 714 с.

6. Силкина Л.В. Социально-философские основания анализа культурного пространства [Текст] / Л.В. Силкина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 19 с.

Солодовникова Надежда Викторовна

кандидат философских наук,

доцент кафедры общетеоретических

и гуманитарных дисциплин

Белгородский государственный институт искусств и культуры

г. Белгород, Российская Федерация

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ НА ЦЕННОСТЯХ НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Solodovnikova Nadezhda Victorovna

Candidate of Philosophy,

associate professor of the Department of General Theoretical

and humanitarian disciplines

Belgorod State Institute of Arts and Culture

Belgorod, Russian Federation

YOUTH EDUCATION ON THE VALUES OF PEOPLE'S ART CULTURE

Аннотация

В России уже давно назрел кризис ценностной системы, выступающий в качестве падения морально нравственных норм, отсутствия четких правил, принципов и императивов, характеризующих направленность в действиях и поступках личности. Представления о ценностных ориентациях размыты, нет грамотного механизма формирования и способа воздействия на сознание и поведение личности. Соответственно изменилось отношение к образованию, труду, близким, семье.

Abstract

In Russia, a crisis of the value system has long ripened, serving as a drop in moral standards, the absence of clear rules, principles and imperatives that characterize orientation in the actions and actions of the individual. Ideas about value orientations are blurred, there is no competent mechanism for the formation and method of influence on the consciousness and behavior of an individual. The attitude to education, work, relatives, and family has changed accordingly.

Ключевые слова: традиционная культура, творчество, духовность, нравственность, эстетика, художественные ценности, самосознание, идентичность.

Keywords: traditional culture, creativity, spirituality, morality, aesthetics, artistic values, self-awareness, identity.

Духовно-мировоззренческая сфера культуры оказывает решающее влияние на содержание и специфику деятельности людей, творчества, любого материального и духовного производства. С этим обстоятельством связано значение народной художественной культуры в нравственном, эстетическом образовании детей и молодежи, воспитании у них качеств гражданственности, патриотизма, культуры межэтнического и межконфессионального общения.

В настоящее время традиционная культура рассматривается как объект исторической и художественной ценности, как предмет исследования, как механизм трансляционности знаний и ее преемственности между поколениями. С помощью ценностей традиционной культуры, составляющих ее главный смысл, нужно решать современные проблемы духовно-нравственного воспитания молодого поколения. Выдающиеся отечественные мыслители XIX - XX вв. приоритетными ценностями считали лучшие черты русского народа: милосердие и сострадание, духовность, нестяжательство и совесть, добродушие, соборность, благочестие и благоденствие, патриотическое самосознание, духовно-

нравственная сущность бытовой обрядности и другие, формирующие высокие нравственные идеалы личности, хранимые народом и дошедшие до настоящего времени [3,158].

Молодость представляет собой период активного формирования устойчивой системы ценностей, становления самосознания и социального статуса личности. [1,47] Ценностные ориентации, социальные нормы и установки молодежи «определяют тип сознания, характер деятельности, специфику проблем, потребностей, интересов, ожиданий молодежи. Фундаментом любой национальности является народная культура и система ценностей. Формирование общенациональных ценностей российской молодежи основано на воспитании у них уважения к традициям других народов, их культуре, обрядам и обычаям, национальным народным праздникам, песням, танцам и т.п. Знание основ национальной жизни помогает воспитывать интерес и уважение к родной культуре и культуре других народов. Изучая национальную культуру, молодежь соприкасается с миропониманием людей разных народов и их ценностями.

Проблемы, связанные с духовно-нравственным воспитанием и этнообразованием, – предмет особого внимания современных ученых. Формирование духовно-нравственных основ – одна из важнейших сторон многогранного процесса становления личности, освоение индивидом моральных ценностей, выработка им нравственных качеств, способности ориентироваться на идеал, жить согласно принципам, нормам и правилам морали, когда убеждения и представления о должном воплощаются в реальных поступках и поведении [2, 119].

Знакомство с народной культурой является наиболее простым и в то же время мощным средством духовного развития подрастающего поколения. Народная художественная культура изначально воспитательна, она дает молодежи уроки стойкости, порядка, образованности, нравственности [1, 37]. Целенаправленное изучение народной культуры представляет собой процесс решения совокупности различных педагогических задач, из которых, на наш взгляд, наиболее важной является формирование у детей общего представления о культуре русского народа, ее богатстве и красоте, развитие творческого потенциала, творческого самовыражения ребенка, формирование этических нравственных ценностей и духовного развития.

К развитию народной художественной культуры по-прежнему причастны: сфера образования, включающая учебные заведения – общеобразовательные, профессиональные, дополнительного образования детей; сфера культуры, включающая культурно-досуговые учреждения; церковь.

На территории Белгородской области в течение 10 лет особенно активно растет число детских фольклорных студий, Центров традиционной народной культуры, специализированных отделений в музыкальных и школах искусств, в учебные программы общеобразовательных школ вводятся дисциплины: «Народная художественная культура», «Народное творчество», «Фольклор».

В Белгородской области в последние годы решаются проблемы этнохудожественного образования. Для подготовки специалистов на уровне учебных заведений среднего и высшего звена открыты отделения, кафедры теории и истории народной художественной культуры (Белгородский государственный институт культуры и искусств, Белгородский государственный колледж культуры и искусств). Внедряется система непрерывного образования: «детский сад – школа – колледж – вуз». Эта модель, предложенная доктором педагогических наук, профессором, заслуженным

работником культуры Российской Федерации М. С. Жировым, по мнению автора, может решить проблему кадрового обеспечения программы развития народного творчества в области многих видов и жанров традиционной народной культуры региона. Она содержит в себе более глубокую научно-теоретическую и методологическую основу, разработку и апробацию всей структуры многоуровневой воспитательно-образовательной системы. Идея целостного процесса обучения базируется на комплексном последовательном подходе, предполагающем несколько ступеней обучения. На первой ступени – детский сад, детские студии разных возрастных групп, детский музыкально-эстетический центр, общеобразовательные школы – с самого раннего возраста дети приобщаются к национальному народному искусству. Успешность реализации этого этапа обучения во многом зависит от социально-экономической ситуации в обществе. На второй ступени обучения – колледж культуры и искусств – процесс комплексного профессионального этнохудожественного образования студентов на основе традиций народного творчества края. На третьей ступени – высшие учебные заведения культуры и искусств – подготовка высокопрофессиональных специалистов сферы культуры высшей квалификации.

По реализации идеи преемственности и непрерывности фольклорного образования, на наш взгляд, можно также считать развитие системы школ фольклора в области. Заслуживает внимания разработанный опыт действовавшей в свое время двухгодичной очно-заочной школы фольклора при Белгородском государственном центре народного творчества, организованной совместно с Русской фольклорной академией «Карагод» в 90-е годы.

Таким образом, в Белгородской области в течение ряда лет создается целостная система работы по духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи. Учреждения образования, культуры и церкви – составляющие этой системы. И сейчас, когда все мы ищем основу, которая позволит нашей стране не только сохраниться, но и начать движение вперед, необходимо понять, что эта основа – духовность.

Литература:

1. Ерошенко И.Н. Культурно-воспитательная деятельность с детьми и подростками. / И.Н. Ерошенко. – М. 2001. – 285 с.
2. Касьянова К. О русском национальном характере. / К. Касьянова. – М., 1994. С. 167.
3. Соколов, Э. Свободное время и культура досуга. / Э. Соколов. – СПб: Питер, 2003. – 247 с.

POLITICAL SCIENCE

УДК-327

Арутюнян Эрик Эдуардович
студент Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург

РЕЗУЛЬТАТЫ РОСТА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Arutyunyan Erik Eduardovich
student of St. Petersburg state University,
Russia, St. Petersburg

RESULTS OF THE GROWTH OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL POTENTIAL OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE SECOND HALF OF XX-EARLY XXI CENTURIES

Аннотация

Целью исследования является выявление перспектив превращения Китайской Народной Республики в подлинного мирового научно-технологического лидера, описание нынешней ситуации во взаимоотношениях КНР на современной международной арене.

В процессе изучения и достижения поставленной цели были применены методы статистического и логического анализа. Китай смог стать серьезным высокотехнологическим конкурентом в нескольких крупнейших секторах научно-технологического рынка. Роль научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) возросла в несколько раз, ведь теперь у Китая появились долгосрочные проекты, финансируемые из-за рубежа, основной целью которых стало нахождение инновационных стратегий по развитию, необходимых для преодоления разрыва в научно-техническом развитии. Был сделан вывод, согласно которому Китаю суждено стать одной из самых могущественных и влиятельных стран двадцать первого века, ведь ни одни переговоры о научно-техническом развитии не проходят без упоминания о КНР или участия делегаций из этой страны. Техническое будущее всего населения планеты в ближайшее время будет зависеть именно от китайской науки и инженерии.

Abstract

The aim of the study is to identify the prospects for the transformation of the people's Republic of China into a true world scientific and technological leader, a description of the current situation in China's relations in the modern international arena.

In the process of studying and achieving this goal, the methods of statistical and logical analysis were used. China has been able to become a serious high-tech competitor in several major sectors of the science and technology market. The role of research and development (R & d) has increased several times, because now China has long-term projects financed from abroad, the main purpose of which was to find innovative development strategies necessary to bridge the gap in scientific and technological development. It was concluded that China is destined to become one of the most powerful and influential countries of the twenty-first century, because no negotiations on scientific and technological development do not take place without mentioning the PRC or the participation of delegations from this country. The technical future of the entire population of the planet in the near future will depend on Chinese science and engineering

Ключевые слова: Китай; наука; техника; потенциал.

Key words: China; science; technology; potential.

За последние десятилетия Китай смог достичь серьезных успехов в научно-технической сфере. Об этом свидетельствует место страны в мировых рейтингах: второе место по общим затратам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (451,2 млрд. долларов США, уступает лишь США с затратами 511,1 млрд. долларов США), второе место по количеству публикуемых научных статей (90 тысяч на 2014 год, первое место занимают США с количеством 213 тысяч), на сегодняшний день Китай опережает США и по количеству ученых.

Также в Китае можно заметить высокий уровень роста научно-технического прогресса по сравнению с экономическим. Китай лидирует сегодня по общему показателю экспорта продукции, опережая абсолютно все страны мира в рейтинге. Благодаря усилиям китайского правительства в этой стране ежегодно оканчивают университеты столько же выпускников, сколько во всех странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) вместе взятых [1]. Появление в Китае значительного количества высококвалифицированных кадров, безусловно, повлияло и на Со-

единённые Штаты, у которых за последние годы существенно сократилась доля экспорта высокотехнологичных товаров.

Китай начал реализовывать несколько долгосрочных программ по развитию науки и техники, рассчитанных до 2020 года, также были приняты еще около десяти проектов по развитию до 2030 года. Китайская нация стремится захватить абсолютно все рынки мира и, как мы наблюдаем, делает это эффективно. Страна движется в ногу со временем, имея огромный потенциал для дальнейшего развития как научно-технического, так и экономического секторов.

Но в научно-техническом развитии Китая есть и свои проблемы. Алексей Бирюков в своей статье «Научно-технологический потенциал Китая в американских оценках» считает, что у данной страны «недостаточно развит рынок капиталов, сохраняются угрозы, исходящие от развитых стран, обладающих неоспоримыми преимуществами в сфере науки и технологий, имеются международные ограничения на распространение технологий, мешающие развитию КНР, существуют угрозы информационной безопасности Китаю и его интеллектуальным ресурсам. Кроме того, остаются проблемы правоприменения законодательства КНР в области охраны интеллектуальной собственности и привлечения высококлассных специалистов» [2, с. 89-93]. Об этом ранее рассуждал и американский экономист, писатель и политический советник Фред Бергстен в своей книге «Что следует знать о новой сверхдержаве».

Китай, будучи несколько десятилетий назад одной из беднейших стран мира, смог создать условия для перехода на совершенно новую стадию развития, где знания играли бы основную роль в построении экономики страны. За последние 40 лет

темпы научно-технического роста Китая можно назвать рекордными. Страна за менее чем полувековой промежуток времени смогла занять лидирующие мировые позиции. Китай является первой страной по выпуску и внедрению компьютерных технологий, информатизации и компьютеризации государственных, частных учреждений и домохозяйств, органов образования и здравоохранения. Быстрые темпы развития Китая дают нам понять, что китайская модель информатизации и научно-технологического развития является одной из самых эффективных в мире.

Китай уже стал страной, основой развития которой служит ее научно-технический капитал, до 2030 года власти стремятся выйти на первые места во всех мировых рейтингах технологической сферы, сократить отставание от передовых держав начала двадцать первого века, чего страна уже почти добилась, а к 2050 году китайские власти намереваются достичь информатизации нового уровня и создать совершенно новый тип экономики, в основе которого будут лежать исключительно знания.

Список литературы:

1. Цветков И. А. Научно-техническое соперничество США и Китая: первые итоги // *Americana*. – 2010. – № 11.
2. Бирюков В. А. Научно-технологический потенциал Китая в американских оценках // *Международные процессы*. – 2010. – № 2.
3. Чжао Ганн. Инновационная политика Китая: параметры и национальный опыт // *Инновационное развитие: международное развитие и стратегия России*. – 2009.
4. *Industrial Innovation in China. Operation, Performance and Prospects for China's Industrial Innovation System: Impact of reform and Globalization: The Levin Institute // SUNY*. – 2006.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

УДК 159.9.072

Булатова И.К.

студентка

3 курс, факультет «Клинической психологии»

«Волгоградский государственный медицинский университет»

Россия, г. Волгоград

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЯ ТРЕВОЖНОСТИ И АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Bulatova I.K.

student

3rd year, Department of Clinical Psychology

"Volgograd State Medical University"

Russia, Volgograd

RESEARCH OF THE RELATIONSHIP OF ANXIETY LEVEL AND AGGRESSIVE BEHAVIOR OF CHILDREN OF MIDDLE SCHOOL AGE

Аннотация

Целью данной статьи является изучение взаимосвязи уровня тревожности и агрессивного поведения детей младшего школьного возраста. В исследовании применялись: методика Басса-Дарки для диагностики агрессивности, методика Ч. Д. Spielbergera на выявление личностной и ситуативной тревожности (адаптирована на русский язык Ю.Л. Ханиным), графическая методика М.А. Панфиловой «Кактус». Участвовало 43 респондента, являющихся учениками 5-х классов. В результате корреляционного анализа по Пирсону выявлено, что личностная и реактивная тревожность положительно коррелирует со шкалами: вербальной агрессией и раздражением, а так же с индексом агрессивности.

Abstract

The purpose of this article is to study the relationship between the level of anxiety and aggressive behavior of children of primary school age. The study used: the Bass-Darki method for the diagnosis of aggressiveness, the technique of C.D. Spielberger to identify personal and situational anxiety (adapted to Russian by Yu.L. Khanin), the graphic method of M.A. Panfilova "Cactus". 43 respondents who are students of the 5th grade participated. As a result of the Pearson correlation analysis, it was revealed that personal and reactive anxiety correlates positively with scales: verbal aggression and irritation, as well as an index of aggressiveness.

Ключевые слова: агрессия, агрессивность, поведение, школьники, дети среднего школьного возраста, тревожность, взаимосвязь, методика Басса-Дарки, методика Spielbergera-Ханина, личностная тревожность, реактивная тревожность, индекс враждебности, индекс агрессивности.

Keywords: aggression, aggressiveness, behavior, schoolchildren, middle school children, anxiety, relationship, Bass-Darki methodology, Spielberger-Khanin methodology, personal anxiety, reactive anxiety, hostility index, aggressiveness index.

Введение. В современное время все чаще встречаются дети с повышенным чувством беспокойства, неуверенностью, агрессивностью и тревожностью. В отличие от взрослых, у детей тревожность и агрессивность имеют четко выраженную возрастную специфику, которая проявляется в ее причинах, в содержании, в формах проявления механизмов компенсации и защиты. В психологии агрессивность и тревожность - это адаптивные механизмы, которые возникли в ходе эволюции. Проявление агрессии в поведении направлена на повышение приспособляемости к реальной среде, а тревожность дает возможность защититься от угроз. Однако при чрезмерной демонстративности, эти качества могут перерасти в негативные последствия.[2,3].

Для каждого возрастного периода психологи определяют области действительности и ее объекты, которые могут вызывать повышенную тревогу у большинства детей, вне зависимости от наличия реальной угрозы. Это так называемые «возрастные пики тревожности». Как правило, они являются следствием социогенных причин и потребностей. Одним из таких пиков является средний школьный возраст [1],[4],[6],[8].

В данные периоды тревожность выступает как неконструктивная сила. Она вызывает состояния уныния, паники, сомнения в собственных силах, агрессии. Но тревога не только дезорганизует общую деятельность ребенка. Наиболее опасным является то, то она начинает разрушать личностные структуры, что представляет особую опасность в

период формирующейся психики среднего школьника, его адаптации к новой структуре обучения [1],[4],[6],[8].

Цель. Изучить взаимосвязь уровня тревожности и агрессивного поведения детей среднего школьного возраста.

Задачи.

1. Изучить литературу по теме исследования.
2. Выявить взаимосвязь агрессивности и уровня тревожности в среднем школьном возрасте.
3. Проинтерпретировать результаты исследования;
4. Подвести итоги выполненной работы.

Материалы и методы. Исследование проводилось на базе СОШ №4 г.Южно-Сухокумска республики Дагестан. В нём приняли участие 43 ученика 5-х классов. Для проведения исследования анонимно, респонденты были обозначены заглавными буквами их имени и фамилии, а так же каждому был присвоен порядковый номер. Методы исследования:

- Эмпирические (тестирование),
- Методы статистической обработки данных (IMB SPSS Statistics (version 21); коэффициент корреляции Пирсона).

В процессе исследования использовались следующие психодиагностические методики:

- Методика Басса-Дарки для диагностики агрессивности[5],
- Методика Ч. Д. Спилбергера на выявление личностной и ситуативной тревожности (адаптирована на русский язык Ю.Л. Ханиным) [4],

- Графическая методика М.А. Панфиловой «Кактус» [7].

Результаты и обсуждение.

Графическая методика М.А. Панфиловой «Кактус»

В графической методике М.А. Панфиловой «Кактус» респондентам необходимо по своему усмотрению нарисовать кактус. Наличие агрессивности у исследуемого можно определить с помощью ряда признаков.

В процессе выполнения данной методики, сделан вывод о том, что на рисунках у большинства респондентов часто появлялись детали, которые указывают на наличие признаков агрессии. Например: острые, длинные иглы, изображение большое, занимает большую часть листа, большое количество игл, расположенных по всему рисунку, промахивающиеся линии, которые не попадают в одну точку. Практически все основные критерии показателей агрессии присутствуют в рисунках у таких респондентов как МБ30, ММ36 и МП7.

Проанализировав данные, полученные в ходе диагностики, были сделаны следующие выводы: у некоторых детей отмечалась высокая степень агрессивного поведения. У других - низкая. Во время проведения методик, мною было отмечено, что дети с низким уровнем проявления агрессии в поведении к заданию подходили творчески. Результаты диагностики уровня агрессивности представлены на рис.1:

Рис.1. Результаты диагностики по методике "Кактус"

Методика Басса-Дарки

Данная методика представлена в виде опросника состоящего из 75 вопросов, результаты которых делят на 8 шкал (виды реакций), а их в свою очередь на 2 индекса (агрессивности и враждебности).

Полученные данные дают нам возможность отметить более высокий уровень агрессивности по

шкале чувства вины (53%), физической агрессии (30%), обиды (21%) и раздражения (21%). По шкалам вербальной, косвенной агрессии и подозрительности школьники показали равномерное распределение по уровням проявления. Наиболее низкие показатели по шкале "негативизм". Результаты диагностики уровня агрессивности по шкалам представлены на рис.2:

Рис. 2. Результаты диагностики по опроснику Басса-Дарки

Для дальнейшего корреляционного анализа данные шкалы следует разделить на индекс враждебности и индекс агрессивности. Шкалы «обида» и «подозрительность» относятся к индексу враждебности, а шкалы «физическая агрессия», «раздражительность» и «вербальная агрессия» включены в индекс агрессивности. Результаты диагностики уровня агрессивности по индексу враждебности и индексу агрессивности представлены в таблице 2:

Таблица 2

Таблица показателей индекса агрессивности и индекса враждебности по опроснику Басса-Дарки

	Басса –Дарки					
	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	Кол-во	В %	Кол-во	В %	Кол-во	В %
ИА	17	39%	24	56%	2	5%
ИБ	6	14%	19	44%	18	42%

Методика Спилбергера-Ханина

Единственной методикой, позволяющей дифференцированно измерять тревожность и как личное свойство, и как состояние, является методика, предложенная Ч.Д. Спилбергером и адаптированная на русском языке Ю.Л. Ханиным. Бланк шкал

самооценки Спилбергера включает в себя 40 вопросов – рассуждений, 20 из которых предназначены для оценки уровня ситуативной и 20 – для оценки личностной тревожности.

Результаты диагностики уровня тревожности школьников представлены в таблице 3:

Таблица 3

Таблица результатов диагностики по методике Спилбергера-Ханина

	Спилбергера-Ханина					
	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	Кол-во	В %	Кол-во	В %	Кол-во	В %
Реактивная Тревожность	3	7%	28	65%	12	28%
Личностная Тревожность	4	9%	26	61%	13	30%

По данным показателям в методике Спилбергера-Ханина можно сделать вывод о том, что высокий уровень личностной тревожности в среднем школьном возрасте преобладает над реактивной.

В процессе корреляционного анализа была выявлена умеренная положительная связь высокой степени значимости между уровнем развития личностной тревожности и:

-вербальной агрессии – r -Пирсона =0,43 при $p \leq 0,01$;

-чувством вины – r -Пирсона =0,40 при $p \leq 0,01$;

-раздражением – r -Пирсона =0,39 при $p \leq 0,01$.

В процессе корреляционного анализа была выявлена умеренная положительная связь средней степени значимости между уровнем развития личностной тревожности и:

-косвенной агрессии– r -Пирсона =0,314 при $p \leq 0,05$;

-подозрительностью– r -Пирсона =0,315 при $p \leq 0,05$;

-обидой– r -Пирсона =0,34 при $p \leq 0,05$;

В процессе корреляционного анализа была выявлена умеренная положительная связь средней степени значимости между уровнем развития реактивной тревожности и:

-вербальной агрессии – r -Пирсона =0,30 при $p \leq 0,05$;

-раздражением– r -Пирсона =0,34 при $p \leq 0,05$;

Чем выше вербальная агрессия, косвенная агрессия, чувство вины, обида, подозрительность и раздражение у детей в 5 классе, тем выше уровень их личностной тревожности.

Так же был проведен корреляционный анализ индекса враждебности и индекса агрессивности на выявлении связи с личностной и реактивной тревожностями.

Таблица - корреляция Пирсона

		Индекс Вражд	Индекс Агрес	Реактивная ТРЕВОЖ	Личностная ТРЕВОЖ
ИндексВражд	Корреляция Пирсона	1	,528**	,251	,424**
	Знч.(2-сторон)		,000	,105	,005
	N	43	43	43	43
ИндексАгрес	Корреляция Пирсона	,528**	1	,377*	,452**
	Знч.(2-сторон)	,000		,013	,002
	N	43	43	43	43
РеактивнаяТРЕВОЖ	Корреляция Пирсона	,251	,377*	1	,478**
	Знч.(2-сторон)	,105	,013		,001
	N	43	43	43	43
ЛичностнаяТРЕВОЖ	Корреляция Пирсона	,424**	,452**	,478**	1
	Знч.(2-сторон)	,005	,002	,001	
	N	43	43	43	43

В процессе корреляционного анализа была выявлена умеренная положительная связь высокой степени значимости между уровнем развития личностной тревожности и:

-индексом агрессивности – r -Пирсона =0,45 при $p \leq 0,01$;

-индексом враждебности – r -Пирсона =0,42 при $p \leq 0,01$;

Так же в процессе корреляционного анализа была выявлена умеренная положительная связь средней степени значимости между уровнем развития реактивной тревожности и индексом агрессивности – r -Пирсона =0,37 при $p \leq 0,05$;

Выводы.

В результате проведенного эмпирического исследования нами было определено, что количество агрессивных детей больше неагрессивных в среднем школьном возрасте. Так же мы выявили, что индекс агрессивности преобладает над индексом враждебности. А касаясь тревожности было установлено, что у детей среднего школьного возраста высокий уровень личностной тревожности преобладает над высоким уровнем реактивной тревожности по вычислению средних.

Благодаря статистическому анализу мы пришли к выводу, что агрессия и тревожность как бы являются двумя сторонами одного явления. Исходя из полученных результатов мы можем сказать, что

уровень тревожности напрямую влияет на уровень агрессивности детей среднего школьного возраста. Агрессия – объективное выражение, тревожность – субъективное.

Использованные источники:

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2011. 368 с.

2. Антье Э. Агрессивность. - М.: Фаир-Пресс, 2017

3. Астапов.В.М. Тревожность у детей. М.: Пер Се.,2014

4. Костина Л.М. Методы диагностики тревожности. - СПб.: Речь, 2015

5. Методы психологической диагностики агрессии и агрессивности школьников [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие // сост.: Л.В. Шипова. Саратов, [2016]. URL: http://www.elibrary.sgu.ru/uch_lit/1647 (дата обращения: 10.08.2019).

6. Нурмухаметова, И.Ф. Понимание агрессивности и возрастная динамика её проявлений / И.Ф. Нурмухаметова, С.И. Галяутдинова // Вестник Башкирского университета. - 2012. - №4. - С. 26-29.

7. Панфилова М.А. Игротерапия общения. – М.: 2001, с. 54 – 59.

8. Тимий К.В. Психолого-педагогические условия формирования эмпатии у старшеклассников / Культура и образование: от теории к практике. 2015. Т. 1. № 1. С. 127-131.

Сафина Савия Батыровна

студент магистратуры

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»,
Россия, г. Магнитогорск

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВОПРОСА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Safina Saviya Batirovna

undergraduate

Nosov Magnitogorsk state technical University
Russia, Magnitogorsk

THE ANALYSIS OF MODERN PEDAGOGICAL EXPERIENCE ON THE ISSUE OF PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PARENTS OF CHILDREN WITH DISABILITIES

Аннотация

В статье представлено описание психологических особенностей родителей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии. Раскрываются этапы развития стрессового состояния родителей особого ребенка. Проанализированы психологические типы такого рода родителей.

Abstract

The article describes the psychological characteristics of parents raising children with developmental disabilities. The stages of development of stress state of parents of a special child are revealed. Psychological types of such parents are analyzed.

Ключевые слова: родители, воспитывающие детей с ограниченными возможностями здоровья, дети с ОВЗ, взаимоотношение в семье, личностные особенности родителей.

Keywords: parents raising children with disabilities, children with disabilities, family relationships, personal characteristics of parents.

Психологические особенности родителей являются важным условием формирования родительского отношения к ребенку с ОВЗ.

Анализ теории и практики существующей педагогической деятельности в системе начального общего образования позволяет констатировать, что на сегодняшний день отмечается неуклонный рост числа семей, воспитывающих детей с особыми потребностями, которые нуждаются в квалифицированной психолого-педагогической помощи и поддержке. Важнейшим фактором успешной социализации детей с ограниченными возможностями здоровья является семья.

Исследования Е.А. Полоухиной показали, что рождение «особого» ребенка является психотравмирующим фактором для семьи, изменяет ее функционирование, накладывает ограничения на различные сферы жизни, отрицательно влияет на состояние здоровья и личностные качества родителей, приводит к невротизации и к психосоматическим расстройствам членов семьи [7, с.143]. «Все члены семьи, и, в первую очередь, мать, находятся в состоянии эмоционального стресса. На протяжении первых лет жизни ребенка этот стресс не уменьшается, а обычно нарастает. Возникают сложные, а часто и конфликтные отношения между супругами и другими членами семьи» [8, с.178].

Опишем, опираясь на труды Е.М. Мастюковой, А.Г. Московкиной, этапы развития эмоциональных реакций, появившихся у родителей детей с ОВЗ:

- отрицание – неверие родителей в существование болезни и длительная задержка в признании родителями диагноза ребенка;

- гнев – защитная реакция родителей на раннем этапе осознания ими состояния их ребенка, результат ощущения беспомощности, безысходности и разочарования в себе и в своем ребенке;

- чувство вины – реакция родителей, сопровождающаяся переживанием родителей по поводу их поступков и ошибок, которые привели, по их мнению, к заболеванию ребенка;

- эмоциональная адаптация – заключительная реакция родителей, принятие болезни ребенка, развитие позитивной установки по отношению к ребенку и, так самой себе. [5, с.55-56].

Перечислим психологические особенности родителей, акцентированные Н.Г. Корельской, по типам семей по ситуации восприятия ребенка-инвалида в семье:

- беспокойство о продолжении рода, в общении и т.д.

- проблема в сохранении семьи;

- недопонимание со стороны окружающих людей, одиночество, отчаяние по поводу отсутствия перспективы на будущее;

- препятствие в карьерном росте и самоактуализации;

- сложность в материальном положении;

- трудности, которые связаны с ребенком;

- изолирование от общества [3, с. 38]

Левченко И.Ю., В.В. Ткачева характеризуют психологические портреты родителей, воспитывающих детей с ОВЗ, непосредственно конкретными признаками:

1. *Родители авторитарного типа* занимают достаточно активную жизненную позицию, они всегда стремятся руководствоваться своими собственными убеждениями и советами педагогов и психологов в данной области. Такие родители характеризуются устойчивым желанием найти выход из ситуации, справиться с положением и помочь ребенку. Облегчить его жизнь. Они направляют свои усилия на поиски лучшего врача, на самосовершенствование, на развитие необходимых навыков и умений для поддержания жизни ребенка. Именно родители такого типа создают родительские сообщества по борьбе с различными типами болезней у детей с ОВЗ, устанавливают тесные контакты с аналогичными родительскими организациями за рубежом. Родители авторитарного типа ставят перед собой такие цели, как оздоровление, обучение и социальная адаптация ребенка.

2. *Родители невротического типа* склонны к принятию ситуации с позиции отсутствия выхода из нее, им присуща пассивная личностная позиция. У них отсутствует стремление к преодолению возникших проблем, нет надежды и попыток на борьбу с дефектом. Такие родители пускают свою жизнь на самотек, оправдывая это тем, что у них нет указаний со стороны специалистов, родственников или друзей о том, что делать с ребенком. Данное оправдание является лишь отговоркой, родители не могут и не хотят бороться с проблемой, зачастую просто отстраняясь от ребенка.

3. *У родителей психосоматического типа* преобладают черты, присущие родителям, как первого и второго типа. Родители данного типа готовы всю свою жизнь посвятить уходу за ребенком. Но, к сожалению, только уходу, а не его лечению и развитию. Из приведенной типологии понятно, что родителям характерна гиперопека, что приводит к наибольшему истощению самих родителей [4, с.19-21].

Безусловно, от успешности урегулирования в семье зависит гармоничность взаимоотношений и наличие необходимой комфортной среды для жизни и развития ребенка. Психолого-педагогическая и медико-социальная помощь ребенку является более важной для социальной адаптации детей с ОВЗ.

Реализация на права на образование обучающихся с ограниченными возможностями здоровья является одной из важнейших задач государственной политики в области образования. Инклюзия – это вовлечение в процесс каждого объекта образовательного процесса (воспитанника, ученика, студента) с помощью образовательной программы, которая соответствует его способностям, а также удовлетворение индивидуальных образовательных потребностей. Инклюзивное образование представляет собой долгосрочную стратегию, которая, без-

условно, требует терпения и терпимости, систематичности и последовательности, непрерывности, комплексного подхода для ее реализации [2, с. 110].

Эффективная реабилитация ребенка – это получение семьей квалифицированной педагогической поддержки на всех стадиях жизненного пути ребенка – от рождения до включения в трудовую деятельность. Работа педагога должна быть нацелена на выявление проблем взаимодействия в семье и отбор педагогических средств урегулирования; укрепление сотрудничества образовательной организации и семьи; включение родителей в учебно-воспитательный процесс с помощью грамотного подбора приемов, форм и методов работы с родителями младших школьников, что позволяет формировать толерантное взаимодействие в семье, воспитывающего ребенка с ОВЗ [1, с.61-62].

Мы согласны с Н.В. Обуховой, которая считает, что групповая терапия поможет родителям в обретении осознанного отношения к развитию, обучению, лечению и реабилитации детей с особыми потребностями [6, с.172].

Следует отметить, что успех сотрудничества педагогов с родителями достигается при выполнении следующих условий:

- доверительное отношение родителей к специалистам;
- создается инсталляция на совместное решение задач развития и воспитания ребенка с особыми потребностями;
- каждый участник группы обладает правом свободного мнения и выбора;
- уважительное отношение и плюрализм специалистов к жизненным позициям родителей [6, с.172-173].

В своей работе Л.С Яговкина продемонстрировала, что эффективное сотрудничество всех участников педагогического процесса в образовании ребенка возможно, если в процессе образования присутствуют: самостоятельная деятельность родителей и детей, управленческое и педагогическое воздействие. Итогом же такой работы будет являться положительная динамика образовательной успешности и развития детей с особыми потребностями [9, с.159].

Анализируя данные психолого-педагогических исследований, мы пришли к выводу, что семьи, воспитывающие детей с отклонениями в развитии, нуждаются в длительном психолого-педагогическом и медико-социальном сопровождении, что, в конечном счете, зависит не столько от формы отклонения и его тяжести, сколько от личностных психологических особенностей самих родителей. Именно это определяет содержание и длительность помощи.

Список литературы:

1. Герасименко Ю.А., Ноздрин С.А. Взаимодействие педагогов и родителей в формировании толерантности детей инклюзивной школы // Материалы Международной научно-практической конференции. Режим доступа: <https://docplayer.ru/37013077-Psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-semi-v-realiyah->

sovremennogo-sociokulturnogo-prostranstva.html
(Дата обращения: 05.08.2019)

2. Деменина Л.В., Лешер О.В. Обучение студентов университета на основе инклюзивного и средового подходов // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2015. №3. С. 109-121. Режим для доступа: <http://eprints.tversu.ru/5437/> (Дата обращения: 07.06.2019)

3. Корельская Н.Г. «Особенная» семья - «особенный» ребенок // Книга для родителей детей с отклонениями в развитии. 2003. 232 с. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19885947> (Дата обращения: 03.07.2019)

4. Левченко И.Ю., В.В. Ткачева. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии // Методическое пособие. 2008. 240 с. Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/750584-psihologicheskaya-romosch-seme-vospityvayushey-rebenka-s-otkloneniymi-v-razvitiitoread> (Дата обращения: 19.07.2019)

5. Мастюкова Е.М., Московкина А.Г. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии // Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2003. 408 с. Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-2722946-pall.html> (Дата обращения: 12.07.2019)

6. Обухова Н.В. Педагогическая поддержка родителей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья // Материалы Международной научнопрактической конференции. Режим доступа: <https://docplayer.ru/37013077-Psihologo->

pedagogicheskoe-soprovozhdenie-semi-v-realiyah-sovremennogo-sociokulturnogo-prostranstva.html
(Дата обращения: 05.08.2019)

7. Полоухина Е.А. Особенности семейного микроклимата в семьях с детьми-инвалидами // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. №3. С. 143-148. Режим для доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-semeynogo-mikroklimata-v-semyah-s-detmi-invalidami> (Дата обращения: 21.07.2019)

8. Шипицына Л.М., Сорокин В.М. Личностные особенности матерей, воспитывающих детей с нарушением интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2008. Выпуск 3. С. 178-195. Режим для доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/lichnostnye-osobennosti-materey-vospityvayuschih-detey-s-narusheniem-intellekta> (Дата обращения: 12.07.2019)

9. Яговкина Л.С. Исследование формирования готовности родителей к содействию в образовании детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. №9. С.156-165. Режим для доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-formirovaniya-gotovnosti-roditeley-k-sodestviyu-v-obrazovanii-detey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-1> (Дата обращения: 15.07.2019)

Грызжук Эдуард Петрович
психолог

ПСИХОАКУСТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА САНОГЕНЕЗ ПРИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЯХ

Gryzhuk Eduard Petrovich
Psychologist

PSYCHOACOUSTIC INFLUENCE ON SANOGENESIS IN PSYCHOSOMATIC CONDITIONS

Аннотация

В статье представлен анализ метода психоакустического воздействия на саногенез при психосоматических заболеваниях. Исследуются литературные данные по теоретическим положениям суггестивного вмешательства, включая лингвистику измененных состояний сознания и психоакустические основы музыкотерапии.

Abstract

The article presents an analysis of the method of psychoacoustic effects on sanogenesis in psychosomatic diseases. We study the literature on the theoretical provisions of suggestive intervention: linguistics of altered states of consciousness and the psychoacoustic foundations of music therapy.

Ключевые слова: психосоматика, суггестивное вмешательство, музыкотерапия, психоакустическое воздействие, самогенез.

Keywords: psychosomatics, suggestive intervention, music therapy, psychoacoustic effects, sanogenesis.

Применение суггестивных технологий в терапии психосоматических состояний имеет богатую клиническую историю. Используется метод вербальных ассоциаций стимульных слов и психосоматических реакций организма. Недирективность

суггестивного воздействия обуславливается развитием у пациента состояния измененного сознания, оперируя обращением к Бессознательному. Измененное состояние сознания встречается в духовной практике дзен-буддизма и православного христианства (исиахазм)[15]. оно же формируется в рамках

применения эриксоновского гипноза. Психосоматические расстройства, рассматриваемые с позиций рефлексологической теории, трактуются как патологическая реакция на хронически воздействующий стрессовый фактор или выраженный острый стресс, истощающий адаптационные резервы личности.

По мнению А.Б. Смудевича, психосоматические расстройства характеризуются перекрытием расстройств психической и соматической природы, при чем душевная боль является истинной причиной телесных заболеваний. Это могут быть так называемые соматоформные расстройства и соматогении [3, 4].

Опыт клинических исследований ряда авторов (Есаулов В.И., 2016; Виноградова, Проничев, 2016; Куренков, 2017; Вишневецкая Е.Е. 2017; Спивак Л. И., Спивак Д. Л., Вистранд К. 2018;) доказывает эффективность суггестивного воздействия на физиологические реакции организма: изменение ЧСС, зубцов Т и R на серии ЭКГ, данные ЭМГ мышц перiorальной и перiorбитальной областей, течение болевого синдрома, в том числе при физиологических родах, функциональные расстройства ЖКТ [6,8, 5,11. 13].

Метод психоакустического воздействия основан на феномене невербального воздействия на бессознательное реципиента с учетом параметров звукового сигнала, значимых для передачи семантической и эмоциональной информации [1]

Психотерапевтический текст формируется на основе теоретической концепции многослойного построения языка Д.Л. Спивака: лингвистика измененных состояний сознания. [14] Методика позволяет улучшить воздействие психотерапевтического текста с акцентом на «самые труднодоступные слои сознания [18] и сферу бессознательного. Исходная фраза записывается несколько раз равными по длине фразами, с использованием разноуровневых лексем, погружая пациента в состояние измененного сознания, а затем постепенно выводя из него [14]. При этом сам пациент бодрствует, сконцентрирован, и в то же время расслаблен: стадия 1.3 по шкале гипноза Каткова [9,10].

Музыкальный тон имеет сложную структуру и состоит из основного тона и гармонии. Теория места при восприятии высоты основана на способности базилярной мембраны функционировать в режиме спектрального анализатора. Бегущая волна, распространяющаяся по базилярной мембране, причем максимум ее смещения зависит от высоты тона (вершина или овальное окно). Частота тона определяет локализацию активных нейронов, соответственно, распознавание частоты и высоты основывается на феноменотопическом кодировании. При спектральном анализе временной структуры звуковой волны отмечаются точки синхронизации фазы колебания базилярной мембраны с рядами нейронов слухового анализатора (фазовое заграждение). а информация декодируется в зависимости от формы волны звукового сигнала. Несколько тонов (гармоник) воспринимаются в общее ощущение высоты тона, группируясь по

определенным признакам. Музыкальные звуки запоминаются в виде эталонных образов- template, накапливаемых в течение жизни аналогично звукам родной речи. Компоненты с кратными периодами колебаний звуковой волны сравниваются с гармоничным шаблоном по фундаментальной частоте. Таким образом люди разного возраста и с разным жизненным опытом могут воспринимать дополнительные тона, к тому же чувствительность к высоким частотам снижается с каждым десятилетием на 1000 Гц. Слуховой аппарат человека производит нелинейное преобразование звука с появлением субъективных гармоник, отсутствующих в воспроизведении аудиоряда [1, 2].

Таким образом, при наложении музыкального сопровождения на терапевтический текст учитываются ритм, тональность, высота звука. Восприятие двух одновременно поступающих сигналов изменяется (изменяется тембр, громкость или один из сигналов более не слышен), это явление называется слуховой маскировкой [2].

Музыкальный текст подбирается на основе разрабатываемых диагностических кластеров. Учитываются основные средства музыкальной выразительности, включая ритм, высоту. темп, лад, мелодию и динамику.

Реализация и восприятие суггестивного влияния происходят на интуитивном, подсознательном, уровне, что позволяет избежать патологического контроля Сверх-Я, направленного на сохранение болезненной симптоматики.

Психокоррекция негативных душевных состояний проводится средствами музыкальной терапии (О. Фурса, Е. Отич, В Орлов) [12].

Психоакустическое воздействие по заявленному методу включает рецептивную форму музыкотерапии с целью достижения катарсиса и усиления эмоционального компонента воздействия (К. Яцкевич) [16]. Аудиоряд (музыкальный или вербальный) может быть эрготропным или трофотропным, согласно классификации Г. Деккер-Фойгт. В первом случае аудиоряд характеризуется наличием интенсивного пунктирного ритма, мажорного лада, четного размера, стакато, оттенка форте и диссонансов. Эрготропные звукосочетания тонизируют, стимулируют активность, целеустремленность, ощущение гордости, снижает порог чувствительности [7].

Трофотропный звук имеет минорный или архаический пентатонический лад, незначительную громкость, напевность гармоничной мелодии и наличие консонансов и легато [7]. Стимулируются эффекты психорелаксации, успокоение, повышает восприимчивость. Паузы, формата, агогическое задержание темпа позволяют продлить звучание нот, апеллируя к бессознательному. Считается, что дополнительное физиологическое воздействие оказывает резонанс вибраций, исходящих от тех или иных внутренних органов и частоты звуковых колебаний, что приводит к гармонизации физиологических процессов [16]. Например, музыкальный стиль барокко усиливает впечатление равновесия и

оказывает стабилизирующее, седативное воздействие [7].

Музыка позволяет сконцентрировать внимание пациента, выключая поисковый рефлекс «Что такое». Таким образом, психотерапевтические мишени подсознания становятся доступнее. К тому же выбор музыкального сопровождения также оказывает дополнительный психофизиологический эффект.

Таким образом, метод психоакустического воздействия на саногенез активизирует первую и вторую сигнальные системы, стимулируя процесс отказа от патологического стремления к развитию заболевания.

Список использованной литературы:

1. Алдошина И.И. Основы психоакустики, часть 1./ И.И.Алдошина// Звукорежиссер. - №6.- 1999.- С. 4-12;
2. Алдошина И.И. Основы психоакустики, часть 2./И.И.Алдошина// Звукорежиссер. - №7.- 1999.- С. 11-22
3. Беспалов Ю.И К вопросу о психосоматических заболеваниях/ Ю.И. Беспалов, Н.Н. Черченко, Л.Ю. Пономарева, М.А. Муминова, Л.А. Павленко// Вестник Казахского Национального медицинского университета - №2(2)- 2014. – С.74-76
4. Великанова Л.П. Психосоматические расстройства: современное состояние проблемы (часть 1)/ Л. П.Великанова, Ю. С. Шевченко// Социальная и клиническая психиатрия. – 2005.- С.79-94
5. Вишневская Е.Е. Применение суггестивных методов, в том числе гипнотерапии, в акушерской практике/ Е.Е. Вишневская// Журнал акушерства и женских болезней. – Т.66 - №5. – 2017. - С. 7-10
6. Виноградова Т.С. Некоторые психофизиологические аспекты невербального внушения/ Т.С. Виноградова, И.В. Проничев // Вестник Удмуртского университета. – вып.2. - 2008.- С.95-108.
7. Деккер-Фойгт Г. Г. Введение в музыкотерапию / Г. Г. Деккер-Фойгт. - С.Пб.: Питер, 2003. - 208 с.: ил
8. Есаулов В.И. Применение абдоминального варианта гипноза в комплексном лечении синдрома раздраженного кишечника/В.И.Есаулов// Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – №1(92). - 2016. – С.92-94
9. Кожевников Д.Д. «Внушение» и «гипноз» в современных психологических теориях./ Д.Д. Кожевников, В.Е. Степанова// Знание. Понимание. Умение. - №4 – 2013 – С. 290-295
10. Кондрашенко В.Т.и др. Общая психотерапия. – Мн., 2003. – 464 с.
11. Куренков С. В. Гипнотерапия с паллиативными пациентами/ С.В. Куренков // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». – 2017.- Эл. доступ <https://cyberleninka.ru/article/n/gipnoterapiya-s-palliativnymi-patsientami>. дата обращения 23.08.2019
12. Мищанчук В. Н. Использование музыкотерапии как метода суггестивных технологий в подготовке будущих учителей музыки/ В. Н.Мищанчук // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2013. – Электронный журнал Эл.доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-muzykoterapii-kak-metoda-suggestivnyh-tehnologiy-v-podgotovke-buduschih-uchiteley-muzyki>, (дата обращения:25.08.2018)
13. Спивак Л. И., Спивак Д. Л., Вистранд К. Психические феномены у здоровых женщин при физиологических родах// Электронный журнал. режим доступа: <https://www.sites.google.com/site/isspivak/Home/materials/spivakwistrand-1994> (дата обращения 22.08.2018)
14. Спивак Д. Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л.: Наука, 1986. — 92 с.
15. Храпцов В.В. Возможности использования гипноза и внушения в терапии психосоматических расстройств // Universum: Психология и образование: электрон. научн. журн. 2016. № 10(28). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3721> (дата обращения: 24.08.2019)
16. Яцкевич К.В. Музыкальная терапия в онкологии/ К.В. Яцкевич// Эл.доступ: <https://docplayer.ru/42071885-Muzykalnaya-terapiya-v-onkologii.html> (дата обращения:25.08.2019).
17. Kubie, L. S., Margolin, S. (1944) The Process of Hypnotism and the Nature of the Hypnotic State // The American Journal of Psychiatry. Vol. 100. № 5. P. 611-622
18. Spence D.- Language in psychotherapy. — In: Psycholinguistic research: implications and applications / Eds. D. Aaronson, R. Rieber. — Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1979, P. 471 — 496

PHYSICAL EDUCATION AND SPORT

Стукан В.В.

студентка 2 курса ФГКОУ ВО
«Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета РФ»
Научный руководитель: **Катков А.Е.**

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА

Stukan V.V.

2nd year student
St. Petersburg Academy
Investigative Committee of the Russian Federation "
Scientific adviser: **Katkov A.E.**

PSYCHOLOGICAL BASES OF PERSONAL SAFETY OF EMPLOYEES OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE

Аннотация

В данной работе рассмотрены психологические особенности организма человека при воздействии страха, предложены варианты борьбы с негативным воздействием страха на человека, предложены способы и тренировки, в результате которых будущий сотрудник Следственного комитета сможет успешно применить знания полученные на дисциплине «Личная безопасность».

Abstract

In this paper, the psychological characteristics of the human body under the influence of fear are considered, options for combating the negative effects of fear on a person are proposed, methods and training are proposed, as a result of which a future employee of the Investigative Committee will be able to successfully apply the knowledge gained in the discipline "Personal Security".

Ключевые слова: психологические особенности, страх, сотрудник Следственного комитета, аутогенная тренировка, самовнушение, самоубеждение, самоприказ, самоподкрепление, целеполагание, ритуальные действия.

Keywords: psychological characteristics, fear, employee of the Investigative Committee, autogenic training, self-hypnosis, self-persuasion, self-order, self-reinforcement, goal-setting, ritual actions.

Для эффективного реагирования на внезапно возникшую опасную ситуацию, как для сотрудника Следственного комитета, так и для любого человека, в первую очередь, необходимо понимать, какими процессами в организме сопровождается ситуация повышенной опасности. Для начала следует понимать, что на человека в большой степени может влиять не сам по себе страх, а физическое воздействие страха на человеческий организм, характеризующиеся уровнем возбужденности: повышается сердцебиение и кровяное давление, растет количество сахара в крови, увеличивается кислотность в желудке и свертываемость крови, кровь приливает к мускулам, капилляры перекрываются для того, чтобы больше крови поступало к внутренним органам, усиление зрения, слуха, контроля за действиями мускулов. [2]

Данные результаты воздействия страха на организм человека выступают основой для понимания алгоритма внутренней мобилизации, который является предшествующим этапом для перехода к активным действиям по обеспечению личной безопасности в критической ситуации, то есть переход от эмоций к действиям.

Страх представляет собой эмоцию, возникающую в случае угрозы биологическому или социальному существованию человека и направленную на источник действительной или мнимой опасности.

Страх проявляется двумя способами:

- предупредительный сигнал об опасности необходимый для мобилизации резервных возможностей организма и психики
- дезорганизатор психической деятельности человека.

Таким образом, необходимо уменьшить именно воздействие второго способа проявления страха во время психологической подготовки сотрудника Следственного комитета к экстремальным ситуациям.

Максимально эффективными средствами борьбы со страхом являются собственные силы человека - его психологические возможности, способность самоуправлять своим поведением в опасной ситуации, умение отделять эмоцию страха от своих действий. [3]

Способами эмоционально-волевой самомобилизации сотрудника Следственного комитета в обстановке опасности:

1. Самоубеждение

2. Самовнушение
3. Самоприказ
4. Самоподкрепление
5. Варьированное целеполагание
6. Ритуальные действия [4]

Самоубеждение - работа над собой, проводимая в сознании человека, которая включает анализ своей готовности, поиск аргументов, основанных на логике и доказательствах, для обеспечения уверенности в успешном исходе предстоящих событий. Для того, чтобы не растеряться в экстренной ситуации необходимо многократно представить себя в ней, просчитать все возможные ходы и действия, варианты развития событий. Это позволит привыкнуть к ситуации и заблокировать негативное влияние страха на организм сотрудника Следственного комитета.

Самовнушение является способом убеждения себя и обеспечения уверенности в своих действиях в сложившейся ситуации, эмоциональной поддержки себя. Влияние самовнушения направленно на подсознание человека и сопровождается следующими формулировками: «Все будет хорошо», «Я готов к выполнению этой задачи».

Самоприказ - команда самому себе, являющаяся призывом к действию. Например: «Вперед», «Давай», «Держись» и т.п.

Самоподкрепление - одобрение и поддержка собственных действий после того, как все уже сделано (например, «Молодец!», «Здорово!») и т.п.). С помощью самоподкрепления усиливается связь между самовнушением и самоподкреплением.

Варьирование целеполаганием - разбиение одной большой цели на более мелкие для более успешного их достижения.

Ритуальные действия являются отправной точкой целой системы выработанных и закрепленных привычек в навыках автоматизированных действий, которые были привычны в ситуации сопровождающейся обычно решительными, волевыми действиями. Таким образом, такие действия (например, хлопок в ладоши) в экстренной ситуации помогут активировать процессы, которые проходили в организме в момент решения успешной ситуации при использовании тех же ритуальных действий.

УДК 796

Так же мы предлагаем использовать метод аутогенной тренировки для повышения саморегуляции тех функций организма, которые изначально работают произвольно. Аутогенная тренировка является одним из методов самовнушения. Данная тренировка направлена на расслабления мускулатуры организм и помогает нормализовать работу нервной системы, стабилизировать эмоциональный фон, усиливаются волевые способности человека. Упражнения входящие в комплекс аутогенной тренировки направлены на вызывание ощущения тяжести в мышцах, ощущения тепла, на регулирование ритма сердца и дыхания.

Так, для обеспечения психологической устойчивости сотрудников Следственного комитета в экстренных ситуации необходимо постоянная тренировка ими выше указанных способов эмоционально-волевой саморегуляции. Их психологическая устойчивость будет зависеть от успешности усвоения результатов воздействия данных способов. От того насколько успешно сотрудник будет управлять своим организмом, устранять действие страха как дезорганизатора психической деятельности человека, зависит исход любой экстренной ситуации, в которую попадает сотрудник Следственного комитета.

Список литературы

1. Караяни А. Как преодолеть страх? // Частный сыск, охрана, безопасность. 1995. №10. С. 31-32.
2. Матафонова Т.Ю., Елисеева И.Н., Беленчук И.В. и др. (сост.) Приемы психологической саморегуляции. 68 с.
3. Пергаменщик Л. А. Кризисная психология. Учебное пособие. Мн.: Вышэйшая школа, 2004. 288с.
4. Марищук В., Евдокимов В., Поведение и саморегуляция человека условиях стресса. 2001. 260 с.
5. Белоусова Е.А. и др. Психолого-педагогическое проектирование комплексных занятий по огневой подготовке с курсантами образовательных учреждений МВД России. М., 2008.

Зайцева А.О.

*преподаватель кафедры физической подготовки
Восточно-Сибирский институт МВД России
Россия, г. Иркутск*

Лазаревич В. С.

курсант

*1 курс, факультет подготовки следователей и судебных экспертов
Восточно-Сибирский институт МВД России
Россия, г. Иркутск*

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ КУРСАНТОВ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ

*Zaitseva A.O.**teacher of the department of physical fitness
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russia, Irkutsk**Lazarevich V.S.**cadet**1 course, faculty of training investigators and forensic experts
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russia, Irkutsk*

ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK OF KURASNTS IN PHYSICAL TRAINING

Abstract:

This article discusses aspects of improving the physical readiness of students, with the help of independent physical training classes. Indicates the actual reasons for the decrease in student performance. Suggested ways to solve the problems identified.

Аннотация:

В данной статье рассматриваются аспекты повышения физической готовности курсантов, с помощью самостоятельных занятий по физической подготовке. Указываются актуальные причины снижения работоспособности обучающегося. Предлагаются способы решения выявленных проблем.

Ключевые слова: *самостоятельные занятия, максимальное потребление кислорода, здоровье курсанта.*

Keywords: *self-study, maximum oxygen consumption, cadet health.*

Актуальность данной темы обусловлена тем, что с каждым годом наблюдается тенденция к снижению уровня физической подготовки курсантов и слушателей. На это влияют несколько факторов: большая учебная нагрузка, несение курсантами службы, увлечение современными технологиями.

Физическая культура в силу своей специфики является основой здоровой деятельности сотрудника полиции. Значительную роль в работоспособности играет именно выполнение физических упражнений, таким образом, знания и умения должны формироваться в понимании людей поэтапно. Человеку с детства говорят о полезности физической активности и побуждают заниматься спортом. Выдающийся французский педагог и общественный деятель, основатель современных Олимпийских игр Пьер де Кубертен считал, что польза отдельных видов спорта для различных профессий неодинакова [1]. Важно правильно определять профессионально-прикладное значение различных видов спорта подходящих курсантам и слушателям обучающихся в образовательных учреждениях системы МВД. Преподавателями кафедры физической подготовки каждый год обновляется методика их отбора и группировки. От видов спорта зависит выполнение упражнений, есть две формы индивидуальная и игровая. Как известно, физические упражнения развивают и совершенствуют двигательные и физические навыки человека, тем самым выполняя функциональную направленность. Физическая или оздоровительная тренировка увеличивает функциональное состояние до 100% должного максимального потребления кислорода (ДМПК) и выше. Уровень ДМПК рассчитывается по формулам. У мужчин в возрасте до 25 лет этот уровень равен 52 мл/мин/кг, а для женщин до 20 лет он составляет 44 мл/мин/кг [2]. Для существования человеку необходим кислород, поэтому существует уровень максимального потреб-

ления кислорода (МПК) человеком. Его можно рассчитать с помощью ДМПК. Люди, имеющие уровень максимального потребления кислорода 42 мл/мин/кг и выше, не страдают хроническими заболеваниями и имеют показатели артериального давления в пределах нормы. Низкий уровень МПК может привести к риску заболеванием ишемической болезнью сердца, но чем лучше аэробные возможности (МПК), тем лучше показатели артериального давления, холестерина обмена и массы тела [2]. Главная задача оздоровительной тренировки повышение физического состояния курсантов, что гарантирует стабильное здоровье. Сердечно – сосудистые заболевания являются главной причиной нетрудоспособности курсантов.

В ходе анализа расписания дня было выявлено, что у курсантов есть до 10 - 12 еженедельных свободных часов. В свободные периоды времени курсанту следует уделить время для самостоятельных физических занятий, посещать спортивные секции, что способствует повышению уровня физической подготовленности. Увеличить двигательную активность курсантов возможно несколькими способами, во время учебных часов и во внеурочное время. Как отмечается преподавателями по физической подготовке, у курсантов происходит спад уровня физической подготовленности. В связи с этим необходимо, организовывать дополнительные занятия. Педагогическая практика показывает, что увеличение резервов физического здоровья курсантов проходит во время учебных занятий, а поддержание этого уровня должно осуществляться во внеурочное время и на самостоятельной подготовке. Кроме этого важной составляющей является выполнение домашнего задания по физической подготовке, которое будет стимулировать курсантов заниматься индивидуально или организовывать групповые занятия по физической подготовке. Смена деятельности и обстановки позволит курсантам

эмоционально разгрузиться и отдохнуть от умственной активности, а также повысит работоспособность. Такая практика будет развивать организационные способности курсантов. Им нужно будет правильно распланировать свой день, чтобы успевать и по учебе и службе.

Правильная организация учебных занятий по физической подготовке позволит повысить эффективность учебного процесса. Одной из задач преподавателей является научить курсантов самостоятельной работе, умению распределять нагрузку по своим силам и подготовленности; не получать травмы выполняя упражнения. Физическое воздействие должно быть не только на мышцы, но и укреплять весь организм. Были выявлены три основные потребности человека: двигательная активность, правильное питание, устойчивое эмоциональное состояние. Сердечно-сосудистые заболевания и снижения уровня дыхательной системы появляются из-за уменьшения объема двигательной активности. К выбору упражнений преподаватели обязаны подходить ответственно. Упражнения должны иметь оздоровительный эффект, быть простыми и понятными. Основой самостоятельных занятий являются аэробные упражнения, которые позволяют развить общую выносливость организма. Аэробные упражнения укрепляют мышцы сердца. Частота и интенсивность упражнений позволит достичь нужных результатов, к общим рекомендациям можно отнести выполнение упражнений не менее трех раз в неделю по 30 минут будет достаточно [3]. Примерами аэробных упражнений является аэробика, прыжки на скакалке, пробежки, быстрая ходьба, бег трусцой, занятия на кардиотренажерах или езда на велосипеде. Как отмечают врачи неврологи и психиатры при занятии аэробными упражнениями увеличивается устойчивость организма к получению стресса, улучшается психическое состояние. Для повышения физической подготовки нужно заниматься аэробными и анаэробными упражнениями, так как аэробные уступают в прибавке в физической силе, поэтому курсанты и слушатели должны совмещать оба типа тренировок. Анаэробные тренировки позволяют получить развить все группы мышц. Анаэробные нагрузки укрепляют и увеличивают мышцы. Курсантам не нужно бояться увеличения мускулатуры, из-за невысокого гормона тестостерона в крови, увеличение мышц будет не значительным. Как и анаэробные, так и аэробные упражнения полезны для здоровья, поэтому необходимо использовать оба вида нагрузок в занятиях по физической подготовке

В период самоподготовки можно использовать небольшие физкультминутки с применением современных мобильных приложений такие как Seven-7 минутные тренировки, упражнения для дома, которые можно установить на телефон. Такое упражнение можно использовать находясь в институте, а для занятий дома подойдет Abs Workout – 7 Minute Home Workout Fitness, Daily Yoga. Все эти упражнения позволяют вести дневник питания, контролировать количество потребляемых калорий. Тем самым, не тратя времени на поход в фитнес зал или

составления плана тренировок на каждый день для вас все рассчитывает программа. Было бы полезно и эффективно использовать физические упражнения между умственной деятельностью [4].

Главная задача самостоятельной физической подготовки – это повышение уровня здоровья курсантов и слушателей, все стороннее развитие физических способностей, формирование свойств от которых будет зависеть качество труда и трудоспособности сотрудников органов внутренних дел. Поэтому для создания физически здорового сотрудника должны проводиться систематические и самостоятельные занятия по физическим упражнениям. Они позволят курсантам и слушателям повысить уровень их физической подготовки, а также снизить во время учебного процесса умственную и психологическую усталость.

Библиографический список

1. Ложкина Н. П., Ложкина О. П. Самостоятельная физическая подготовка курсантов // Молодой ученый. – 2015. – №12. – С. 838-841. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/92/20440/> (дата обращения: 28.03.2019).
2. Николаев А. А. Двигательная активность и здоровье современного человека: учебное пособие. Смоленск: СГИФК, СГУ. 2005. 93 с.
3. Рекомендации по выполнению аэробных упражнений [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.fizkultuaisport.ru/fizvospitanie/uprazhneniya/679-rekomendaczii-po-vypolneniyu-aerobnyx-uprazhnenij.html (дата обращения: 22.05.2019).
4. Струганов С.М. Внедрение инновационных технологий в учебный процесс высших образовательных заведений МВД России для подготовки высококвалифицированных специалистов / С.М. Струганов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2012. – №1(60). – С.31-36.
5. Галимова А.Г. Совершенствование физической подготовленности курсантов вуза МВД России на основе функциональных многосуставных двигательных действий Кроссфит/ А.Г. Галимова, Г.Я. Галимов // Вестн. Бурят. Гос. Ун-та. Образование. Личность. Общество. – 2015. – № 2. – С. 79-82.
6. Зайцева А.О., Балашов А.В. Особенности повышения физической подготовленности сотрудников органов внутренних дел / Зайцева А.О., Балашов А.В. // в сборнике: Физическая культура и спорт в структуре профессионального образования: ретроспектива, реальность и будущее. Посвящается 300-летию российской полиции Материалы межведомственного круглого стола. Ответственный редактор С.М. Струганов. – 2018. – С. 143-147.
7. Коновалова А.О., Толстихин А.Н. Самоконтроль как один из факторов профилактики травматизма в процессе занятий физической подготовки и спортом / Коновалова А.О., Толстихин А.Н. // в сборнике: Оптимизация учебно-воспитательного и тренировочного процесса в учебных организациях высшего образования. Здоровый образ жизни как фактор профилактики наркомании Материалы всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. Е.В. Панов. – 2018.- С. 52-57.

Коннов А.А.,
преподаватель,
преподаватель кафедры «Физическая культура»
Институт Пищевых Технологий и Дизайна
Россия, г. Нижний Новгород

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ У СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ В ВУЗЕ

Konnov A.A.,
teacher,
Lecturer, Department of Physical Education
Institute of Food Technology and Design
Russia, Nizhny Novgorod

IMPROVEMENT OF PROFESSIONALLY SIGNIFICANT QUALITIES AT STUDENTS IN THE LESSONS OF PHYSICAL CULTURE AT THE UNIVERSITY

Abstract.

The article deals with the issue of improving professionally significant physical qualities of University students. In the modern world, the question of compliance of future employees with the level of physical activity in specific industries and in specific activities is quite relevant. It is noted that the level of physical health determines the degree of performance of the individual and the quality of life in General. Physically developed employee is also harmonious in mental and mental characteristics and becomes an adequate member of the professional team.

Аннотация.

В статье рассматривается вопрос совершенствования профессионально значимых физических качеств у студентов ВУЗов. В современном мире довольно актуален вопрос соответствия будущих сотрудников уровню физической нагрузки на специфических производствах и в специфической деятельности. Замечено, что уровень физического здоровья определяет степень работоспособности личности и качество жизни, в целом. Физически развитый сотрудник также гармоничен по психическим и умственным характеристикам и становится адекватным членом профессионального коллектива.

Ключевые слова: физическая культура, физические качества, профессиональные качества, работоспособность, студенты, здоровый образ жизни, качество жизни.

Key words: physical culture, physical qualities, professional qualities, working capacity, students, healthy lifestyle, quality of life.

Известные нам сила, выносливость, равновесие, ловкость, быстрота, гибкость являются частью любой профессиональной деятельности, обеспечивая ее эффективность и высокую производительность. В занятиях физической культурой в полной мере проявляются и такие волевые качества человека, как дисциплина, настойчивость, решительность, выдержка. Моделирование возможных профессиональных и жизненных ситуаций, базирующихся на физических аспектах организма, происходит за счет спортивных и игровых моментов в обучающем процессе.

Таким образом, основной целью занятий физической культурой в ВУЗе становится получение соответствующего уровня физической подготовки, чтобы человек в будущем мог достигать высокого качества работы в выбранной профессии, избегать производственных травм и заболеваний, успешно восстанавливаться после профессиональных и бытовых нагрузок, заручиться профессиональным долголетием. Отдельной задачей становится создание и поддержание у студентов интереса и мотивации к самосовершенствованию, стремления к пониманию и накоплению знаний по физической культуре и здоровому образу жизни.

В общих случаях в студенческие годы выстраивание резервных мощностей организма идет за счет развития координационных и силовых способностей, наличия аэробной нагрузки, способствующей укреплению сердечно-сосудистой и дыхательной систем, опорно-двигательного аппарата, использования командных игр с быстрым переключением внимания, получения навыков в отдельных видах спорта.

Воспитание физических качеств осуществляется в процессе занятий физическими упражнениями по специально разработанным методикам и представляют собой целостный процесс, объединяющий отдельные взаимосвязанные стороны совершенствования физических, функциональных и психофизиологических возможностей человека. Тренировочные, игровые и соревновательные методы тесно связаны с формированием психофизических компетенций молодых людей.

Сила, как физическое качество, характеризуется степенью сокращения и напряжения мышц. Росту силы способствуют все факторы повышающие тонус нервной системы. Средства воспитания силы – это все упражнения, выполнение которых

связано с преодолением повышенных сопротивлений.

Выносливость – это способность тела совершать нагрузки с заданной интенсивностью в течение длительного времени. Она определяется функциональными возможностями сердечно-сосудистой, дыхательной, мышечной и нервной систем. К средствам, способствующим совершенствованию аэробных возможностей относятся ходьба, бег, плавание, лыжи. Для повышения аэробных возможностей организма также важно осваивать правильную технику дыхания.

Быстрота характеризуется способностью человека совершать действия в минимальный для данного вида условий отрезок времени. Средствами развития быстроты являются скоростно-силовые упражнения (бег, прыжки, метания и т.п.). Совершенствование быстроты тесно связано с воспитанием других физических способностей и правильной техники выполнения упражнений.

Ловкость это сложное комплексное качество, заключающее в себе способность быстро осваивать новые движения и успешно действовать в переменных условиях. Её проработка связана с постоянным обновлением запаса двигательных навыков, многократным повторением упражнений со сложной координацией движений. Наиболее эффективными средствами развития и улучшения ловкости являются спортивные и подвижные игры.

Гибкость – способность выполнять упражнения с большой амплитудой. Основными методами развития этого навыка является регулярное и многократное повторение соответствующих упражнений.

Также в формировании профессионально-прикладных физических навыков студентов возможно рассмотрение занятий физической культурой через призму профильных специальностей конкретного ВУЗа. Есть основание акцентировать внимание на развитии и совершенствовании тех двигательных активностей и возможностей, которые сделают выбранную профессиональную деятельность более успешной и полноценной.

Физические навыки и их совершенствование играют огромную роль в формировании будущего специалиста независимо от выбранного рода деятельности. Недостаток физической активности ведет к деградации организма и существенно влияет на работоспособность, профессиональную пригодность и общее качество жизни человека.

Использованные источники:

1. Федеральный закон "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" от 04.12.2007 N 329-ФЗ, статья 28
2. Ильинич В.И. Профессионально-прикладная физическая подготовка. М.: Высшая школа, 1978
3. Чуб Я.В. Учебное проектирование физкультурной деятельности в вузе: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: УрГУПС, 2016
4. Программа физического воспитания студентов высших учебных заведений / Разработчики В. М. Колос, Н. Л. Петров, Н. И. Осипчик и др. – Мн., 1992

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК- 1(091)

Елисеева Татьяна Викторовна*Аспирант кафедры философии, Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
Россия, г. Омск*

ОБРАЗ МАТЕРИНСТВА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Eliseeva Tatiana Viktorovna*Post-graduate student of philosophy Department, Omsk state University
they. F. M. Dostoevsky
Russia, Omsk*

THE IMAGE OF MOTHERHOOD IN THE MIDDLE AGES

Аннотация

Средневековая эпоха религиозного догматизма предъявляла к женщине очень строгие требования. Причиной тому послужила библейская история Адама и Евы, в которой Ева несла ответственность за грехопадение человечества. Противопоставлением стал Образ Девы Марии, через который женщина смогла искупить свою вину, то есть «спасти человечество» посредством материнства. Акцент на природу женщины как Матери активно осуществляется в средневековой мысли многих мыслителей. Именно Образ Матери стал ключевым в восприятии женщины и смысла ее существования в эту эпоху.

Abstract

Medieval age of religious dogmatism was presented to the woman is very strict requirements. The reason for this was the biblical story of Adam and eve, in which eve was responsible for the fall of mankind. The opposition was the Image of the virgin Mary, through which the woman was able to atone for her guilt, that is, "save humanity" through motherhood. The emphasis on the nature of women as Mothers is actively carried out in the medieval thought of many thinkers. It was the Image of the Mother that became the key to the perception of a woman and the meaning of her existence in this era.

Ключевые слова: материнство, Христианская Церковь, женщина, Средневековье, образ Матери.
Key words: motherhood, Christian Church, woman, middle Ages, image of Mother.

Эпоха Средневековья – это время расцвета религиозных ортодоксальных учений. Церковь и ее каноны становятся основными определяющими доминантами жизни человека. Христианская Церковь в этот период оказывала решающее воздействие на сознание и культуру общества. Религиозная ортодоксальная Церковь относилась весьма настороженно к женщине. Вопрос о первородном грехе был квинтэссенцией религиозных представлений о женском поле. Суть средневекового мирозерцания заключалась в том, что женщина была главной виновницей первородного греха, в котором грехопадение осмыслялось как победа природного, телесного над собственно человеческим – духовным началом: «не Адам был прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление» (I Тим. 2:13-14), «вина Евы — тяготеющий над человечеством первородный грех» [1, с. 345]. А поскольку первое отождествлялось с женским, а второе с мужским, в этой системе ценностных координат женщина была обречена нести ответственность за грехопадение [2, с. 233-236]. В средневековую эпоху расцвета религии женщина занимала подчиненное, далеко не завидное, положение, о чем указывалось в Священном Писании: «Всякому мужу глава Христос, жене глава – муж» (I Кор. 11:3); «А учить жене не позво-

ляю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии» (I Тим. 2:12); «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены» (Ефес. 5:22-23); «Так каждый из вас да любит жену, как самого себя; а жена да убоится мужа своего» (Ефес. 5:33). Конечно же, последствиями распушенной Античности, где женщины получили вседозволенность и безграничную свободу, стали утрата женщинами чистоты, скромности и доброго нрава, а главное, - мудрости, о чем свидетельствует библейская легенда об Адаме и Еве, которая характеризует падение женской мудрости. Но почему женщина, которая не считалась за полноценного человека (этот вопрос выносился на одном из вселенских соборов V века), созданная из «ребра» Адама, в которую Господь забыл вдохнуть душу, привлекает так много внимания к себе? Почему ответственность за грехопадение человечества лежит именно на плечах такого хрупкого создания? Женская природа была для средневекового менталитета чем-то непознаваемым, иррациональным, таинственным, а, следовательно, представляющим опасность, а, следовательно, авторами писали о склонности женщин к колдовству. Наиболее подробное обоснование предрасположенности женщин к колдовству было описано в «Молоте ведьм»

- пособии для инквизиторов, написанного доминиканскими монахами Инститорио и Шпренгером в 1487 г. Женщина, по их мнению, легковерна и неразумна, больше подвержена влиянию духов, в плотских наслаждениях она ненасытна; женщина болтлива и распространяет свои заблуждения на других; женщина слабее мужчины и потому жаждет отмщения [3, с. 125-127]. Женская природа содержит в себе много мистического, является непостижимо иррациональностью, и поэтому вызывает страх и недоверие. Соответственно, единственной целью существования женской половины человечества было рождение детей. То есть женщина могла реализоваться только как Мать в браке или уйти в монашество. На самом деле в легенде о первородном грехе можно усмотреть не только обвинение женщины, но и страх перед ее интуицией, мудростью и знаниями. Такое пристальное внимание к женской натуре отнюдь не свидетельствует о ее ничтожном положении, наоборот, женщина смогла вдохновить «мудрого мужа» на решительный поступок.

Но христианская концепция мироустройства имела и другой образ женщины, который стал проявляться ближе к XII-XIII вв., - Дева Мария, образ Матери. Непорочная Мать Мария подарила миру нового Бога – Христа. Таким образом, женщина не только погубила человечество, но и спасла его. Значит женщина может как разрушить человека, так и спасти его через священный образ Матери. Несмотря на то, что женщина занимала подчиненное положение, ее роль была очень важной, ответственной в воспитании личности ребенка.

Как бы феминисты не интерпретировали эпоху женского бесправия, какие бы они не приводили доказательства их угнетенного положения, от женщины все же требовалось воспитать потомство. Исходя из этого, женщина должна была обладать определенной базой знаний. Вероятнее всего, навыки материнства передавались по женской линии: от бабушки к маме, от мамы к дочери. Несмотря на то, что женщин обвиняли в похотливости, грехопадении (христианская религия), нечестивости, все же существовали браки, семьи, порядочные женщины, которые рожали нормальных детей. Несмотря на все утверждения о изменной природе женщины, во всех религиях присутствует Образ Матери, который превозносится и почитается:

- Иисус и Мария (христианство);
- Гор и Исида (египетская мифология);
- Гаутама и Майя (буддизм).

Таким образом, возникает двойственное понимание женщины, ее природы:

1) Ева - греховная, подчиненная материи, желаниям, похоти;

2) Мария - образ чистоты, мудрости и святости материнства [4, с. 172-174].

Нельзя считать нападки в сторону женской половины беспочвенными, так как все имеет причину и следствие. Вероятнее всего, насильственное навя-

зывание женщинам материнской роли, роли послушной, порядочной жены связано с тем, что женщины стали плохо справляться со своей природной функцией, поддавшись влиянию низменной животной природы, вследствие чего развратились и утратили священную чистоту и мудрость. Таким образом, женщина не только погубила человечество, но и возродила его как Мать. Следовательно, если от женщины зависит благополучие человечества в целом, она не может быть несовершенным, низменным существом. Получается, что спасти человечество женщина может только в образе Матери (в христианстве - Марии). Например, Августин Аврелий в своем философском учении высказывал мысль о спасительной миссии для женщины-матери, которая должна была искупить первородный грех благочестием, веру и любовь к ребенку [5, с. 70-73].

С XIV века в общественном сознании укрепляется идея ответственности матерей за детей. Это выражается в особых запретах церкви матерям и кормящим лицам, и в широко распространяющейся пропаганде о пользе грудного вскармливания для детей. Пока дети находились в доме, мать играла крайне важную роль в их воспитании. За девочек мать несла полную ответственность, а за мальчиков - до 7 лет, затем их воспитанием занимались отцы. В некоторых источниках присутствуют наставления матерям учить детей грамоте и нравственному воспитанию.

Средневековые авторы, такие как Фома Аквинский, выражали свои взгляды относительно женской сущности исходя из практических наблюдений: женское ассоциировалось с телесным, а мужское - с духовным. Женское привязывалось к телесному в силу своего природного предназначения - воспроизводства потомства [5, с. 156-158]. Материнское начало уже не превозносилось и не обожествлялось в силу того, что было в какой-то мере исследовано. Фома Аквинский пишет: «Отец есть более совершенное начало, чем мать, так как он есть начало активное, в то время как мать - начало пассивное и материальное. Мать обеспечивает бесформенную материю тела, свою же форму, идею ребенок наследует через оформляющую силу, которая заключена в семени отца. Следовательно, отца следует любить больше, чем мать» [5, с. 148-149]. Такие выводы основаны на разоблачении акта рождения. Если в древних культурах считалось, что рождение ребенка зависит только от матери, так как сексуальные связи были неупорядоченными, то в средневековой культуре, когда стало известно, что оплодотворение зависит от мужчины, - без него женщина стала лишь пассивной материей. Следовательно, все женское и вместе с тем сама женщина отходит на низший уровень по сравнению с мужской, занимая теперь второстепенное место в общественной жизни. Отсюда возникают такие дихотомии как активное и пассивное, духовное и телесное (материальное), высшее и низшее начало, и женское как таковое приобретает зависимое положение, существенным доказательством которого являлся факт невозможности зачатия («оживления

яйцеклетки») без участия мужчины. Конечно же, утверждения о том, кого любить или уважать больше, полны определенного фанатичного заблуждения, но ход мыслей средневековых мыслителей шел в верном направлении. Природа мужчины и женщины действительно различается как в физиологическом, так и в психологическом смысле. Альберт Великий утверждал, что «женщина происходит от более слабого семени, чем мужчина» [4, с. 17]. Этой гипотезе нашли некоторое подтверждение в настоящее время. Ученые установили, что сперматозоиды, несущие X-хромосому менее активны, но более живучи, а сперматозоиды, несущие Y-хромосому, наоборот, более активны, но менее живучи.

Несмотря на все негативные, презрительные доводы в отношении женской природы, все же материнское начало почиталось, хотя и в меньшей степени, чем должно было. Во всех религиях повсюду фигурирует Мать (конкретное лицо), а отец выступает в качестве Абсолюта, или вообще не фигурирует. Помимо апологетов христианства, доказывающих якобы греховную природу женщины, ее низменное, второстепенное начало, существовали также и защитники равноправия женщины и мужчины. Природа женщины нисколько не уступает мужчине (трактат «Защита женщины»). «Мужчина и женщина не могут различаться по своей сущности, поскольку обладают одинаковым субстратом тела (материей), и имеют одну причину создания (Творца)» [4, с. 29]. И все же к женщине предъявляются более жесткие требования нравственного поведения, такие как скромность, сдержанность, умеренность. О воспитании девочки как добродетельной женщины также говорят средневековые трактаты: «жена должна быть всегда занята делом и должна обладать соответствующими навыками и умениями» [4, с. 34].

Женщина в средние века выходила замуж довольно рано: это связано с тем, что она должна была успеть родить за свою жизнь как можно больше детей. Дети чаще всего отдавались кормилицам, чтобы быстрее наступила новая беременность. Частая беременность была обусловлена высокой детской смертностью. Но с XIV века в общественном сознании постепенно укрепляется идея ответственности матерей за детей, особенно это выражалось в пропаганде пользы грудного вскармливания.

Некоторые средневековые авторы утверждают, что женщина должна следовать природе, которая наделила ее особым долгом по отношению к ребенку. Этот долг предполагает обязательное кормление грудью. Молоко матери лучше всего формирует не только тело ребенка, но и душу, и, следовательно, кормящая мать воспитывает ребенка. Вскармливая ребенка, мать общается с ним, закрепляя возникающие отношения доброжелательства и любви [4, с. 124-125]. Л. Б. Альберти также настаивает на необходимости грудного вскармливания: 1) оно способствует тому, чтобы дети росли крепкими и здоровыми; 2) матери лучше кормить самой, так как с молоком передаются моральные качества, а кормилица может оказаться порочной [4, с. 27]. Соответственно, уже в средние века общество заботилось о нравственном и физическом здоровье людей, и, несмотря на различные религиозные воззрения, все же существовал эталон нравственной и мудрой женщины, которая выступала в Образе Матери. Через Мать общество обретает силу и мощь, о чем свидетельствуют прямо или косвенно большинство средневековых трактатов, а также мыслителей. И, если женщину обвиняют в падении человеческой нравственности, значит, слишком большая ответственность лежит на ее плечах, что автоматически выводит ее из статуса низменного существа. Таким образом, Мать рассматривалась в эпоху средневековой мысли как посредник между Богом и ребенком.

Список литературы.

1. Тертуллиан. О женском убранстве // Тертуллиан. Избр. произв. М., 1994.
2. Рябова Т. Б. Проблема ответственности женщины за первородный грех в западноевропейской средневековой мысли на рубеже нового времени // Женщина в российском обществе. 1998. № 2.
3. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991.
4. Рябова Т. Б. Женщина в истории западноевропейского Средневековья. Изд. Центр «Юнона», Иваново, 1999.
5. Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья) в 2 т. // под ред. Неретиной С. С. Т. 1. Спб.: РХГИ, 2001.

УДК 001.891

*Лопастейская Л.Г.,
кандидат экономических наук, доцент
доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»
Ульяновский государственный технический университет
Россия, г. Ульяновск
Кузьмина А.С.
студент 1 курса
Ульяновский государственный технический университет
Россия, г. Ульяновск*

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Lopasteyskaya L.G.,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit
Ulyanovsk State Technical University
Russia, Ulyanovsk
Kuzmina A.S.
1st year student
Ulyanovsk State Technical University
Russia, Ulyanovsk

SCIENTIFIC RESEARCH AS A CREATIVE PROCESS

Аннотация

Для того чтобы можно было выявить суть исследуемого научного процесса, и грамотно дать глубокое объяснение процессов или явлений, которые ранее были малоизученными - всё это было бы невозможным без творческого мышления. В данной статье рассматривается сущность творчества, определяется специфика научного творчества и изучено соотношение логики и интуиции в научном творчестве.

Abstract

In order to be able to identify the essence of the scientific process under study, and correctly give a deep explanation of processes or phenomena that were previously poorly understood, all this would be impossible without creative thinking. This article examines the essence of creativity, defines the specifics of scientific creativity and explores the relationship between logic and intuition in scientific creativity.

Ключевые слова: научное исследование, научный результат, субъекты научной деятельности, творчество, процесс совершенствования, интуиция, аналитическое мышление.

Key words: scientific research, scientific result, subjects of scientific activity, creativity, process of improvement, intuition, analytical thinking.

Научное исследование – это целенаправленное изучение и познание, результаты которого выступают в виде системы понятий и теорий.

Существует такое понятие как научный результат – это новое знание, которое было добыто во время процесса фундаментальных или прикладных исследований и было в форме научной работы или доклада и т.п. [2, с. 145].

Субъектами научной деятельности являются: ученые, работники в области науки, педагогические работники, а также это могут быть научные учреждения, организации, высшие учебные заведения. Ученый – это тот человек, который может производить новые знания и также является специалистом в данной области.

Существуют два вида научных исследований: фундаментальный и прикладной.

Первое, фундаментальные научные исследования – это теоретическая деятельность, которая направлена на то, чтобы получить новые сведения. Второе, прикладные научные исследования – это деятельность, которая сосредоточена на использование знаний в практических целях [3, с. 289].

Для того чтобы можно было выявить суть исследуемого научного процесса, и тем более, грамотно обобщить большое количество данных, а также, суметь дать глубокое объяснение процессов или явлений, которые ранее были непонятными или малоизученными, связать в одно целое различные явления - всё это было бы невозможным без творческого мышления.

Творческий процесс требует определённого мышления, поскольку совершенствование является процессом видоизменения объекта мышления в оп-

тимальном направлении. Если таковой процесс достигает границ, определенных поставленной ранее целью, то процесс оптимизации прекращается и в итоге создается продукт умственного труда [1, с. 301].

Итак, к появлению оригинального и своеобразного теоретического решения приводит при определенных условиях - процесс совершенствования. Тем самым, когда оригинальность выражается в непохожей и интересной точке зрения на тот или иной процесс.

Немаловажную роль играет творческий характер мышления, благодаря которому создаются новые комбинации с помощью следующих способов и приемов: сбор и обобщение информации, сравнение, критика, оценка, выразительном и грамотном формулировании своих мыслей, и в итоге, в письменном изложении.

Можно выделить несколько стадий творческого процесса исследования: ознакомлением известными решениями, отказ от известных путей решения аналогичных задач, анализ различных вариантов решения и выбор оптимального варианта.

Порой необычные и оригинальные решения зарождаются неожиданно, после долгих и неоднократных попыток. Творческий процесс выражается в виде отклонения от привычных представлений и взгляд на какое-либо явление с нестандартной точки зрения. Собственные мысли и оригинальные решения появляются намного чаще, когда человек вкладывает много времени и труда в постоянное осмысление объекта исследования. Когда совершается научное открытие. Для того чтобы

разобраться в нестандартных задачах, которые неизвестно как решить, как раз играет место творчество и его элементы.

Стоит заметить, что движущей силой любого научного исследования является интуиция. Интуиция – это способность человека понимать, формировать и проникать в смысл событий, ситуаций, объектов озарением, подсознательного вывода, который основывается на воображении и проницательности [4, с. 401]. Она может быть стеснена как с накопившимся опытом и знаниями, так и с врожденными задатками.

Аналитическое мышление характеризуется тем, что его отдельные этапы четко представлены и человек имеет способность выразить их в речи. При сравнении мышления и интуитивного мышления можно заметить, что обычное мышление может исходить от общего к частному или, наоборот, от частного к общему, а в интуитивном мышлении отсутствуют ясно определенные этапы. Основная его тенденция – свернутое восприятие всей проблемы сразу. Человек достигает ответа, не осознавая при этом того процесса, посредством которого этот ответ был получен. Более того, даже материал проблемы отражается в этом случае неосознанно.

Результаты интуитивной деятельности возникают до того, как они будут обоснованы и доказаны средствами логического вывода. За способностью «неожиданно» предугадывать итог или способ его получения подлинно стоят два фактора: это накопленный опыт и приобретенные ранее знания.

Для интуитивного анализа в равной степени важно получить всю информацию, как позитивную, так и негативную, для того чтобы потом из полноценного объема отобрать более основные моменты. В процессе такого аналитического действия человек сознательно не участвует и тем более не может

отследить ход процесса, остается только полагаться на внутреннее ощущение правильности происходящего [5, с. 89].

На самом деле, в подсознании человека могут быть решены достаточно сложные логические задачи. Например, некоторые процессы, которые называются мышлением, могут в определенные промежутки времени происходить так, что человек просто не осознает их или не отдает себе отчета в их действиях, но в то же время протекают они по тем же законам, что и осознанное мышление. И при всем этом сам процесс обработки информации просто не осознается человеком, а проявляется в сознании лишь его результат, поэтому на нем фокусируется все внимание. Человеку в этом случае кажется, что на него «ниспослано озарение», что удачная гипотеза пришла молниеносно и неизвестно откуда. У высокоодаренных людей этот скачок может быть огромен.

Таким образом, можно сделать вывод, что в разных науках, интуиция решает проблемы, возникшие во время научного исследования, даже если нет в этом строгого обоснования.

Использованные источники:

1. Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики. – М., 2017. — 311 с.
2. Лук А.Н. О предвзятости и пристрастии в науке // Проблемы научного творчества. – М., 2015. — 209 с.
3. Степин В.С. Диалектика научного познания как процесс самоорганизации // Опыт философского осмысления. – М., 2016. — 345 с.
4. Эйнгельмейер П.К. Теория творчества. – СПб., 2017. — 417 с.
5. Эфроимсон В.П. Загадка гениальности. – М., 2018. — 105 с.

PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК: 811.134.2

Аргунова Д.Р.

студент

2 курс, факультета «Международная школа бизнеса и мировой экономики»

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Россия г. Москва

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В МЕКСИКЕ

Argunova D.R.

student

2 course, faculty Plekhanov International Business School

Plekhanov Russian University of Economics

Russia, Moscow

SPECIFIC FEATURES OF THE SPANISH LANGUAGE VARIANT IN MEXICO

Аннотация

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью достижения взаимопонимания между народами в диалоге культур, верным истолкованием иностранного текста.

Abstract

The relevance of the chosen topic is due to the need to achieve mutual understanding between peoples in the dialogue of cultures, the correct interpretation of a foreign text.

Ключевые слова: национальный вариант испанского языка в Мексике, особенности, язык, Мексика, Испания, общеиспанский, науатль, индехинизмы.

Keywords: national variant of the Spanish language in Mexico, features, language, Mexico, Spain, common Spanish, Nahuatl, Indechinisms.

Известно, что знание языка не обеспечивает успешной коммуникации. Недостаточное знание национально-культурной специфики очень часто ведёт к неверной интерпретации иностранного текста, как устного, так и письменного, и даже может стать причиной «неуспеха» коммуникации. В наше время — это актуально, так как это связано с ролью международных контактов, что подразумевает под собой необходимость достижения взаимопонимания между народами в диалоге культур.

Испанский язык вмещает в себя кладёз национально-культурных особенностей речевого поведения и объясняется это огромной территориальной распространённостью языка, оригинальностью национальных культур его носителей и разнообразием их этнического состава, и рядом др. причин. Проблематика единства и многообразия форм существования испанского языка является своего рода константой научного поиска в романистики. Дивергенцией и конвергенцией испанского языка занимались такие крупные зарубежные романисты, как А. Белье, Р.Куэрво, Д. Алонсо и др. Помимо зарубежных ученых отечественные романисты также участвовали в исследовании варьировании языка (Г.В. Степанов, Н.М. Фирсова, В.С. Виноградов)

Академик Г.В. Степанов³ сформулировал понятие национальных вариантов полинационального языка как форм "национальной речи, которые не обнаруживают резких структурных расхождений, но вместе с тем обретают автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах каждой национальной общности». Это высказывание говорит о том, что все варианты испанского языка в каждой местности будут отличаться от основного варианта (пиренейский национальный вариант) испанского языка, которые будут иметь свои специфические черты характерные для каждой национальной общности.

Во всех латиноамериканских странах развитие языка шло по своему пути, сложилась своя языковая традиция, установилась своя социально-географическая структура речи, политика. В результате чего в каждой стране возник национальный вариант языка, отличающих его от других национальных вариантов. Жители Венесуэлы не всегда могут понять жителей Кубы, Аргентины, Перу, Мексики и т.д. И даже на границах одной страны жители разных штатов порой могут не понять друг друга.

Можно считать общепризнанным тот факт, что в своём нынешнем состоянии испанский язык функционирует в виде ряда национальных вариантов; при этом латиноамериканские национальные

³ Степанов. Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М.:Наука, 1976. – 100с.

варианты сопалагаются на равных правах с пиренейским национальным вариантом, являющимся «исторической точкой отсчёта».

На настоящий момент испанский язык является одним из самых распространённых языков в мире - приблизительно 470 млн. говорящих. По разным оценкам, на испанском могут говорить до 548 млн. человек (включая тех людей, для которых испанский является вторым языком, и тех, кто изучает его как иностранный - 20 миллионов человек). Испанский язык Мексики является национальным вариантом испанского языка, т. е. его отличают согласные признаки национального варианта: ранг официального, присутствие национальной литературной нормы, положение родного языка для абсолютного числа жителей. [Фирсова, 2009, с. 19-20].

Современный испанский язык Мексики сформировался под влиянием различных факторов как собственно языкового (языковые контакты и естественное развитие языка, в первую очередь), так и социально- исторического и культурологического порядка. Особую роль в формировании национального языка Мексики играла и продолжает играть страна Мексика. Мексика является неиссякаемым источником древнейших цивилизаций ацтеков, ольмеков, майя, создавших особенную концепцию мировосприятия и давших миру удивительные образцы архитектуры, настенной росписи, систем письма и эпоса. Сейчас мексиканцы являются носителями синтетической культуры, сохранившей сокровища индейских культур и впитавшей традиционные формы испанской культуры. На основе слияния индейской культуры происходило формирование и становление данной культуры и языковой традиции, нашедшее свое отражение в особенностях языковой картины мексиканцев, сохраненной в основном богатейшей устной традиции и, частично, в древних письменных источниках – кодексах; испанской высококонтекстной культуры, основанной на письменной литературной традиции и, позже, мексиканского фольклора и письменной литературы.

Слияние европейской культуры и индейской произошло из-за того, что с 1521- 1821 гг. Мексика оставалась колониальным владением Испании. Некоторые исследователи считают, что колонизаторы отличались своим кастильским произношением, так как они были из Андалусии. За это время произошло обогащение испанского языка индехинизмами (т.е. лексическими заимствованиями из индейских языков)

Итогом слияния и дальнейшего развития субстратных и суперстратных элементов в сознании, языке и культуре стало образование современной высококонтекстной культуры мексиканского социума. Чертами высококонтекстной культуры являются традиционность, устойчивость, эмоциональность и несклонность к переменам.

Для общения в данной культуре характерна выразительная и непрямая манера речи с использованием культурно-насыщенной лексики. Люди не могут открыто выражать недовольство или отказ. В

следствии чего, национальный вариант испанского языка в Мексике считается консервативным и вежливым.

В мексиканском варианте испанского языка органично уживаются панамериканские (влияние английского языка), общеиспанские, зональные и собственно-национальные черты. К общеиспанским чертам относится совокупность привычных движений и состояний органов речи, необходимых для произнесения звуков, базовые аспекты грамматики и основной словарный фонд.

К панамериканским чертам следует указать *seseo* - то есть отсутствие звука [θ] и замена его звуком [s]. Это означает, что в Мексике нет различий в произношении букв «z» и «s». Таким образом, слова «*casa*» и «*caza*» (означающие «дом» и «охота» соответственно) звучат одинаково в Мексике, тогда как в Испании они звучат по-разному. Следующая черта- это отсутствие формы *vosotros*. Как и в остальной части Латинской Америки, местоимение *vosotros* не используется в мексиканском испанском языке. В классическом испанском местоимение *vosotros* - это привычный способ сказать «вы» при обращении к группе людей. В мексиканском испанском языке эта форма никогда не используется. Мексиканцы используют *ustedes* даже в неформальной обстановке. Например, «¿*Vosotros tenéis ganas de salir*?» (Вы хотите выйти?) – классический испанский вариант. «¿*Ustedes tienen ganas de salir*?» – вариант в Мексике. Национальный вариант испанского языка имеет больше всего заимствований из английского языка. Например, вместо слова «*pasatiempo*», мексиканцы предпочитают «*hobby*», произнеся со звуком «h», характерным для английского языка.

К национальным характеристикам относится явление *yeísmo*: одинаковое произнесение «ll» и «y». Например, «*pollo*» (курица) и «*pozo*» (скамья). В конечном счете, национально-специфичные черты пронизывают все языковые уровни. В меньшей степени они касаются грамматических явлений и наиболее отчетливо наблюдаются в фонетике и лексике.

Яркими чертами мексиканской фонетики помимо *yeísmo* и *seseo*, считается четкое произнесение звука [s] в конце слова и потеря предшествующей гласной. Например, *tres pesos* – [tres pes' s]. Ударение национального варианта Мексики также отличается от других вариантов. В частности, в слове «*video*» ударение падает на «i» в Испании, в то время как в Мексике на «e».

Из-за контакта с коренными языками Мексики, такими как науатль, национальный вариант испанского языка имеет много слов и звуков, которого нет в других вариациях испанского языка. Например, мексиканцы произносят звуков [tl], [cm] и др., в то время как в других вариациях испанского эти звуки невозможны. Например, Мексика – [tlaranco],[Cimecatitla], все остальные вариации испанского языка – [taranco], [Chigmecatitla]

Мексиканцы произносят звук [d] между гласными в отличие от испанского.

Многие особенности произношения напоминают южно-испанские диалекты, и особенно популярны в Мексике, потому что в 16-17 веках большинство иммигрантов прибыло в Мексику из южной Испании (главным образом из Эстремадуры и Андалусии).

Что касается грамматических особенностей мексиканского национального варианта испанского языка - помимо явления *voseo* описанного выше, существует различие между временами глаголов таких как, *pretérito perfecto compuesto* и *pretérito perfecto simple* (прошедшее завершённое сложное время и прошедшее завершённое простое время). В частности, вместо времени *compuesto* мексиканцы часто употребляют *simple*.

Следует обратить внимание на употребление местоимений второго лица в Мексике, потому что использование в речи неформальных версий, найденный в пиренейском национальном варианте испанского языка, может быть сочтено невежливым и грубым некоторым мексиканцам.

Следующие различия между классическим вариантом и национальным вариантом Мексики является явление *loísmo*. Это когда вместо местоимений *le* и *les*, обозначающих лиц мужского пола, употребляется *lo* и *los*. Обычно в классическом варианте испанского языка местоимения *lo* и *los* используются в речи при разговоре о неодушевленных предметах, а не о людях как в Мексике. Например, «*Le veo y le doy las gracias*» - в Испании; «*Lo veo y lo doy las gracias*» - в Мексике.

Le может употребляться как плеонастическое местоимение при существительных множественного числа. А в частности, «*le dije a mis primos que no se preocupen*».

В повелительном наклонении императив часто сопровождается постпозитивным *le*: *correlé, pasalé*.

Еще одной особенностью мексиканского испанского считаются увеличительные префиксы: *ge-*, *rete-*, *requete-*. Благодаря таким префиксам слова приобретают усилительное значение: *nosotras fuimos retenoviera* (у них было полно женихов)

Помимо всего прочего в мексиканские испанские характеры чрезвычайно активны уменьшительные суффиксы. Появление диминутивных форм связано с влиянием индейского субстрата, главным образом, с языком науаталь, с присущей ему довольно развитой суффиксацией («*ahorita*» (сейчас), «*mejorcito*» (лучше). В пиренейском национальном варианте такие слова невозможны. Эта диминутивность служит для поддержания общения в позитивной тональности.

Что касается лексики, то мексиканский испанский имеет свой собственный словарный запас. В результате тем, кто хочет поехать в страну, придется ознакомиться с некоторыми из уникальных слов и фраз национального варианта языка, если они хотят понять местных жителей.

В частности, мексиканский испанский язык содержит много английских заимствований или англицизмов. Вероятно, это связано с непосредственной близостью страны к Соединенным Штатам и перемещением людей между двумя странами на протяжении многих лет.

Такие примеры как, «*emergencia*» (чрезвычайная ситуация), «*marqueta*» (рынок) и «*traque*» (трек). Ни одно из этих слов обычно не используется в классическом испанском, и, как правило, использование англицизмов становится все более распространенным по мере приближения к границе США.

Вот еще несколько примеров сходства мексиканских слов с английскими:

Таблица-1

Сравнение языков

Национальный вариант испанского языка	Классический вариант испанского языка (пиренейский)	English (Русский язык)
<i>acá</i>	<i>aquí</i>	here(здесь)
<i>arete</i>	<i>pendiente</i>	earring(серьга)
<i>bolsa</i>	<i>bolso</i>	purse/handbag(сумка)
<i>papa</i>	<i>patata</i>	potato(картофель)
<i>jugo</i>	<i>zumو</i>	juice(сок)
<i>pluma</i>	<i>bolígrafo</i>	pen(ручка)
<i>camión</i>	<i>autobús</i>	bus(автобус)
<i>celular</i>	<i>móvil</i>	cell phone/mobile phone(телефон)
<i>corte</i>	<i>tribunal</i>	court(суд)
<i>pay</i>	<i>tarta</i>	pie (пирог)
<i>refrigerador</i>	<i>frigorífico</i>	refrigerator (холодильник)
<i>computadora</i>	<i>ordenador</i>	computer (компьютер)
<i>largarto</i>	<i>caíman</i>	alligator(аллигатор)

Исходя из этой таблицы, можно сделать вывод, что некоторые слова из национального варианта испанского языка схожи со словами из английского. Самые яркие примеры: *jugo – juice*; *pluma – pen*; *pay – pie*; *corte – court* (совпадение более одной буквы). В то время как такие слова из пиренейского национального варианта очень далеки от английских: *tarta – pie*. Таким образом, людям из США будет легко выучить мексиканский испанский язык благодаря похожим словам.

Тем не менее, сами слова национального варианта в Мексике отличаются от классического испанского языка. Приехав в Мексику, лучше заранее выучить слова и словосочетания, которые там употребляются, чтобы избежать недопонимания.

Вот некоторые из них:

Таблица-2

Сравнение различий идентичных по смыслу слов

Мексика	Испания	Перевод на русский язык
<i>computadora (f)</i>	<i>ordenador (m)</i>	компьютер
<i>pluma (f)</i>	<i>bolígrafo (m)</i>	ручка
<i>papa (f)</i>	<i>patata (f)</i>	картофель
<i>durazno (m)</i>	<i>melocotón (m)</i>	персик
<i>lentes (m)</i>	<i>gafas (f)</i>	очки

На основе данных из таблицы, можно прийти к выводу о том, что различия между двумя вариантами испанского языка заключается не только в структуре самого слова, но и в роде.

Помимо англицизмов, в национальном варианте испанского языка в Мексике существуют большое количество слов, которые происходят из ацтекского языка и языка науатль. Такие слова называются индехинизмами. На языке науатль говорили примерно в 16 веке. Он вытеснялся на протяжении веков испанским языком по причине испанского вторжения. Индехинизмы появились в языке благодаря слиянию испанского языка и коренных языков Мексики. Испанский, используемый в Мексике, также перенял много слов науатльского происхождения (язык ацтеков), которые сегодня часто используются в повседневной жизни: авокадо (*āhuacatl*), гуакамоле (*āhuacamōlli*), какао (*cacahuatl*), шоколад (*xocolātl/chocolātl*), семена чиа (*chian*), койот (*coyōtl*), помидор (*tomatl*). Учитывая все детали и историю Мексики, неудивительно, что характеристики и особенности общеиспанского языка оказали большое значение на развитие национального варианта в Мексике.

Ниже представлены несколько примеров и языка науатль, которые существуют в лексике национального варианта испанского языка в Мексике:

1. Местные названия: *mazatlán* (место, где много оленей; *mazatl*) (науатль) - олень)

1.1. *michoacán* (место рыбаков; *michin*) (науатль) - рыба

2. Животные: *una lechuza* или *un buho* (Испания) / *un tecolote* (Мексика: *tecolotl*) - науатль) – сова (Россия)

2.2. *un saltamontes* (Испания) / *un chapulín* (Мексика: *chapolin*) - науатль) – кузнечик (Россия)

2.3. *un pavo* (Испания) / *un guajolote* (Мексика: *huexólotl*) - науатль) – индейка (Россия)

и др.

Вот еще несколько различий между двумя вариантами испанского языка. Например, в Испании вы бы сказали *conducir un coche*, а в Мексике - *manejar un carro* (водить машину). В Испании мы скажем *una gaseosa en la nevera* (газировка в холодильнике), но в Мексике *una soda en refrigerador*.

Ещё одно важное различие это употребление такого глагола как *coger* (брать, собирать, занимать,

забрать, поймать). Этот глагол часто используется часто в Испании в значении «поймать» или «схватить». А именно, для фразы «поймать такси», мы скажем *«voy a coger un taxi»*, а в Мексике *«tomar un taxi»*

В Мексике глагол *«coger»* считается бранным словом. Я советую быть очень осторожным с ним, чтобы избежать недопонимания.

Что касается сленга в Мексике, он совершенно неизвестен жителям Испании, и многие сленговые фразы имеют различные по сравнению с их буквальным переводом. Например,

1. *«Aguas!»* - буквально означает «вода!», но используется для обозначения «осторожно!» или «берегись!»

2. *«Bronca»* - употребляется как «драка», но в мексиканском сленге это слово имеет менее конкретное значение и может использоваться для описания любых проблем или кризисов.

3. *«Codo»* - хотя это обычное испанское слово, означающее «локоть», оно часто используется в Мексике, чтобы описать кого-то, кто или «скупой» на свои деньги.

4. *«Estoy crudo»* - буквально переводится как «Я сырой», но используется для обозначения «У меня похмелье».

5. *«Fresa»* - буквально означает «клубника», но употребляется некоторыми мексиканцами в значении «молодой, противный, материалистический». Обычно используется для описания кого-то из высшего слоя привилегированного класса.

6. *«Huevo»* - обычное испанское слово, означающее «яйца». Однако в Мексике оно иногда используется как бранное слово.

7. *«Qué padre!»* - переводится как «как отец!», но в Мексике употребляется в значении «это здорово!»

Обобщая все вышеизложенное, отметим, что основными чертами национального варианта испанского языка являются:

1. Фонетические особенности:

1.1. явления *seseo* и *yeísmo*;

1.2. четкое произнесение звука [s] в конце слова и потеря предшествующей гласной

1.3. произнесение звуков [tl], [cm] (в результате влияния коренных языков Мексики);

1.4. произнесение звука [d] между гласными;

2. Грамматические особенности:

- 2.1. явления *voseo* и *loísmo*;
- 2.2. предпочтение употребления времени pretérito perfecto simple вместо perfecto compuesto;
- 2.3. диминутивные суффиксы;
3. Лексические особенности:
 - 3.1 присутствие индихенизмов
 - 3.2. особая лексика, отличающая от общепанского национального варианта (в результате влияния коренных языков Мексики)

Используемые источники:

1. Firsova, N.M. (1984): El español contemporáneo de Colombia (Lexico). Moscú, 1984 (en ruso)
2. Карпина Е. В. Современная языковая ситуация в Мексике как отражение дифференциации Испанского языка [Электронный ресурс] - Вестник ИГЛУ, 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-yazykovaya-situatsiya-v-meksike-kak-otrazhenie-differentsiatsii-ispanskogo-yazyka> (дата обращения: 19.06.2019)
3. <https://tsarexperience.com/las-5-diferencias-mas-importantes-entre-el-espanol-europeo-y-el-espanol-mexicano/> (электронный ресурс: дата обращения: 21.06.2019)

Библиографический список:

1. Культура Мексики [Текст]. – М.: Наука, 1980. – 302 с
2. Михеева, Н.Ф. К вопросу о классификации диалектов современного испанского языка [Текст] / Н.Ф. Михеева // Вопросы иберо-романской филологии: сборник статей. Выпуск 7 (юбилейный). Посвящается 80-летию профессора В.С. Виноградова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. – С. 177-183
3. Журавлева, Н.Ю. Словообразовательный и лексико-семантический потенциал оттопонимических номинаций в мексиканском национальном варианте испанского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Н.Ю. Журавлева. – М., 2013. – 20 с
4. Степанов, Г.В. К проблеме языкового варьирования: испанский язык Испании и Америки [Текст] / Г.В. Степанов. – М.: Наука, 1979. – 327 с.
5. Степанов, Г.В. О национальном языке в странах Латинской Америки [Текст] / Г.В. Степанов // Вопросы формирования и развития национальных языков / под ред. М.М. Гухма
5. Степанов, Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – М.: Наука, 1976. – 100с.
6. Чеснокова, О.С. Испанский язык в странах Латинской Америки. Мексика [Текст]: учеб. пособие / О.С. Чеснокова. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 99 с.
7. Чеснокова, О.С. Мир испанского языка: Мексика [Текст]: учебно-методическое пособие для студентов, изучающих испанский язык, 1-й год обучения / О.С. Чеснокова. – М.: Изд-во РУДН, 1999. – 55 с.

8. Barker, G.C. Social Functions in Language in a Mexican-American Community [Text] / G.C. Barker. – Tucson: University of Arizona Press, 1972. – 147 p.
9. Diccionario del español usual en México/Dirigido por Luis Fernando Lara [Text]. – México: El Colegio de México, Centro de Estudios Lingüísticos y Literarios, 1996. – 941 p. – DEUM.
10. El español hablado en México [Text]. – México: Comisión para la defensa del idioma español, 1982. – T. IV. – 68 p.
11. Fontanella de Weinberg, M.B. El español de América [Text] / M.B. de Weinberg Fontanella. – Madrid: MAPFRE, 1992. – 288 p.
12. Lope Blanch J.M. Un caso de posible influencia maya en el español mexicano [Text] / J.M. Lope Blanch // Investigaciones. – Mexico: UNAM, 1979a. – P. 41-53.
13. Guzmán, Betancourt I. Usos y pronunciaciones de la «x» en español [Text] / Betancourt I. Guzmán // El español hablado en México. – México: Comisión para la defensa del idioma, 1982. – P. 53-65.
14. Henríquez Ureña, P. El español en Méjico, los Estados Unidos y la América Central [Text] / Ureña P. Henríquez. – Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1938. – 105 p.
15. Henríquez, Ureña P. Observaciones sobre el español de América [Text] / Ureña P. Henríquez // Revista de Filología Española. – 1921. – № 8. – P. 357-390.
16. Heath, S.B. La política del lenguaje en México: de la colonia a la nación [Text] / S.B. Heath. – México: Instituto Nacional Indigenista, 1979. – P. 271-279.
16. Jiménez Cataño, R. Cuando en México se habla bien [Text] / R. Cataño Jiménez // Istmo. – 1995. – № 219, julio-agosto. – P. 49-53.
17. Jiménez Cataño, R. El discreto encanto del diminutivo [Text] / R. Cataño Jiménez // Istmo, 1993. – № 208, septiembre-octubre. – P. 42-48.
18. Lope Blanch, J.M. Algunos casos de polimorfismo fonético en México [Text] / J.M. Lope Blanch // Investigaciones. – Mexico: UNAM, 1979b. – P. 97-111.
19. Lope Blanch J.M. Un caso de posible influencia maya en el español mexicano [Text] / J.M. Lope Blanch // Investigaciones. – Mexico: UNAM, 1979a. – P. 41-53.
20. Mejías, H.A. Préstamos de lenguas indígenas en el español americano del siglo XVII [Text] / H.A. Mejías. – México, UNAM, 1996. – 450 p.
21. Moreno de Alba, J.G. Valores de las formas verbales en el español de México [Text] / de Alba J.G. Moreno. – México: UNAM, 1978. – 255 p.
22. Rona, J.P. Geografía y morfología del «voseo» [Text] / J.P. Rona. – Porto Alegre, 1967. – 189 p.

Аргунова Д.Р.

студент

2 курс, факультета «Международная школа бизнеса и мировой экономики»

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Россия г. Москва

ВЗГЛЯДЫ БРАТЬЕВ ШЛЕГЕЛЕЙ О ТИПАХ ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РОМАНТИЗМА*Argunova D.R.*

student

2 course, faculty Plekhanov International Business School

Plekhanov Russian University of Economics

Russia, Moscow

SCHLEGEL BROTHERS ' VIEWS ON THE TYPES OF LANGUAGE IN A POINT VIEW OF ROMANTICISM**Аннотация**

Статья посвящена изучению романтического периода как культурно-исторического в рамках единого поля мировой культуры. Рассмотрены взгляды немецких учёных-братьев Ф. Шлегеля и А. Шлегеля на тип языка, как «дух народа». Актуальность данной темы обусловлена необходимостью понимания причин развития языка и как развитие языка связано с романтизмом.

Abstract

The article is devoted to the study of the romantic period as a cultural and historical in the framework of a single field of world culture. The views of the German scientists-brothers Schlegel and Schlegel on the type of language, as the "spirit of the people" are considered. The relevance of the topic chosen due to the need of understanding the reasons of the development language and how the development of language connected with romanticism.

Ключевые слова: развитие языка, народных дух, падение, языковедение, романтизм.

Keywords: development of language, human spirit, declining, linguistics, romanticism.

Вопрос о «типе языка» возник впервые у романтиков. Романтизм определяется как «культурно-исторический период, течение, направление и плод человеческой деятельности, подчиняется законам в теории А. Е. Чучина-Русова и процессам в едином поле мировой культуры и занимает свое место в едином поле мировой культуры [Мамукина, Маркова, 2018, с. 130]; это — это то идеологическое направление, задачей которого на рубеже XVIII и XIX вв. было сформулировать идейные достижения буржуазных наций; для романтиков главным вопросом было определение национального самосознания. Романтизм — это не только литературное направление, но и мировоззрение, которое было свойственно представителям «новой» культуры и которое пришло на смену феодальному мировоззрению.

Романтизм как культурно-идеологическое направление был очень противоречив. Наряду с тем, что именно романтизм выдвинул идею народности и идею историзма, это же направление в лице иных своих представителей призывало к возврату назад, к устарелому Средневековью и к любованию «старинной».

Именно романтики впервые поставили вопрос о «типе языка». Их мысль была такова: «дух народа» может проявляться в мифах, в искусстве, в литературе и в языке. Отсюда естественный вывод, что через язык можно познать «дух народа». [Реформатский, 2016, с. 466]

Так возникла замечательная в своем роде книга вождя немецких романтиков Фридриха Шлегеля (1772—1829) «О языке и мудрости индийцев» (1809).

Фридрих Шлегель был выдающимся теоретиком немецкого романтизма. Решением теоретических вопросов занимался также его старший брат Август Вильгельм (1767—1845). Особенно показательны в данном плане его «Лекции об изящной литературе и искусстве» (Vorlesungen über schönen Literatur und Kunst), читанные в 1801 — 1807 гг. в Берлине и содержащие основные принципы романтической эстетики. Ф. Шлегель не сразу утвердился на романтических позициях. Первый период его творческой деятельности (примерно до 1798 г.) во многом был переходным. Фридрих Шлегель в это время испытывает заметное влияние просветительских идей, положительно относится к французской революции. Появление реакционных черт в его сознании связано главным образом с тем, что он не принял утвердившегося в послереволюционную эпоху буржуазного строя.

Вернемся к книге «О языке и мудрости индийцев» (1809), Фридрих Шлегель сопоставил санскрит с греческим, латинским, а также с языками тюркскими и пришел к выводу: 1) что все языки можно разделить на два типа: флективные и аффиксирующие, 2) что любой язык рождается и остается в том же типе и 3) что флективным языкам свойственно «богатство, прочность и долговечность», а

аффиксирующим «с самого возникновения недостает живого развития», им свойственны «бедность, скудость и искусственность». [Реформатский, 2016, с. 450]

Разделение языков на флективные и аффиксирующие Ф. Шлегель делал, исходя из наличия или отсутствия изменения корня. Он писал: «В индийском или греческом языках каждый корень является тем, что говорит его название, и подобен живому ростку; благодаря тому, что понятия отношений выражаются при помощи внутреннего изменения, дается свободное поприще для развития... Все же, что получилось таким образом от простого корня, сохраняет отпечаток родства, взаимно связано и поэтому сохраняется. Отсюда, с одной стороны, богатство, а с другой — прочность и долговечность этих языков».

«...В языках, имеющих вместо флексии аффиксацию, корни совсем не таковы; их можно сравнить не с плодородным семенем, а лишь с грудой атомов... связь их часто механическая — путем внешнего присоединения. С самого их возникновения этим языкам недостает зародыша живого развития... и эти языки, безразлично — дикие или культурные, всегда тяжелы, спутываемы и часто особенно выделяются своим своенравно-произвольным, субъективно-странным и порочным характером». [Реформатский, 2016, с. 398]

Ф. Шлегель с трудом признавал наличие аффиксов во флективных языках, а образование грамматических форм в этих языках истолковывал как внутреннюю флексию, желая этим подвести данный «идеальный тип языков» под формулу романтиков: «единство во многообразии». [Реформатский, 2016, с. 412]

Уже для современников Ф. Шлегеля стало ясным, что в два типа все языки мира распределить нельзя. Встал вопрос, к какому типу отнести, например, китайский язык, где нет ни внутренней флексии, ни регулярной аффиксации.

Брат Ф. Шлегеля — Август-Вильгельм Шлегель (1767— 1845), приняв во внимание возражения Ф. Боппа и других лингвистов, переработал типологическую классификацию языков своего брата

(«Заметки о провансальском языке и литературе», 1818) и определил три типа: 1) флективный, 2) аффиксирующий, 3) аморфный (что свойственно китайскому языку); причем во флективных языках он показал две возможности грамматического строя: синтетическую и аналитическую. [Реформатский, 2016, с. 403]

Из вышесказанного следует, что ученые правильно отметили различие флективных, агглютинирующих и изолирующих языков. Однако объяснение структуры этих языков и их оценка не были приняты. Во-первых, во флективных языках вовсе не вся грамматика сводится к внутренней флексии; во многих флективных языках в основе грамматики лежит аффиксация, а внутренняя флексия играет незначительную роль; во-вторых, языки типа китайского нельзя называть аморфными, так как язык вне формы быть - не может, но форма в языке проявляется по-разному; в-третьих, оценка языков братьями Шлегелями привела к неправильной дискриминации одних языков за счет возвышения других; романтики не были расистами, но некоторые их рассуждения о языках и народах позднее были использованы расистами.

Использованные источники:

1. Мамукина Г.И., Маркова А.С. Метамоделизм в концепции А.Е. Чучина-Русова «Единое поле мировой культуры» // Г.И. Мамукина // Научный Журнал «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2018. – вып. 3 (38). – С. 128-138.
2. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 5-е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 2016. — 536 с. С. 466.
3. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 5-е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 2016. — 536 с. С. 450.
4. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 5-е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 2016. — 536 с. С. 398.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 5-е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 2016. — 536 с. С. 416.

УДК 8; 11.351.43

*Аушева Э.А.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры ингушского языка
Оздоева Эсет Герихановна
старший преподаватель кафедры ингушского языка
Ингушский государственный университет
Россия, г. Магас*

К ВОПРОСУ ОБ ЭРГАТИВНОМ ПАДЕЖЕ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

*Ausheva E.A.,
candidate of philological sciences,
Associate Professor of the Ingush Language Department
Ozdoeva Eset Gerikhanovna
Senior Lecturer, Ingush Language Department
Ingush State University
Russia, Magas*

TO THE QUESTION OF ERGATIVE PAGE IN THE INGUSH LANGUAGE

Аннотация

В данной статье освещаются актуальные вопросы, связанные с эргативным падежом как словоизменительной грамматической категорией. Рассматриваются особенности функционирования и значение данного падежа в ингушском языке. Ингушский язык, как и другие кавказские языки, имеет хорошо развитую падежную систему. Особый интерес представляет эргативный падеж.

Abstract

This article highlights current issues related to the ergative case as an inflectional grammatical category. The features of functioning and the significance of this case in the Ingush language are considered. The Ingush language, like other Caucasian languages, has a well-developed case system. Of particular interest is the ergative case.

Ключевые слова: *падежная система, эргативный падеж, склонение, самостоятельная форма, функция, значение.*

Keywords: *case system, ergative case, declension, independent form, function, meaning.*

Ингушский язык имеет развитую систему падежей. Кроме основных падежей здесь имеются послеложные падежи. Первые исследователи ингушского языка (П.К. Услар, З.К. Мальсагов, Д.С. Иманайшвили и др.) насчитывают 16 падежей, отмечая, что выделяются основные и местные падежи. Номинатив, эргатив, генитив и датив являются основными падежами для всех иберийско-кавказских языков.

Цель нашей работы – показать особенности функционирования и значение эргативного падежа в ингушском языке. Целью обусловлены следующие задачи: 1) осветить актуальные вопросы, связанные с данным падежом; 2) показать его основное значение и синтаксические функции; 3) проанализировать особенности оформления эргативного падежа в ингушском языке.

Эргативный падеж отвечает на вопросы «кем?», «чем?» (*хьан? сево?*).

В эргативном падеже «ставится существительное, обозначающее лицо или предмет действующих; тот предмет или лицо, на которое действие обращено, ставится в именительном падеже» [1, с. 36].

Например: *Хозача дешо лоам бошабаьб / Красивое слово гору растопило. Унахой лораша берзабу / Врачи лечат больных. Малхо кьегадора баьца тIара тхир / Солнце заставляет сверкать росу на траве.*

Русский оборот речи пользуется в этих случаях именительным и винительным падежами. В падежной системе ингушского языка нет аккузатива. «Отсутствие винительного падежа зависит от особенностей глагола ингушского языка, согласующегося в переходных конструкциях не с лицом или предметом действующим, а с тем, на которое действие обращено» [3, с. 29].

Эргативный падеж в научных работах получил разные наименования: творительным назвал его П.К. Услар (1888), инструктивом – Шифнер, эргативом – А.М. Дирр (1907) и З.К. Мальсагов (1925), активным падежом – Н.Ф. Яковлев (1940) и Ю.Д. Дешериев (1963), орудным падежом Р.Р. Гагуа, М.И. Чапанов (1962), И.И. Оздоев (1964), А.С. Чикобава (1976), Т.И. Дешериева (1974) и др. дали ему наименование «эргативный», которое получило наибольшее распространение в научной литературе по кавказским языкам.

Термин «эргатив» происходит от греческого слова *ergates*, что в переводе на русский язык означает «действующее лицо». Исторически эргатив считается «первым именительным падежом» кавказских языков, и его наличие в морфологической структуре является наиболее характерной и существенной особенностью» [4, с. 98].

Наличие эргативного падежа и эргативной конструкции предложения является одной из специфических особенностей грамматического строя кавказских языков. Сущность эргативной конструкции заключается в том, что подлежащее в форме реального субъекта при переходных глаголах-сказуемых выражается не именительным падежом, как это имеет место в индоевропейских языках, а особым эргативным падежом. Кроме того, исторически здесь обязательно обозначение объекта в именительном падеже.

В лингвистической науке вопрос об эргативном падеже и связанной с ним так называемой «эргативной конструкции» предложения в различных языках до сих пор не находит однозначного решения. Одни исследователи находят в ней аналогию со страдательным оборотом в индоевропейских языках и делают выводы о пассивности переходного глагола в данной конструкции, другие проти-

вопоставляют этой конструкции концепцию активности переходного глагола в эргативных конструкциях. Иные же утверждают, что переходный глагол в эргативной конструкции нейтрален.

Эргативный падеж следует признать падежом подлежащего, поскольку он, с одной стороны, всегда репрезентирует лицо действующее, с другой – этот падеж по самой своей форме представляет собою всегда и исключительно падеж продуктивного подлежащего. Он «выполняет исключительно функцию субъекта при переходных глаголах [2, с. 53].

Следовательно, активный падеж наряду с именительным падежом является вторым падежом для подлежащего как по значению, так и по форме.

Эргативный падеж образуется при помощи аффиксов -с, -ас, -а, -е, -во, -чо, которые присоединяются к основе именительного падежа:

Тлехъависачунна дакъа циско диад / Кошка съела то, что полагалось опоздавшему. *Машаро нах боахабаъб, тIемо вол вихъав.* «Мир дает людям жизнь, война уносит сына».

Аффикс эргативного падежа -с в ингушском языке в большинстве случаев употребляется при склонении собственных имен людей. Наблюдается отклонение от этого правила более позднего происхождения.

Форматив *в* служит для образования формы эргативного падежа от имен существительных, обозначающих неразумные существа и все неодушевленные предметы.

УДК 8; 11.351.43

Аффикс -во является малопродуктивным и употребляется при персонификации неразумных имен: *ча-во* / медведь; *хи-во* / вода; *лай-во* / снег; и т.д.: *Бийсан февево ловзаю, сов сиха йолхаи хьалкхувсалу говрий касараи* / Ночной воздух тербит гривы лошадей, развевающихся от быстрой скачки. (Плиев). *Из чаво ца дича, де йиш йолаи дацар* / Кроме медведя, это никто не мог бы сделать.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы можем сделать вывод, что эргативный падеж относится к числу основных и самых древних падежей ингушского языка. Он имеет собственную форму, служащую для выражения только его значения и выполняет исключительно функцию субъекта при переходных глаголах.

Список литературы:

1. Аушева Э.А. Категория падежа в ингушском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №1-1 (55). С. 94–97.
2. Аушева Э.А., Алмазова Т.А. Категориальная система имени существительного ингушского языка. // в сб.: Актуальные вопросы филологии: теория и практика. Материалы II Международной научно-практической конференции. 2018. С. 49-53.
3. Аушева Э.А. Категория класса, числа и падежа в ингушском языке // Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Магас, 2014. С. 27-33.
4. Чикобава А.С. Введение в иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 2010.

Аушева Мадина Беслановна,
студент 4 курса юридического факультета,
Ингушский Государственный Университет

Аушева Эльза Алихановна
кандидат филол. наук, доцент каф. ингушского языка,
Ингушский Государственный Университет

ЯЗЫК - ЖИВОЙ СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ ИНГУШЕЙ

Ausheva Madina Beslanovna,
4th year law student,

Ingush State University

Ausheva Elsa Alikhanovna

candidate filol. Sciences, Associate Professor Ingush language
Ingush State University

LANGUAGE - THE LIVING WITNESS OF THE INGUSHI HISTORY

Аннотация

Статья посвящена одному из языков нахской группы иберийско-кавказской семьи языков. Ингушский язык играет важную роль в изучении истории ингушского народа, так как письменные памятники данного языка отсутствуют. Авторы отмечают, что необходимо изучить ингушский язык, чтобы знать историю ингушей. Изучение грамматического строя ингушского языка, этимологии, лексики, параллелей с другими языками может объяснить древнюю историю не только ингушского, но и других родственных народов.

Abstract

The article is devoted to one of the languages of the Nakh group of the Iberian-Caucasian family of languages. The Ingush language plays an important role in studying the history of the Ingush people, since there are no written monuments of this language. The authors note that it is necessary to learn the Ingush language in order to know the history of the Ingush. Studying the grammatical structure of the Ingush language, etymology, vocabulary,

parallels with other languages can explain the ancient history of not only the Ingush, but also other kindred peoples.

Ключевые слова: история, ингушский язык, культура, роль языка, устаревшая лексика.

Keywords: history, Ingush language, culture, the role of language, outdated vocabulary.

Ингушский язык относится к нахской группе иберийско-кавказской семьи языков. Это древний язык. Ингуши прошли сложный и длительный путь своего развития, измеряемый столетиями. Письменных исторических источников по ингушскому языку нет. Единственным свидетелем истории ингушского народа, дошедшим до наших дней, является язык. П.К. Услар отмечал: «Неистощимое средство для изучения древнейшего времени представляет язык: язык нельзя ни выдумать, ни подделывать. Языки – правдивые, неисчерпаемые выводы летописи. Из этих летописей можно создать настоящую народную историю» [1].

В словах ингушского языка запечатлены мудрость нашего народа, представления об укладе народной жизни, опирающиеся на духовное единство. В высших своих проявлениях язык является памятником культуры, духовным достоянием народа.

Ингушский язык на протяжении многих веков претерпевал множество изменений в своем развитии. И сегодня он продолжает развиваться: изменяются его фонетическая и грамматическая системы, морфемный состав слов, лексика, фразеология. Изменения в языке происходят постепенно, и темпы его столь невелики, что нам кажется, будто язык совсем не меняется. Это позволяет ему на протяжении многих веков функционировать в качестве средства общения.

Язык не просто отражает мир человека и его культуру. Главная функция языка заключается и в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь важную роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа и нации. [1, с. 23].

Культурные ценности язык хранит в лексике, в грамматике, в пословицах, фольклоре, поговорках, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи.

Ингушский язык, как один из древнейших языков мира, представляет интерес для науки. В нем много архаизмов, историзмов, идиом. Изучение грамматического строя ингушского языка, этимологии, лексики, параллелей с другими языками может объяснить древнюю историю не только ингушского, но и других народов.

Происходящие изменения в ингушском языке, в частности в его лексическом составе, нельзя свести только к появлению неологизмов. Происходит постепенное исчезновение устаревших слов. Это связано с тем, что исчезли объекты действительности, называемые такими словами, либо устарели сами слова и постепенно заменились новыми. В настоящее время исследователи ингушского языка

волнует проблема крайне низкого уровня понимания устаревшей лексики современными учащимися.

Наблюдаются случаи, когда забываются и выпадают из языка слова, которые перешли в пассивный словарный запас языка совсем недавно. Например, слова *кур* / район, *ларбо* / охранник являются незнакомыми для большинства ингушей.

В ингушском языке много слов, которые перестали употребляться в связи с исчезновением тех понятий, которые они обозначали: *танг1алхх* / виселица, *ирбарг* / кирка, *йоалхо* / данник, *ц1ув* / жрец, *гемакх* / копье, *турс* / щит, *чхьонкар* / боевая дубина, палица и др. Эти слова называются историзмами, они более или менее известны и понятны носителям языка. Эти слова вышли из активного употребления, но до сих пор не забыты нами, хотя и редко встречаются в нашей речи.

Такие слова, как *лекхарг* / совок, *лул1арм* / мелкая монета, *маккхал* / ястреб, *фета* / нагрудный знак, *фурт* / потомство, *хара* / племенной бык относятся к древнему ингушскому языку.

Слова *аьким* / брак, *айлам* / Солнечная Галактика, *айме* / высокое место, *трибуна*, вышли из активного словаря письменной речи более ста лет назад, однако они до сих пор понятны в своих основных значениях говорящим на современном ингушском языке.

Если понятия о предмете или явлении сохраняются, а закрепленные за ними названия, в процессе развития языка заменяются новыми понятиями, то старые наименования также переходят в разряд пассивной лексики, в группу так называемых архаизмов. Например: *анбакъда* – *чхьабакъда* / однако; *таьргков* – *базар*, *ц1етт* – *фос* / добыча и др. Некоторые из данных слов «стоят уже за пределами даже пассивно существующих лексических запасов современного ингушского языка» [2, с. 65].

Слова переживают тысячелетия. Их судьба, их сходство с другими словами, их изменение, их первоначальный смысл — все это бесценный материал для реконструкции «дел давно минувших дней» [4, с. 127]. Главной задачей для историка является установление родства современных и древних языков, выявление их «родословной».

Ингушский язык все еще недостаточно исследован, но и на базе того немногого, что известно, можно сделать вывод, что устаревшие слова, вышедшие из активного словарного употребления, являются теми нитями, которые связывают нас с историей своего народа и его языка. Не зная свой язык, человек не может объективно оценить настоящее и уверенно шагнуть в будущее. Необходима разработка приемов и методов, направленных на привлечение внимания к лексике ингушского языка, в том числе к лексике устаревшей.

Список литературы:

1. Аушева Э.А. Именные части речи в ингушском языке. / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филолог. наук - Магас, 2007. 166 с.
2. Кодзоев Н.Д. Место ингушского языка в системе языков мира. // К древней и средневековой истории ингушей. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2011.

3. Оздоева Ф.Г. Язык – душа народа и основа его духовной жизни. // Духовная щедрость народа. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции Назрань, 2003. С. 6-7.

4. Услар П.К. Этнография Кавказа. Ч.2. Чеченский язык. Тифлис: Типография канц. Главного начальствующего гражданского частью на Кавказе. 1888. 120 с.

УДК 811.134.2

Иванова Марина Кирилловна*Старший преподаватель кафедры иностранных языков.**Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления.***СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ПРИЁМАМ ПЕРЕВОДА СЛОЖНЫХ ТЕРМИНОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА)****Ivanova M.K.***Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
North-West Institute of Management***STRUCTURAL APPROACH TO TEACHING METHODS OF TRANSLATION OF COMPLICATED
TERMS (BASED ON SPANISH NEWSPAPER TEXTS)****Аннотация**

В статье проводится исследование структур терминологических сочетаний, используемых в текстах информационно-аналитических жанров испанской газеты «El País». В текстах такого типа основная и дополнительная информация образуют неразрывное единство и воспринимаются читателем как определённый эталон речи, овладение которым позволит коммуникативно приемлемо строить иноязычную речь и овладеть техникой последовательного и синхронного перевода.

Abstract

The article examines terminological combinations that are used in information and analytical genre of the Spanish newspaper "El País". The major and additional information in such texts is coherent and is perceived by readers as definite standard of speech. So, understanding this phenomenon allows the language learners to improve their abilities in consecutive and simultaneous interpretation.

Ключевые слова: *термин, терминологический элемент, модели терминологических сочетаний, лексическая актуализация, информативность текста.*

Keywords: *Term, terminological component, models of terminological combinations, lexical actualization, level of information.*

Особенность аспекта «испанский язык для профессиональных целей» заключается в том, что язык преподаётся и осваивается в качестве носителя профессиональной информации и средства профессионального общения. В связи с этим перед преподавателем ставится цель формирования и закрепления компетенций, позволяющих студентам воспринимать и транслировать понятийно-терминологическую составляющую коммуникации в рамках данной профессии. Это предполагает определённый уровень владения, наряду с грамматикой, основным лексическим фондом и специальной профессиональной лексикой, необходимой для компетентного общения в профессиональной испаноязычной среде. Тексты газетно-публицистического подстиля нам представляются необходимым элементом в методике преподавания испанского языка на продвинутых этапах обучения будущих специалистов в области международных отношений, по-

скольку тематика отчётов-коммунике и международных обзоров даёт возможность осуществления специализации преподавания на стыке лингвистики и страноведения.

Важнейшим лингвистическим признаком данного подстиля испанского языка является тесное взаимодействие, чередование и взаимопроникновение выразительных и стандартных речевых средств, постоянное превращение экспрессивных средств в стандарт и поиск новых экспрессивных средств выражения. Стандартизованные речевые формы соотносены с определёнными общественно-политическими ситуациями и наиболее часто встречаются в вышеупомянутых жанрах, оперативно повествующих о работе правительств, международных организаций, о встречах на высшем уровне, визитах, переговорах и прочих официальных мероприятиях. Данные тексты построены по стандартной форме и не только легко пишутся журналистами, но и достаточно легко читаются, что

представляется не мало важным при их использовании в преподавании испанского языка в условиях ограниченного количества часов, отведенных на обучение переводу и реферативному изложению содержания информационно-аналитических текстов.

Такие характеристики данных текстов как стандартизованность, информативность и прагматичность базируются на значительном использовании терминологической общественно-политической лексики. Единицы данной терминосистемы не только способствуют созданию основной информации в контексте, её коммуникативности и оперативности, но и её выразительности, поскольку в газетном тексте реализуются явления варьирования, синонимии и антонимии терминов (1), как напр.: *el ministro- el titular- el Exteriores*.

Наибольшую сложность для понимания и правильного перевода составляют сложные термины, поэтому в данной статье описан структурный подход в обучении студентов приёмам их перевода, что представляется довольно рациональным на этапах продвинутого уровня, когда учащиеся уже стабильно владеют морфологическими и синтаксическими параметрами языка.

За основу классификации сложных терминов принимается количество терминоэлементов, входящих в их состав, и порядок их расположения. По количеству терминоэлементов рассматриваемые термины делятся на:

1) двусоставные термины; 2) трёхкомпонентные термины; 3) терминологические сочетания.

Исследования частотности употребления сложных терминов в информационно-аналитических текстах испанской газеты «El País» выявляет следующую закономерность: наиболее частотны двусоставные термины атрибутивного характера с преобладающей моделью *S + Adj (P.P.P.)*⁴:

deuda externa; ayuda humanitaria; conflicto diplomático.

Значительно менее продуктивным является адъективно-субстантивный тип терминологических двусоставных образований *Adj (P.P.P.) + S*, которые возможно рассматривать как вариант вышеуказанной модели: *alto mando*.

Низкая частотность их употребления, вероятно, связана с ограничениями, налагаемыми испанским языком на использование препозитивных атрибутивных прилагательных и причастий.

Другой моделью двусоставного термина является юкстопозитивная конструкция (субстантивно-субстантивный тип терминологического сочетания) *S + S*: *policía antidisturbio; redactor jefe*.

Довольно часто в эту структуру входят заимствования из других языков. Следует заметить, что использование существительного без предлога в роли определения явление не характерное для испанских текстов данного типа и воспринимается

как искусственно созданные синтаксические кальки с других языков.

Наряду с двухкомпонентными терминами довольно часто употребляются трехкомпонентные терминологические образования. Они, как правило, представлены двумя типами:

1) *S * (a) S* : *voto de confianza; ley de extranjería*

2) *S + Adj (P.P.P.) + Adj (P.P.P.)*: *movimiento islámico moderado*.

Значительно реже встречается вариант этой модели *Adj + S + Adj*: *actual campeón mundial*.

Таким образом, существуют 4 наиболее распространённых типа (базовых моделей) сложных терминов, которые необходимо усвоить студентом для их правильного перевода и употребления:

I. *S + Adj (P.P.P.) / Adj (P.P.P.) + S*

II. *S + S*

III. *S * (a) S*

IV. *S + Adj (P.P.P.) + Adj (P.P.P.) / Adj + S + Adj*

Следует обратить внимание и на более сложные терминологические сочетания, в состав которых входит более трёх элементов. Их анализ показал, что они представляют собой сочетание простых терминов (существительных) с двух- или трёхкомпонентными терминами (базовыми моделями) при помощи предлогов.

4-х компонентные сочетания чаще всего организуются двумя способами:

1) *I * (a) S*: *nueva política de apertura*.

2) *S * I*: *elección por sufragio universal*.

В структуре 5-ти компонентных сочетаний отмечается четыре типа сложения базовых моделей и простых терминов:

1) *I * I* : *elecciones presidenciales por sufragio universal*.

2) *S * IV*: *reducción de los armamentos ofensivos estratégicos*.

3) *III * (a) S*: *índice de los precios al consumo*.

4) *S * III*: *derecho de libertad de prensa*.

6-ти компонентные комбинации сводятся также к четырём типам, но здесь возникают и цепочки их 3-х моделей:

1) *II * III*: *comandante jefe de las fuerzas de defensa*.

2) *IV * I*: *combustible enriquecido susceptible de uso militar*.

3) *S * (a) S * I*: *acuerdo sobre misiles de alcance intermedio*.

4) *I * (a) S * (a) S*: *delito sancionado por la ley con multas*.

Выявленные 7-ми и 8-ми компонентные комбинации также построены на основе базовых моделей, причём количество цепочек и в этом случае не превышает трёх:

*fuerza aérea de reserva de la Guardia Nacional (I * S * I)*

*campeón de la Copa del orbe en los pesos máximos (S * III * I)*.

⁴Сокращения и символы:

S – Sustantivo (существительное)

Adj – Adjetivo (прилагательное)

P.P.P. – Participio Pasado Pasivo (причастие прошедшего времени страдательного залога)

(a) – артикль

* – предлог

Нарастание числа компонентов в терминологических сочетаниях приводит к появлению точных и тонко дифференцированных по смыслу терминов, к сужению терминологического значения от общего к частному:

campeón → campeón de la Copa del orbe → campeón de la Copa del orbe en los pesos máximos.

Вместе с тем усложнение структуры составного термина размывает его границы, создаёт различные варианты его членения, ослабляет его внутренние связи, при этом возникает вероятность его структурного варьирования в процессе функционирования, затрудняется его воспроизводимость, происходит усложнение структуры текста, увеличивается его объём, снижается выразительность языка в целом. Вероятно, эти факторы и накладывают ограничения на дальнейшее компонентное усложнение составных терминов и снижают частотность таких конструкций в информационно-аналитических газетных текстах. В связи с этим, представляется не актуальным тренинг активного использования учащимися сложных терминологических образований, состоящих из 7-ми компонентов и более.

Описанные типы сложных терминологических сочетаний – явление общеязыковое, представляющее собой один из способов реализации лексико-семантического потенциала языка. Их использование в газетном тексте создаёт органическое единство логического и образного начала, столь не-

обходимое для выполнения таких коммуникативных установок информационно-аналитических газетных жанров как доступность и информативность. Задача преподавателя состоит в том, чтобы посредством подбора определённых языковых упражнений и текстов, обладающих нарастающей информативной сложностью, выработать у студентов умения и навыки применения моделей терминологических сочетаний, особенно при устном последовательном или синхронном переводе, не нарушая точность и объём информации.

Список литературы

1. Барлас Л.Г. К изучению сочетаемости слов в газетно-публицистическом стиле/Л.Г. Барлас//Вопросы сочетаемости языковых единиц. -Саратов: Лотос, 1994.-С.46-53.
2. Гудков Н.К. Теория и практика межкультурной коммуникации Н.К. Гудков/-М.: Гнозис, 2003.
3. Одинокова В.И. Соотношение структурных и семантических функций в адъективной модели/В.И. Одинокова/Вестник Харьк.ун-та.-Харьков: Изд-во ХНУ, 1984, №258,-С.78-83.
4. Хованская З.И. Лексическая актуализация/НДВШ. Филол.науки,1983,№1.-С.46-54.
5. Bosque Muñoz, Ignacio. Diccionario combinatorio práctico del español contemporáneo.-Madrid: Rotapapel, 2009.-1305с.
6. Diccionario Ilustrado Océano de la Lengua Española. -Barcelona: Océano, 2008.-1191с.

УДК 81

*Оздоева Эсет Герихановна,
к.ф.н., ИнгГУ, г.Магас
Аушева Эльза Алихановна
к.ф.н., ИнгГУ, г.Магас*

ИНГУШСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА КАК ОБРАЩЕНИЯ

*Ozdоеva Eset Gerikhanovna,
Ph.D., IngSU, Magas
Ausheva Elsa Alikhanovna
Ph.D., IngSU, Magas*

INGUSH PERSONAL NAMES AS APPEALS

Аннотация

В данной статье мы попытались узнать, как ведут себя личные имена в коммуникативных актах. Исследования привели к выводам, что это постоянно движущийся пласт лексики, который, в зависимости от произносимой интонации, может придавать предложениям различные модальные оттенки.

Abstract

In this article, we tried to find out how personal names behave in communicative acts. Studies have led to the conclusion that this is a constantly moving layer of vocabulary, which, depending on the pronounced intonation, can give sentences different modal shades.

Ключевые слова: личные имена; ингушский язык; обращения; заимствования; исконные ингушские имена; ласкательные имена; сокращенные имена.

Keywords: personal names; Ingush language; treatment; borrowing; primordial Ingush names; affectionate names; abbreviated names.

Изучение фактического материала выявило, что при обращении чаще всего используются ономастические наименования, т.е. личные имена. Ономастика - раздел лексикологии, занимающийся изучением личных имен. «Ономастика Ингушетии уникальна по своей содержательности. По этой причине многие ученые затрагивают в своих трудах вопросы ингушской ономастики» [9, с. 154]. Речь идет о таких этнографах и лингвистах как: Далгат Б.К. [3], Крупнов Е.И. [4], Шиллинг Е.М. [13], Семенов Л.П. [11], Харадзе Р.Л. и Робакидзе А.И. [12], Мальсагов З.К. [7], Куркиев А.С. [6] и др. На современном этапе нет специальной докторской или кандидатской диссертации по ингушской ономастике, в связи с чем данная тема считается важной и актуальной.

В нашей статье мы будем рассматривать, как проявляют себя ономастические единицы в коммуникативных актах при обращении. Данные единицы применяются в речевом обиходе для обращения к кому-либо. Системе ингушского языка свойственно использование при обращении одноименных единиц, вне зависимости от того, кто является адресатом (за исключением тех случаев, когда в зависимости от ситуаций коммуникат вынужден обращаться к кому-либо, используя вокативные термины родства. Об этом более подробно см. в монографии «Лексика родства в ингушском языке» [8]). Например, там где в русском языке требуется назвать человека при обращении по имени и отчеству, в ингушском языке отчества не называют из чувства уважения к отцу адресата. Кроме того, существует еще одна причина вышеизложенному факту – это историческая причина, которая заключается в том, что в ингушском обществе все члены считаются равными по сословию. Но важно отметить, что в настоящее время в светских заведениях, таких как вузы (при обращении к преподавателям), больницы (при обращении к врачам), в разных министерствах и ведомствах, из русского языка заимствовано правило обращения по имени и отчеству. При составлении документов это также официально принятая система.

Итак, исторически в ингушском языке принято обращение по личному имени.

В ингушском языке много личных имен, схожих с именами других народов, что связано с взаимопроникновением материальной и духовной культуры народов. Значительное количество современных ингушских имен – это заимствования из арабского и тюркского языков. Много личных имен заимствовано из русского языка.

Исследование ингушских антропонимов позволило распределить их хронологически на четыре группы. В наиболее ранний период, во времена язычества ингушами использовались такие мужские имена как: *Турс, Калой, Пхьош, ПхьаркIаз, Оарци, Хьакха, Борз, Куци, Чаборз, Берд, ГIойтмар, Хурсиг, Сосаркъя, Иналкъя, Лаьча, Сурхо, Терсбот, Хоасбот, Тембот, Довтмарза, Саьлмарза* и др. Анализ показал, что многие исконные ингушские имена: *Оарснакъя, Махъатмарза, Атаби, Шабаз,*

*Шалин, Глаьзи, Оалмаза, Шарруддин, Абали, Оалдам, Глабис, Дика, Ийдиг, Салин, ЧIонар, Элдар, Дошлакъя, Темаркъя, Иналкъя, Сурхо, Наьсар, Сосаркъя, Терсбот, Довтамарза, Саьлмарза, Бийсолта - мужские, Салмат, Миновси, ЙолгIаз, Азинат, Асинат, Зуго, Хьасипат, Вазипат, Жанати, Ахчи, Байсари, Оружи, Зармейха, Эльза, Ловзан, Наси, Жовзан, Кабиха, Балаш, БагIдат, ВахIудат, Золдусхан, Насипхан, Нансат, Долотхан, Дугурхан, Довхан, Банати, Наби, Новдаш, Хамсат, Батази, Басрат НовргIаз - женские, выходят из употребления, встречаясь крайне редко, в основном в классических произведениях литературы. Например: – *Кхетий хьо, Бийсолта? – аьлар Давида «-Ты понимаешь, Бийсолта? – спросил Давид» [10, с. 98]; - Со хургвац цига, Хьакъаьш, - аьлар МаIасас «- Меня там не будет, Хакъаш, - сказал Маас» [Там же, с. 247]. Известно, что в древние времена ингуши часто давали имена в честь животных и птиц, иногда и названий фруктов, рек. Среди них можно отметить сохранившееся до настоящего времени имя Ча-Борз «Медведь-Волк», Лаьча «Сокол», Оалхазар «Птица», Комси «Виноградника», Эса «Асса», Морхаи «Тучи», Буцал «Трава». Например: Чонте Эса! *ЮтIатоха хIама дий хва хьай лоткъама? «Эса, сын Чонта! Есть у тебя что добавить?» [10, с. 352]; -Цогал, аз хьош дола дакъа геттар талхаи доагIа «Цогал, труп, который я несу начинает портиться» [3, с. 15]; -Морхаи, Фуштиг! Оаи фу лелладу? – аьнна цецвоалача хьисапе хьаттар Товбота «-Морхаи, Фуштиг! Зачем вы пришли? – удивленно спросил Товбот» [Там же, с. 20]; - ЛадувгIалахъ, Буцал... «Слушай, Буцал...» [Там же, с. 46]. Следующим этапом является проникновение в ингушскую среду ислама. С принятием мусульманства ингуши отказались от языческих имен и стали чаще использовать мусульманские имена: *Абу, Абдулла, Абдурахман, Мохмад, Ахьмад, Муса, Ийса, Муслим, Дауд, Джабраил, Микаил, Ислам, Адам, ИсмаIал - мужские, Макка, Мадина, Марем, Фирдоус, Фатима, Хьава, Абдулкерим, Жарайдат, Зубайдат – женские. С середины двадцатого века до 90-х годов массово использовались заимствованные из русского языка имена: Марина, Зарема, Венера, Роза, Борис, Лида, Руслан, Лиза, Анжела, Артур. С конца двадцатого века превалируют восточные имена: Ясмина, Салима, Самира, Алима, Рабия, Самир, Салим, Мухамад, Азамат, Сафия, Рашид, Амалия и др.****

Таким образом, мы выявили, что система личных имен в ингушском языке находится в постоянной динамике.

Характерно для ингушского языка и использование уменьшительно-ласкательной и сокращенной формы имени. Данные формы выражают близкое, дружеское, более теплое отношение к адресату: – *А-а-а, Р-русик (от Руслан), хьо ва из? «А, Р-русик, это ты?» [10, с. 363]; - Со-м яхай, Маци (от МаIас) балха, - аьлар Зухърас «Я устроилась на работу, Маци, - сказала Зухра» [Там же, с. 246]; - Жаби (от Жабраил)! Хьога кхайкаш цъха къонах ва коанаIарга, бе йоаллаш топ а йолаш «Жаби! Во*

дворе тебя зовет мужчина с ружьем» [Там же, с. 255].

Одной из специфичных форм обращений в ингушском языке является обращение к собеседнику по имени-отчеству. Данная форма в ингушский язык проникла из русского языка и в настоящее время стала маркером официально-делового обращения, например: *инг. -Александр Иванович, - инарала цли а даь цли а яьккхар Сазоновс, - цу операция баха мугларера салтий... «-Александр Иванович, - Сазонов назвал генерала по имени и отчеству, - рядовые солдаты пошли на эту операцию...»* [10, с.12]. Обращения просто по фамилии в ингушском языке приняты только в школах и вузах. В других сферах общения не принято обращаться просто по фамилии.

Личные имена в обращениях являются иногда выразителями различных модальных оттенков. Показывают **просьбу**: - *Длакьовлал хьай из, ва Сацита!* – *йистхилар цунна дехьа шода тIа ког а оттабаь латта кьона, хога кхалсаг* «Закрой же ты ее, Сацита! – заговорила молодая красивая женщина, которая стояла рядом, поставив ногу на вилы» [1, с. 10]; **упрек**: *Аьь, Йисита, хьай даьллахь, са моттиг дIалоацаргьяр Iа?.. Сога-м меттадацар... «Ой, Йисита, ты бы заняла мое место?.. Я и не думаю...»* [Там же, с. 16]; **предупреждение об опасности**: *Сацита, юхаоза!* – *аьнна кулг хьальгайдир Жабе* «Сацита, замолчи! – поднял руку Жаби» [Там же, с. 5]; **радость, восхищение, восторг**: -*Ай ва Сацита, доккха дикахетар ма дий сога хиннар, - аьлар Iуме гIозьяьннача оазаца «Ай, Сацита, ты меня так обрадовала, - сказал Уми радостным голосом»* [Там же, с.26]; **удивление**: - *Ой, Бьтарбик, селхан-м гIадваха ма вариь хьо, аьлар цецваьннача Рашида* «Ой, Батарбек, а вчера ты был такой радостный, спросил удивленный Рашид» [Там же, с. 8]; **недовольство, возмущение**: - *Яьй! Сацита! Цу кьамаьла кхайкавац со шуга!* – *тIачайхар Жаби «Эй, Сацита! Я не за этим вас позвал! – проговорил Жаби»* [Там же, с.16]; **страх, испуг**: - *О, Iуми, цкьа уж парткоманакьан тIабийрзача хий Iа!* – *хьачухезар Рашида заведуща оаз. Цар отта а яь шоай решениш директора дIалургьа, тIаккха... «О, Уми, если парткомовцы один раз сядут на хвост! – услышал Рашид голос заведующего. Они свое решение передадут директору, тогда...»* [Там же, с. 12].

В предложении личные имена при обращении могут занимать любую позицию: стоять в середине, быть в препозиции и в постпозиции: -*Йисита, мас-сехк бутт ба Iа ух са ферме болх бу. Иштта дий из?* «Йисита, уже несколько месяцев, как ты работаешь здесь? Не правда ли?» [1, с. 23]; *Со, Мохьмад, тахан мукьа вац «Я, Магамед, сегодня занят»* (пример авторов статьи – Э.О., Э.А.); *Со вессав, Йисита!* «Я спустился, Йисита!» [1, с. 46].

Если в обращении ответ не ожидается, но очень хотят его получить, личное имя еще раз повторяется вместе с вводным словом «ва»: *Хьава, ва Хьава!*

Конечно, в одной статье невозможно отразить все богатство и разнообразие ингушской ономастики, эта тема нуждается в дальнейшем исследовании. В рамках же данной статьи мы пришли к следующим выводам: 1) при обращении, в ингушском языке, используется только имя, в отличие от русского языка, где форма вежливого обращения проясляется именно в использовании имени и отчества. В ингушском языке фамилия имя и отчество используются только при составлении официально-деловых документов; 2) система личных имен в ингушском языке находится в постоянной динамике; 3) в зависимости от произносимой интонации, личные имена могут быть выразителями модальных оттенков.

Список литературы:

1. Боков А.Х. Когда расстаются зима и весна. Роман, повесть, комедия, рассказы. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1984. – 408 с.
2. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. -М.: Наука, 2004. -240 с.
3. Дахкильгов И.А. Родина: роман, рассказы. – Магас: Издательство «Сердало», 2012. – 312 с.
4. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Изд-е 2-е. Магас: Сердало, 2008. 256 с.
5. Киева З.Х., Султыгова М.М. Современный ингушский язык: Лексикология и фразеология. - Магас: ООО «Кеп», 2017. – 234 с.
6. Куркиев А.С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. -Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1979. -254 с.
7. Мальсагов З.К. Грамматика ингушского языка. Изд-е 2-е. -Грозный, 1963. -158 с.
8. Оздоева Э.Г. Лексика родства в ингушском языке. Автореф. ... канд. филол. наук. -Нальчик, 2007. -24 с.
9. Оздоева Э.Г. Изучение ономастики в ингушском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №3 (57): в 2-х ч. Ч.1. с. 154-156.
10. Плиев М.-С. Сыновья клятвы. Повести и рассказы. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1987. -368 с.
11. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. -Грозный, 1963. -139 с.
12. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. -Тбилиси: Мецниереба, 1968. Т.2. Очерки этнографии горной Ингушетии. -С.12-40.
13. Шиллинг Е.М. Культ Тушоли ингушей // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. -Орджоникидзе-Грозный, 1935. Т.4. Вып. 2. -С. 98-115.

Шигуров В.В.

*Заведующий кафедрой русского языка, доктор филологических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева*

ОПЫТ ИСЧИСЛЕНИЯ ИНДЕКСОВ МОДАЛИЦИИ ГИБРИДНЫХ, ГЛАГОЛЬНО-МОДАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Shigurov V.V.

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«N.P.Ogarev Mordovia State National Research University»*

EXPERIENCE OF CALCULATING HYBRID, VOLUME-MODAL STRUCTURES MODELING INDICES

Аннотация

Цель работы – индексирование степеней соответствия гибридных, глагольно-модальных образований ядерным представителям финитных глаголов, с одной стороны, и ядерным представителям вводно-модальных слов и выражений – с другой. Выявлена комбинаторика и пропорция их дифференциальных признаков в структуре гибрида «говорят». Для объективации результатов исследования используется методика оппозиционного анализа с графической экспликацией стадий модалации глаголов на шкале переходности и прием индексации.

Abstract

The purpose of the work is to index the degree of correspondence of hybrid, verb-modal formations to nuclear representatives of finite verbs, on the one hand, and nuclear representatives of introductory modal words and expressions, on the other. The combinatorics and the proportion of their differential features in the structure of the hybrid “speak” are revealed. To objectify the results of the study, an opposition analysis technique is used with graphical explication of the stages of verb modulation on the transitional scale and indexation technique.

Ключевые слова: русский язык, грамматика, транспозиция, модалация, глагол, вводно-модальная единица, ступень, индекс.

Key words: Russian language, grammar, transposition, modulation, verb, introductory modal unit, step, index.

Исследование проблем транспозиции, или – в иной терминологической системе – трансляции, конверсии, деривации, трансформации, в грамматическом строе языка является одним из важнейших направлений в современной лингвистике. Особая роль отводится многоступенчатым транспозиционным преобразованиям языковых единиц в сфере частей речи и межчастеречных разрядов предикативов и вводно-модальных единиц (ср., напр.: [1–6; 8–12; 15; 17–19; 22–26]). Использование методов оппозиционного анализа и индексации позволяет минимизировать фактор субъективизма в определении этапов (стадий) транспозиции языковых единиц разной категориальной принадлежности в семантико-синтаксический разряд вводно-модальных компонентов высказывания [16; 20; 21]. А. Е. Кибрик справедливо указывает на важность «решительного рывка в плане математизации лингвистики», последствия которого еще не до конца многими осознаны. «Изменения в самом лингвистическом мышлении, – пишет автор, – только-только начинаются и затронут... основательно лингвистике XXI века» [7, с. 95].

Математическая обработка грамматически противоречивого материала позволяет установить пропорцию дифференциальных признаков глаголов и вводно-модальных слов и выражений в струк-

туре словоформ, подвергающихся ступенчатой модалации. Для каждой синкреты, представляющей в типовых контекстах те или иные звенья шкалы переходности, может быть вычислены индексы модалации по определенной формуле соответствия (x равен a , деленное на a плюс v). В указанной формуле a обозначает сумму эквивалентных признаков в сопоставляемых явлениях, а v – сумму различающих их признаков; x эксплицирует числовой показатель (индекс) соответствия (сходства и различия) анализируемой синкретичной словоформы прототипическим представителям исходного и конечного звеньев межкатегориальной транспозиции.

Одной из проблем в процедуре подсчета индексов является определение самого набора признаков-критериев у категориально перерождающихся языковых единиц, которые должны быть положены в основу исчисления степеней сходства и различия между синкретами и прототипическими представителями взаимодействующих друг с другом финитных форм глаголов и вводно-модальных единиц. Кроме того, сами эти признаки явно неоднородны. И.И. Ревзин справедливо замечает, что части речи – это не классы **A, B, C...N**, характеризующиеся признаками **a, b, c... n**, а классы, совмещающие комплекс признаков, часто гетерогенных: **A** ($a, b, c, d, k...$), **B** ($d, a, f, t, c, v...$) (см. [14, с. 77–

133]). В связи с этим выводы о степени соответствия синкреты, представляющей какую-либо стадию модалации, ядерным представителям исходного и конечного пунктов транспозиции не могут считаться абсолютно точными. Введение в процедуру индексации новых критериев или более дробная экспликация прежних, связанных, например, с учетом разных режимов интерпретации грамматических категорий глаголов, подвергающихся модалации [13, с. 498–514], приведет, возможно, к несколько иным результатам. Однако вряд ли изменится общая картина взаимодействия частей речи и межчастеречных семантико-синтаксических разрядов (предикативы и вводно-модальные единицы) в структуре словоформ на разных стадиях их транспозиции в разряд вводно-модальных единиц.

Функциональная модалация финитных форм глагола типа *говорят* в русском языке имеет ступенчатую природу. Ее манифестирует ряд типовых синтаксических структур, фиксирующих определенные ступени на шкале переходности: 1) **А / Г(лаг)** (ступень ядра финитных глаголов: *Синоптики говорят о скором улучшении погоды*) --> 2) **Аб / Г(лаг) м(од)** (ступень периферии финитных глаголов: *Синоптики говорят, что погода скоро улучшится*) --> 3) **аб / г(лаг) м(од)** (ступень гибридных, глагольно-модальных образований: *Синоптики говорят: погода скоро улучшится*) --> 4) **аБ / г(лаг) М(од)** [ступень периферии отглагольных вводно-модальных слов и выражений: *Погода, говорят (синоптики), скоро улучшится*].

В дальнейшем мы сосредоточим внимание на зоне гибридности [**аб / г(лаг) м(од)**], которую отражают два типа контекстов с отсутствующим дополнением; им соответствуют две подступени: **аб 1 / г(лаг) м(од) 1** и **аб 2 / г(лаг) м(од) 2**:

(1) Типовые контексты, манифестирующие подступень **аб 1 / г(лаг) м(од) 1** на шкале переходности, представляют собой бессоюзные сложные предложения с пояснительными отношениями между предикативными частями. Гибрид *говорят* используется в таких контекстах препозитивно в качестве предиката первой неполной двусоставной предикативной части бессоюзного сложного предложения, отделяемой от второй предикативной части знаком «двоеточие». Первая предикативная часть бессоюзной сложной конструкции демонстрирует модусную рамку (гибрид *говорят*), в которой субъект модуса оценивает достоверность сообщаемого (во второй предикативной части) путем отсылки к его источнику:

(1) (а) *Синоптики говорят: погода скоро улучшится*;

(б) *Сегодня все чаще говорят: необходимы альтернативные источники энергии*.

В примерах (1а,б) синтаксически незамещенная позиция дополнения в первой неполной части бессоюзного сложного предложения восполняется целой предикативной единицей: ... *погода скоро улучшится*.

(2) Типовые контексты, представляющие подступень **аб 2 / г(лаг) м(од) 2** на шкале переходности, демонстрируют конструкции переходного

типа: они совмещают признаки бессоюзных сложных предложений и простых предложений, осложненных обособленными вводно-модальными компонентами. Гибрид *говорят*, как и в предыдущем случае, употребляется препозитивно со значением оценки достоверности сообщаемого путем отсылки к источнику информации; между двумя предикативными частями используется разделительный знак «запятая». Синтаксически сферы модуса и диктума отделены друг от друга:

(2) (а) *Синоптики говорят, погода скоро улучшится*;

(б) *Сегодня все чаще говорят, необходимы альтернативные источники энергии*.

Особенность типовых контекстов употребления рассматриваемых гибридов, отличающая их от контекстов, которые демонстрируют периферийный финитный глагол *говорят*, состоит в том, что в конструкциях с гибридными формами нет формального средства связи первой предикативной части со второй, т.е. местоименного коррелята и союза «что»; ср.: ... *говорят о том, что*...

Индекс модалации гибридных глагольно-модальных структур, эксплицирующих подступени **аб 1 / г(лаг) м(од) 1** и **аб 2 / г(лаг) м(од) 2** на шкале переходности, содержит два показателя: x_1 , x_2 . Они указывают на пропорцию дифференциальных признаков ядерных, прототипических глаголов и ядерных, прототипических вводно-модальных единиц в структуре исследуемых образований.

Учитывая, что синтаксические условия реализации этих двух типов гибридов неодинаковы, необходимо отдельно просчитывать индексы соответствия их дифференциальных признаков признакам ядерных представителей исходного и конечного пунктов межкатегориальной транспозиции.

Остановимся на индексации степеней модалации гибрида *говорят*, эксплицирующего подступень **аб 1 / г(лаг) м(од) 1** на шкале переходности.

Дифференциальные признаки, сближающие глагольно-модальную структуру *говорят* [*Синоптики говорят: погода скоро улучшится*: **аб 1 / г(лаг) м(од) 1**] с ядерным финитным глаголом (*говорят*) [*Синоптики говорят о скором улучшении погоды*: **А / Г(лаг)**], таковы: а) предикативная (финитная) форма репрезентации глагольной лексемы (*говорить*); 1 балл; б) лексическое значение глагола (1 балл); в) общеграмматическое значение действия (вопрос: *Что делают?*); 1 балл; г) принадлежность к акциональному лексико-грамматическому разряду (эволютивно-результативный способ действия) (1 балл); д) принадлежность к 4-му продуктивному морфологическому классу (1 балл); е) отнесенность к подклассу переходных глаголов (1 балл); ж) наличие грамматической категории вида (в форме НСВ; ср. видовую корреляцию: *Синоптики говорят / скажут о...* / *Синоптики говорят / скажут*: ...; 2 балла); з) наличие грамматической категории залога [с противопоставленной в ядерном глаголе (*говорят / говорятся*) и фиксированной в гибриде формой действительного залога (*Синоптики говорят*: ...): 1 балл]; и) наличие грамматиче-

ской категории наклонения [с противопоставленной в ядерном глаголе и гибриде формой индикатива; ср. противопоставление форм индикатива (*говорят, будут говорить, говорили*); конъюнктива (*говорили бы*); императива (*пусть говорят, пусть будут говорить*); 3 балла]; й) наличие грамматической категории абсолютного времени [с противопоставленной в ядерном глаголе и гибриде формой настоящего времени; ср. противопоставление форм настоящего (*говорят*), прошедшего (*говорили*) и будущего времени (*будут говорить*); 3 балла]; к) наличие грамматической категории лица [с противопоставленной в ядерном глаголе (ср.: *говорю, говорим / говоришь, говорите / говорит, говорят*) и фиксированной в гибриде формой 3-го лица (*говорят, будут говорить*); 1 балл]; л) наличие грамматической категории числа (с противопоставленной в ядерном глаголе (ср.: *говорю / говорим*) и фиксированной в гибриде формой множественного числа (*Синоптики говорят...*); 1 балл]; м) наличие парадигмы; ср., например, оппозицию форм категории времени у ядерного глагола и гибрида: *говорят / говорили / будут говорить* (1 балл); н) наличие грамматических морфем (суффикс, флексия), передающих категории и общеграмматическое значение глагола (1 балл); о) морфемная структура: членность / нечленность основы на морфы; ср. членимый характер основы у ядерного глагола и гибрида: (*Синоптики говор-ят / говор-и-л-и* (о...); (*Синоптики говор-ят / говор-и-л-и* (:...)) (1 балл); п) синтаксическая функция предиката двусоставного предложения или главного члена односоставного (неопределенно-личного) предложения; ср.: *Синоптики говорят о скором улучшении погоды; Сегодня все чаще говорят о необходимости альтернативных источников энергии [А / Г(лаг)] и Синоптики говорят: погода скоро улучшится; Сегодня все чаще говорят: необходимы альтернативные источники энергии [аб 1 / г(лаг) м(од) 1]* (1 балл); р) наличие (в двусоставном предложении) / отсутствие (в односоставном неопределенно-личном предложении) координации как способа предикативной подчинительной связи ядерного глагола и гибрида с подлежащим [ср.: *Синоптики говорят о скором улучшении погоды --> Синоптики говорят: погода скоро улучшится / Сегодня все чаще говорят о необходимости альтернативных источников энергии --> Сегодня все чаще говорят: необходимы альтернативные источники энергии*]; 1 балл]; с) наличие присловной подчинительной связи с зависимыми словами (примыкание, падежное примыкание; напр.: *Сегодня синоптики по радио уже говорят о скором улучшении погоды; Сегодня все чаще на телевидении говорят о необходимости альтернативных источников энергии [А / Г(лаг)] и Сегодня синоптики по радио уже говорят: погода скоро улучшится; Сегодня все чаще на телевидении говорят: необходимы альтернативные источники энергии [Аб / Г(лаг) м(од)]*; 2 балла]; т) сочетаемость с объектным и обстоятельственным распространителями, в том числе детерминантного типа; ср.: *Нам синоптики уже говорят о скором*

улучшении погоды / Нам синоптики уже говорят: погода скоро улучшится (2 балла); у) использование в двусоставном или односоставном (неопределенно-личном) предложении (1 балл). В целом с ядром глаголов гибрида *говорят* сближают 27 признаков, что соответствует в процедуре индексации 27 баллам.

Отграничивают глагольно-модальную структуру *говорят* (на подступени гибридности **аб 1 / г(лаг) м(од) 1**) от ядерного финитного глагола (*говорят*) такие признаки, как а) фиксированный тип употребления формы действительного залога (нет формы страдательного залога; 1 балл); б) фиксированный тип употребления формы 3-го лица (нет форм 1-го и 2-го лица; 2 балла); в) фиксированный тип употребления формы множ. числа (нет формы ед. числа; 1 балл); г) отсутствие категории рода (вызванное фиксированным употреблением формы множ. числа гибрида); ср. противопоставление форм категории рода в ядерном глаголе: *говорил / говорила / говорило*; 3 балла]; д) меньшее количество форм в комплексной парадигме (за счет отсутствия словоизменительной категории рода и наличия фиксированного употребления форм словоизменительных категорий залога, лица, числа); 1 балл]; и) употребление в первой предикативной части бессоюзного сложного предложения, имеющей признаки неполного двусоставного или односоставного (неопределенно-личного) предложения с синтаксически незамещенной позицией дополнения и формально-грамматически не связанной при помощи местоименного коррелята и союза (*что*) с последующей предикативной частью бессоюзного сложного предложения, эксплицирующего пояснительные отношения между частями (знак препинания – двоеточие); 1 балл (ср. периферийный финитный глагол: *Говорят о том, что...*); й) употребление с меньшим количеством распространителей или вообще абсолютивно, т.е. без присловных и предложеческих связей с каким-либо объектными и обстоятельственными компонентами, в том числе с детерминантами; ср.: *Говорят: погода скоро улучшится* (2 балла) [Позиция дополнения (объект), не замещенная в первой части бессоюзной сложной конструкции, восполняется синтаксически, во второй предикативной части; ср.: *Синоптики говорят о скором улучшении погоды* и *Синоптики говорят: погода скоро улучшится*].

В целом отличие гибрида (*говорят*) от ядерного финитного глагола (*говорят*) оценивается в 11 баллов.

Как и периферийному финитному глаголу (*говорят*), гибриду *говорят* присуща ущербная парадигматика: формы ряда его категорий, сохраняющие грамматические значения, имеют жестко фиксированный тип употребления. Прослеживается тенденция к его употреблению в абсолютивной позиции и / или с минимальным количеством зависимых слов в первой неполной предикативной части бессоюзного сложного предложения с пояснительными отношениями.

Первый индекс модалации (x_1) указывает на степень соответствия дифференциальных признаков гибрида (*говорят*) [на подступени **аб 1 / г(лаг) м(од) 1**] дифференциальным признакам ядерного глагола (*говорят*). Он устанавливается по следующей схеме:

$$x_1 [\text{говорят:... аб 1 / г(лаг) м(од) 1}] = \frac{27}{27 + 11} = \frac{27}{38} \approx 0,72 (72\%)$$

Второй индекс функциональной модалации гибрида *говорят* (x_2) указывает на степень соответствия его дифференциальных признаков соответствующим признакам ядерных вводно-модальных единиц вроде *пожалуй, кажись*, сформировавшихся вследствие функционально-семантического типа модалации финитных глаголов в форме повелительного наклонения (*Не надо прятаться, кажись всем --> Он, кажись, уже уехал*).

К общим с ядерными вводно-модальными словами и выражениями типа *кажись* [ступень **Б / М(од)**] у глагольно-модального образования *говорят* [подступень зоны гибридности **аб 1 / г(лаг) м(од) 1**] относятся такие характеристики, как а) категориальное субъективно-модальное (прагматическое) значение [гибрид *говорят*: «оценка субъектом модуса достоверности информации путем отсылки к ее источнику»; ядерный отглагольный модалит *пожалуй*: «предположение»] (1 балл); б) употребление в предложении, в котором модусная рамка (в данном случае – гибриды *говорят*) и пропозиция (оцениваемое субъектом модуса сообщение) в синтаксическом плане отделены друг от друга; оценка говорящим передаваемой информации (пропозиции) с точки зрения ее достоверности и авторизации выражается гибридом в первой неполной предикативной части бессоюзной сложной конструкции (*говорят*: ... – модус); само же оцениваемое положение дел представлено во второй предикативной части, поясняющей в содержательном плане первую (... *погода скоро улучшится* – диктум); для сравнения отметим также деление на модус и диктум простых предложений, осложненных обособленными конструкциями с периферийной вводно-модальной единицей *говорят* [*Погода, говорят синоптики, скоро улучшится*] и ядерным вводно-модальным словом *кажись*, употребляющимся в качестве лексико-грамматического омонима глагольного императива *кажись* [*Я его, кажись, встречал где-то*] (1 балл). Всего у гибрида *говорят*, эксплицирующего на шкале переходности подступень [**аб 1 / г(лаг) м(од) 1**] в зоне гибридных глагольно-модальных структур, и ядерного отглагольного модалита типа *кажись* два общих дифференциальных признака, что соответствует 2 баллам в процедуре индексации.

Дифференциальные признаки ядерных вводно-модальных единиц глагольного происхождения (*пожалуй, кажись* и т.п.), отсутствующие у гибрида (*говорят*: ...), таковы: а) омонимичное лексическое значение, сформировавшееся за пределами семантической зоны исходного глагольного слова [ср.: *Синоптики говорят: погода скоро улучшится / Сегодня все чаще говорят: необходимы*

альтернативные источники энергии (гибрид, употребляющийся с лексическим значением глагола *говорить*) и *Кажись, дождя не будет* (отглагольное ядерное вводно-модальное слово, нарушающее смысловое тождество исходной глагольной лексемы *казаться*); 2 балла]; б) отсутствие парадигмы, т.е. изменяемости по каким-либо категориям (1 балл); в) синтаксическая обособленность; 1 балл; г) отсутствие способности к употреблению в функции предиката первой предикативной части бессоюзного сложного предложения; 1 балл; д) факультативный характер препозитивного употребления по отношению к оцениваемой субъектом модуса ситуации (пропозиции); (ср. гибриды: *Синоптики говорят: погода скоро улучшится* и ядерный отглагольный модалит: *Пожалуй, дождя не будет / Дождя, пожалуй, не будет / Дождя не будет, пожалуй*); 1 балл; е) затемненная морфемная структура ядерного отглагольного модалита, вызванная процессом неполного опрощения (ср.: *пожалуй* и *говорят*: ...); 1 балл; ж) функция вводности, сопровождаемая особым интонационным оформлением фразы (ускорение темпа речи, понижение тона голоса); 1 балл; з) интродукция (включение) как особый способ предложенческой связи вводно-модальной единицы с остальной частью высказывания; 1 балл.

В целом отличие ядерного отглагольного модалита (*пожалуй*) от гибрида (*говорят*) оценивается в 9 баллов.

Учитывая вышеизложенное, степень соответствия (сходства и различия) дифференциальных признаков гибрида *говорят* [подступень **аб 1 / г(лаг) м(од) 1**] дифференциальным признакам ядерных отглагольных модалитов (*пожалуй* и т.п.) устанавливаем по формуле:

$$x_2 [\text{говорят:... аб 1 / г(лаг) м(од) 1}] = \frac{2}{2 + 9} = \frac{2}{11} \approx 0,18 (18\%)$$

Произведенные подсчеты свидетельствуют о том, что дифференциальные признаки гибрида *говорят*, эксплицирующего в бессоюзном сложном предложении зону промежуточных, глагольно-модальных структур [подступень **аб 1 / г(лаг) м(од) 1** на шкале переходности], на 72 % соответствуют дифференциальным признакам исходного ядерного глагола *говорят* и на 18 % – признакам ядерных отглагольных вводно-модальных единиц.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00013.

Список литературы

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Баудер А.Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин: Валгус, 1982. 184 с.
4. Воротников Ю.Л. Степени качества в современном русском языке. М.: Азбуковник, 1999. 281 с.

5. Воротников Ю.Л. Местоимения как языковые катализаторы // Филологические науки. 2001. № 5. С. 42–49.
6. Калечиц Е.П. Взаимодействие слов в системе частей речи: (межкатегориальные связи). Свердловск: Изд-во Урал ун-та, 1990. 160 с.
7. Кибрик А. Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 5. С. 93–103.
8. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент: Изд-во «Фан», 1978. 228 с.
9. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–71.
10. Лукин М.Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке. Донецк: Изд-во Донецк. ун-та, 1973. 100 с.
11. Лукин М.Ф. Критерии перехода частей речи в современном русском языке // Филологические науки. 1986. № 3. С. 49–56.
12. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности. Бельцы, 1971. 199 с.
13. Падучева Е.В. Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации // Вереница литер: к 60-летию В.М. Живова / отв. ред. А.М. Молдован. М., 2006. С. 498–514.
14. Ревзин И. П. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. – М.: Наука, 1977. – 263 с.
15. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
16. Чеснокова Л.Д. Порядковые числительные в аспекте теории синкретизма // Переходность и синкретизм в языке и речи: Межвуз. сб. науч. тр. М.: Изд-во «Прометей» / МПГУ им. В.И. Ленина, 1991. С. 44–54.
17. Шигуров В.В. Функциональная транспозиция пространственных наречий в императивно-эмотивные междометия (на материале образований *вон, прочь, долой*) // Филологические науки. 2006. № 3. С. 51–62.
18. Шигуров В.В. Наречные слова-команды в контексте интеръективации и вербализации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 4. С. 23–34.
19. Шигуров В.В. Механизм предикативации языковых единиц в русском языке: грамматика и семантика // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. 2011. № 4. С. 143–146.
20. Шигуров В.В. Индексы предикативации отадъективных гибридов на *-о* в контекстах типа *Это весело – кататься с горки* // Вестник гуманитарного научного образования. 2012. № 9 (23). С. 4–6.
21. Шигуров В.В. Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: Теория транспозиционной грамматики русского языка. М.: Наука, 2016. 702 с.
22. Marchand H. Expansion, transposition and derivation // La Linguistique. 1967. Т. 3. № 1. Pp. 13–26.
23. Elsen Hilke. Grundzüge der Morphologie des Deutschen. Berlin / Boston. 2011. 326 p.
24. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf *-isch* im heutigen Deutsch. Tübingen. 1982. 241 p.
25. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. 155 p.
26. Shigurov V.V., Shigurova T.A. Core Modals Zone Correlative with Short Adjectives and Predicates in the Russian Language // Man In India. 2017. Т. 97. № 25. Pp. 177–191.

УДК 80

Черкасова Марина Николаевна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки»
Ростовского государственного университета путей сообщения*

ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Cherkasova Marina Nikolaevna

*candidat of philological sciences, As. Professor (docent) of the foreign languages
department of Rostov State Transport University*

FOREIGN LANGUAGE IN PROFESSIONAL COMMUNICATION: SEMANTIC INTERACTION OF RUSSIAN AND ENGLISH

Аннотация:

В статье рассматриваются современные наименования профессий, частично или полностью неассимилированные в русском языке, собранные на различных медийных платформах. Выделены группы номинаций, критерием которых является семантическая прозрачность (непрозрачная семантизация): 1) неассимилированные (андеррайтер, asset management controller); 2) ассимилированные в результате тиражируемости на различных медиаплатформах: аутсорсинг, арт-директор; 3) семантическая ассимиляция всей номинации затруднена несмотря на ассимилированность отдельных иностранных слов, включенных в их наименование: бренд-менеджер, ИТ-директор.

Abstract:

The article deals with the nomination of modern occupations assimilated with different extent. Three groups of these nominations are: 1) non-assimilated (*андеррайтер*, *asset management controller*); 2) assimilated due to mass-media (*аутсорсинг*, *арт-директор*); 3) semantic assimilation is difficult because of separate foreign words (*бренд-менеджер*, *ИТ-директор*).

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, номинация, ассимиляция, иностранные слова.
Key words: professional communication, nomination, assimilation, foreign words.

Профессиональная коммуникация является базой для эффективного взаимодействия определенных профессиональных сообществ в рамках различных профессиональных дискурсов, понимаемых как «общение специалистов между собой или с теми, кто к ним обращается для получения консультации либо профессиональной помощи» [1, с. 145]. Е.И. Голованова основными характерными чертами профессиональной коммуникации считает контролируемое взаимодействие субъектов профессиональной деятельности в рамках определенных норм, стереотипов и мышления, надситуативные цели, общность знаний, восприятие коммуникантов, стереотипность языковой ситуации [2, с.32-33].

Материалом для исследования послужили современные наименования профессий, частично или полностью неассимилированные в русском языке, собранные на различных медийных платформах.

Обмен информацией в современном высокотехнологичном и медиатизированном обществе характеризуется высокой частотностью и непрерывной трансляцией слов иностранного происхождения, в частности, из английского языка [3, 4, 7]. Исходя из заявленной темы и формата коммуникации (профессиональное общение), отметим, что при современном взаимодействии русского и английского языков, речь идет, на наш взгляд, о так называемой «семантической непрозрачности» или «непрозрачной семантизации» единиц из английского языка.

В процессе межкультурной коммуникации происходит неизбежное столкновение с проблемой семантизации того или иного знака: это может быть слово, аббревиатура, иллюстрация, жест, сигнал, графическое обозначение (WWF – всемирный фонд природы; HR – специалист по кадрам или по управлению персоналом).

Например, анализ сайта Executive Международное сообщество менеджеров <http://www.executive.ru/career/trades/> (на русском языке) показал наличие в справочнике профессий номинаций на английском языке. Отметим довольно-таки высокую частотность таких иноязычных включений, которые можно расклассифицировать на 3 группы по степени семантической ассимилированности / неассимилированности в русском языке с точки зрения обычного дискурса:

1) неассимилированные: *андеррайтер* (специалист в области страхования и финансов), *asset management controller* (специалист-аналитик в области финансов авиационной и оборонной промышленности), *compensation benefits manager* (ру-

ководитель в сфере работы с персоналом), *IT- консалтинг*, *R&D*, *event manager* (менеджер по корпоративным мероприятиям), *GUI-специалист*, *knowledge manager*, *Master Data manager* (руководитель в области информационных технологий), *Portfolio Manager* (специалист на фондовом рынке, в инвестиционных и управляющих компаниях, в области финансов), *Value Added Reseller Account Manager* (менеджер по работе с партнерами), *Top HR Executive* (руководитель в сфере работы с персоналом), *Presale*, *Researcher*, *директор по R&D*;

2) ассимилированные в результате тиражируемости на различных медиаплатформах: *аутсорсинг*, *арт-директор*, *брокер*, *ИТ-директор*, *PR-менеджер*, *рекрутер* (специалист по подбору персонала), *клининг*; *клининговая компания*;

3) семантическая ассимиляция всей номинации затруднена несмотря на ассимилированность отдельных иностранных слов, включенных в их наименование: *бренд-менеджер*, *ИТ-директор*, *бэк-офис*, *контент-директор*.

Таким образом, в русский информационный дискурс на полных правах включены нерусские по происхождению языковые знаки (как в русской, так и в английской орфографической традиции): с одной стороны, это совершенно понятные и семантически прозрачные с точки зрения специалиста-профессионала в определенной области и, с другой, семантически непрозрачные для человека 1) не владеющего английским языком, а 2) если и владеющего, то эти единицы непрозрачны для него в результате незнания специфического профессионального дискурса, чему способствует и аббревиация, например: *R&D*, *GUI*.

Такие единицы все стремительнее и увереннее входят в русский язык, адаптируясь к фонетической, лексической, грамматической и даже стилистической системе русского языка.

Происходит, с одной стороны, дифференциация профессионального и обывательского дискурсов [6], а с другой, речь о диффузности дискурсов.

Излюбленный пример рекламодателей, газетчиков – графическое выделение того или иного сегмента слова (буквы, словосочетания). Причем это выделение может быть шрифтовое (жирный шрифт, курсив, готический шрифт и т.д.), капитализация (прописная буква), иноязычная графика: *meНеджеR* по персоналу, HR-Лига, HR-форум, IT-директор, WEB-дизайнер, web-программист, HTML-верстальщик, *head-hunter* (дословно: охотник за головами) – специалист, который занимается вербовкой (переманиванием) профессионалов).

Появляются не только новые названия для старых профессий, но и целые фирмы и компании вместо устаревших «биржа труда», «агентство по трудоустройству». Например: *рекрутинговое агентство, хантинговая компания* (компания, занимающаяся переманиванием и устройством на работу специалистов высокого звена из компании конкурентов). Процесс такого стремительного и уверенного вхождения в язык «иноязычных агресоров», номинирующих профессиональную деятельность нередко становится предметом высмеивания в СМИ: *Летопись становления капитализма в России: 1991 г. Требуется продавец. 3/п 3500. 1996 г. Требуется реализатор. 3/п 3200. 2001 г. Требуется менеджер по реализации. 3/п 2300. 2006 г. Требуется менеджер-оператор по инжинирингу и селингу оптово-розничных скрининговых контрактов с фактическим сроком исполнения. 3/п сдельная.* (Из газеты «Комсомольская правда» (январь, 2006 г.), рубрика «Анекдоты»).

Мы затронули лишь малую часть заимствованной и продолжающей пополняться лексики русского языка. При анализе процесса семантизации номинаций профессиональной деятельности мы можем говорить о такой функции анализируемых единиц, как создание профессионального субпространства, в котором иностранные номинации профессиональной деятельности выступают маркерами и сигналами для своих профессионалов, в результате чего происходит «профессиональная» тонировка дискурса. Речь идет о специфическом языковом коде, формируемом в результате профессиональной компетенции [5]: профессионал профессионала понимает, а если человек не знает, кто такой *HTML верстальщик, head-hunter, андеррайтер, compensation benefits manager, event manager, GUI-специалист, R&D*, то он, соответственно, и не владеет навыками вышеназванных профессий и не

понимает даже сущности вышеуказанной деятельности, а значит профнепригоден.

Иностранный язык в современной профессиональной коммуникации информационного общества является маркером определенной профессионально осмысленной предметной сферы и необходимым инструментом профессионального общения.

Список литературы

1. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер.2, Языкознание – 2009. - №1(9). - С. 145-149.
2. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского гос. ун-та. - 2013. - № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. - С.32-35.
3. Захватаева К.С. Заимствование как аспект неогенеза. Научная мысль Кавказа. - 2011. - № 1(65). - С.118-123.
4. Изюмская С.С. К вопросу о соотношении понятий «речевая агрессия» и «англицизмы» в современном русском языке (на материале текстов СМИ) // Культура. Наука. Интеграция. - 2013. - №4 (24). - С. 31-35.
5. Исаева Т.Е. Проблема функциональной устойчивости компетенций обучающихся вузов // Общество: социология, психология, педагогика. - 2017. - №2. - С.59-61.
6. Патюкова Р.В. К вопросу о дифференцированных отношениях между дискурсивными сферами // Вестник Челябинского государственного университета. - 2010. - №11 (192). - С.97-103.
7. Щитова О.Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия // Вестник науки Сибири. - 2012. - №1 (2). - С. 276-286.

УДК-80

Никольская Галина Викторовна

*Московский Государственный Педагогический Университет
Соискатель учёной степени кандидата наук*

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ ЕДИНИЦ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПУТЕШЕСТВИЕ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Nikol'skaya Galina Viktorovna

Moscow State Pedagogical University

The competitor of a scientific degree of candidate of Sciences

THE STUDY OF THE SEMANTIC WAYS OF FORMING THE STRUCTURAL UNITS OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD «TRIP» IN RUSSIAN AND ENGLISH

Аннотация

В статье исследованы семантические способы образования структурных единиц лексико-семантического поля «путешествие» в русском и английском языках. Автор приходит к выводу, что основными способами, служащими для образования вышеназванных структурных единиц являются терминологизация общеупотребительного слова, расширение значения общеупотребительного слова, метафоризация значения общеупотребительного слова, метонимический перенос значения общеупотребительного слова, специализация значения общеупотребительного слова, а также межсистемное заимствование лексем.

Abstract

The article investigates the semantic ways of formation of structural units of lexico-semantic field "journey" in Russian and English languages. The author comes to the conclusion that the main methods used for the formation of the above-mentioned structural units are the terminologization of a common word, the expansion of the meaning of a common word, the metaphorization of the meaning of a common word, the metonymic transfer of the meaning of a common word, the specialization of the meaning of a common word, as well as the inter-system borrowing of tokens.

Ключевые слова: структурные единицы, лексико-семантическое поля, русский и английский язык.

Key words: structural units, lexico-semantic fields, Russian and English.

Проводя комплексный анализ специальной лексики, необходимо исследовать исторические особенности развития терминосистемы. Среди способов наполнения терминологии лексическими единицами особое место занимают семантические способы. Как считает Гринев-Гриневиц С.В. [1], можно выделить следующие семантические способы наполнения терминологий лексическими единицами:

- терминологизация общеупотребительного значения слова;
- расширение значения общеупотребительного слова;
- метафоризация значения общеупотребительного слова;
- метонимический перенос значения общеупотребительного слова;
- специализация значения общеупотребительного слова;
- межсистемное заимствование лексики.

Особая группа среди односложных терминов – это термины, объем значения которых в специальной лексике аналогичен объему их значений в общеупотребительном языке. Это термины, образованные путем терминологизации общеупотребительного значения слова. Развитие значения подобных специальных лексем совершалось постепенно, по мере обогащения человека опытом и формирования у него научных понятий.

Как пример, можно привести слово «*cancellation*», определением которого служила следующая дефиниция: «the annulling of a legal document (*аннулирование юридического документа*)» (1535 г.) [4]. Примерно с 1953 года данный термин наряду с общеупотребительным словом имеет и более узкое значение: «the action or fact of canceling a seat, room, place, etc. that has been reserved (*процесс или факт отмены места, номера, комнаты и т.д., которые были забронированы*)» [4].

Необходимо сказать, что данный термин образован на основе латинского элемента.

Слово «*administrator*», имеющее латинскую основу, впервые было зафиксировано в 1533 году со значением: «one who administrates, who manages, carries on (*тот, кто управляет, руководит, ведет дело*)» [4]. В результате терминологизации данная лексема имеет значение: «someone whose job is connected with the management and organization of a company, institution etc. (*тот, чья работа сопряжена с руководством и организацией компании, учреждения и т.д.*)» [5].

Интересным в отношении образования является слово «*itinerary*». Здесь можно говорить о двух способах образования в зависимости от значения, которое он отражает. Будучи основанным на латинском элементе, оно было подвержено терминологизации и примерно в 1432 было зафиксировано со значением «*маршрут*» («a line or course of travel (*путь или направление путешествия*)» [4]). Значение «*путеводитель*» («a book describing a route by land or sea, or tracing the course of the roads in a region or district, with measurements of distance, accounts of places and objects of interest, and other information for travellers, a road-book, guide-book (*книга, описывающая маршрут по суше или морю; или отображающая направление дорог региона или района с показателями расстояний, описанием достопримечательностей и другой информацией для путешественников; дорожный справочник, путеводитель*)» [4]) оно приобрело позже, примерно в 1538 году, в результате расширения значения общеупотребительного слова.

При заимствовании из французского языка лексема «*ticket*» имела значение «short written notice or document (*кратко написанное сообщение или документ*)» (1528 г.) [4]. В результате терминологизации она обрела значение «a slip, usually of paper or cardboard, bearing the evidence of the holder's title to some service or privilege, to which it admits him (*листок, обычно бумаги или картона, свидетельствующий о праве предъявителя на какие-либо услуги или привилегии, которые он предполагает*)» (1673 г.) [4].

В образовании слова «*voyage*» были задействованы два способа терминообразования, относящиеся к семантическим способам, а именно: терминологизация и метафоризация. Изначально данный термин был заимствован из французского языка со значением «an act of travelling, a journey, by which one goes from one place to another (*акт передвижения, перемещения, в результате которого кто-то двигается с одного места на другое*)» (1291 г.) [4]. В результате терминологизации формируется значение «a journey by sea or water from one place to another; a cruise (*передвижение по морю или воде с одного места на другое; круиз*)» (1310 г.) [4]. При формировании значения «a flight through the air (*перелет по воздуху*)» участвовал способ метафоризации, но только не общеупотребительного слова, а термина сформировавшегося в этой терминологии чуть раньше (1667 г.) [4].

Значение «the way, course, or line along which a person or thing moves, passes or travels (*путь, курс*)»

или направление, по которому люди или предметы передвигаются, проходят или путешествуют)» слово «*path*» получило в результате терминологизации примерно в 1000 году. Изначально данная лексема имела значение «a way beaten or trodden by the feet of men or beasts (*путь, протоптанный или проторенный людьми, или животными*)» [4], с которым она была зафиксирована в 700 году. Соответственно, лексема «*path*» относится к ранним терминам лексико-семантического поля «путешествие», являясь исконно английским словом.

Слово «*car*» появилось со значением «wheeled vehicle or conveyance (*перевозочное или транспортное средство на колесах*)» (1382 г.) [4]. Определение понятия, относящегося к исследуемой терминологии, появилось несколько позже, примерно 1826 г., «vehicles designed for travelling on railways... (*средство передвижения, сконструированное для перемещения по железной дороге...*)» [4].

Интересным с точки зрения образования представляется и термин «*handbook*». Его можно отнести как к семантическому способу, так и к морфолого-синтаксическому способу образования. С одной стороны, несомненно, при зарождении этой лексемы имело место словосложение, и в 900 году этот термин был зафиксирован со значением «a small book or treatise, such as may conveniently be held in the hand (*книга или учебник маленький настолько, чтобы уместиться в руке*)» [4]. Однако в исследуемой терминологии данная лексема зафиксирована с более точным значением, а именно: «a compendious book or treatise for guidance in any art, occupation or study: spec, a book containing concise information for the tourist (*краткая книга или учебник, направленная на руководство в искусстве, профессии или науке: особенно книга, содержащая сжатую информацию для путешественника*)» [4], которое она получила в результате процесса терминологизации.

Анализ русских терминов продемонстрировал малое количество по сравнению с английским языком терминов, образованных путем терминологизации. Примерами могут служить следующие лексеммы: «*дорога*», «*еда*», «*завтрак*», «*корабль*», «*лодка*», «*место (в поезде, на пароходе и т.д.)*», «*обед*», «*паломник*», «*путь*», «*таможня*», «*цена*». Всего выявлено 11 лексем, образованных путем терминологизации значения общеупотребительного слова, что составляет 6% от количества русских монолексемных терминов и 3% от общего числа исследуемых русских лексем.

Также, термины лексико-семантической группы «путешествие», которые были образованы на основе семантических сдвигов, породивших значительное несоответствие между их старыми значениями и новыми понятиями, которые они стали называть, возникли на основе расширения значения уже существующих в языке слов.

В качестве примера можно привести слово «*alpinist*», при заимствовании его из французского языка примерно в 1881 году имевшее значение «one devoted to Alpine climbing (*тот, кто увлекается восхождением в Альпы*)» [4]. На сегодняшний день

в исследуемой терминологии — это слово имеет более широкое значение, а именно: «a mountaineer who climbs in medium-sized glaciated mountain areas such as the Alps (*альпинист, занимающийся восхождением на средний размер покрытые льдами горные массивы, такие как Альпы*)» (начало XX века) [4].

Слово «*cabin*», заимствованное с первоначальным значением из французского языка: «a temporary shelter of slight materials; a tent, booth, temporary hut (*временное укрытие из тонкого материала: палатка, киоск, временная хижина*)» (1382 г.) [4] получило более позднее значение, которое и делает его термином в исследуемой лексико-семантической группе: «2) a small room on a ship in which you live or sleep (*маленькая комната на корабле, в которой живут или ночуют*); 3) an area inside a plane where the passengers sit or where the pilot works (*зона внутри самолета, где сидят пассажиры или работают пилоты*)» (конец XVI века) [5].

Способ расширения значения общеупотребительного слова также был продуктивен в образовании терминов, основанных на латинских элементах. Примером служит термин «*excursion*». В 1579 году слово «*excursion*» зафиксировано в словаре со значением «the action of running out; running for extremes (*процесс выбегания, стремление к самому отдаленному*)» [4]. Примерно через 100 лет, 1699 год, формируется новое значение «a journey, expedition, or ramble from one's home, or from any place with the intention of returning to it (*путешествие, экспедиция или прогулка, уход с одного места с намерением вернуться туда*)» [4].

Русские термины, образованные путем расширения значения общеупотребительного слова, базируются на иностранных словах, на момент заимствования имевших иное значение. Так, термин «*кемпинг (городок)*», а также «*кемпинг (стоянка для автомашин)*» был образован путем расширения значения заимствованного из английского языка слова «*кемпинг (вид отдыха)*».

Лексема «*пансион (трехразовое питание)*» образована от заимствованного из французского языка слова «*пансион (вид отдыха)*».

Среди исследуемой терминологии достаточно отчетливо представлена небольшая группа простых специальных единиц, которые были образованы при помощи метафоризации значения общеупотребительного слова. Метафоризация значения общеупотребительных слов обычно происходит сначала на основе внешнего сходства, а позднее — на основе сходства функций называемых объектов.

Слово «*caravan*» был заимствован из персидского языка примерно в 1599 году со значением «a company of merchants, pilgrims or other, in the East or Northern Africa, travelling together for the sake of security, esp. through the desert (*группа купцов, пилигримов или др. в восточной или северной Африки, путешествующих вместе в целях безопасности, особенно по пустыне*)» [4]. Примерно через 80 лет оно стало обозначать объект, входящий в группу,

исследуемых понятий: «a house on wheels (*дом на колесах*)» [4].

Слово «*track*» заимствовано из французского языка со значением «the mark, or series of marks, left by the passage of anything; a series of footprints (*отметка или серия отметок, остановленная чем-либо; серия следов*)» (1470 г.) [4]. В результате метафоризации значения сформировалось новое значение «a continuous line of a pair of rails and the space between them, on which railway vehicles travel (*продолжающаяся линия пары рельс, а также площадь между ними, на которых передвигается железнодорожный транспорт*)» (1805 г.) [4].

Метонимический перенос значения предполагает перенос значения, основанный на смежности понятий. В исследуемой английской терминологической группе выявлено пять лексем, что составляет соответственно 2% от числа односложных английских терминов и 1% от числа анализируемых английских лексем, образованная данным способом. Слово «*berth*» образовано от слова «*bear*» {*переносить*} со значением «a sleeping place in a railway carriage or elsewhere (*место для сна в железнодорожном вагоне или где-либо еще*)» (1806 г.) [4]. В данном случае использован вид метонимии «процесс — орудие процесса».

В качестве примера можно привести также термин «*fare*». Как слово «*fare*» впервые было зафиксировано в 1000 году со значением «a going, journeying; voyage (*хождение, перемещение; путешествие*)» [4]. В 1425 году было зафиксировано новое значение: «cost of conveyance (*стоимость перевозки*)» [4]. Следует заметить, что первоначальное значение этого термина сегодня используется только в текстах, стилистически маркированных как поэтические.

Заимствованное из французского языка слово «*carriage*» в 1388 г. имело значение «the action of carry (*процесс переноски*)» [4]. В результате метонимического переноса, произошедшего в 1706 г., оно приобрело значение «a wheeled vehicle for conveying persons (*транспортное средство на колесах для перевозки людей*)» [4]. В XX в. значение сужается и в рамках исследуемой терминологии термин «*carriage*» обозначает «one of the connected parts of a train that passengers sit in (*одна из соединительных частей поезда, где располагаются пассажиры*)» [5].

Некоторое количество терминов образуется с помощью сужения, специализации значения, что может служить свидетельством того, что соответствующая терминология начинает выделяться из общебытовой речи и осознаваться как специальный пласт лексики.

Лексема «*schedule*» является заимствованием из французского языка, датирована 1397 годом. Первоначальное ее значение - «a slip or scroll of a parchment or paper containing writing; a short note (*листок или свиток пергамента, или бумаги, содержащий запись; краткая памятка*)» [4]. Развившей свое значение «содержание написанного», а именно «a time-table (*расписание*)» (1863 г.) [4].

Слово «*passenger*» было заимствовано из французского языка, обозначая «a traveller, wayfarer (*путешественник, странник*)» (1330 г.) [4]. В дальнейшем уже в рамках английской лексики значение его несколько меняется - «one who travels or is carried in some vessel or vehicles... (*тот, кто путешествует или передвигается на судне или транспортном средстве*)» (1511 г.) [4].

Специализация значения может сочетаться с иными способами образования. Так, слово «*road*», помеченное 888 годом, имело значение «journey on a horseback (*перемещение на лошади*)». В настоящее время данная лексема имеет и другие значения: 1. «an ordinary line of communication used by persons passing between different places... (*повседневный путь сообщения, используемый людьми, проложенный между разными местами*)» (1596 г.) [4]; 2. «railroad, railway (*железная дорога*)» (1837 г.) [4]. Здесь имели место два способа образования терминов: 1. специализация значения; 2. усечение от слова «railroad».

При рассмотрении первоначального значения слова «*train*» («*waiting, delay (медлить, откладывать)*» (1330 г.) [4]) и его значения, соответствующего словарям современного английского языка «vehicles conveying the persons and baggage (*транспортные средства, перевозящие людей и багаж*:))» (1669 г.) [4], можно сделать вывод о том, что произошла специализация его значения.

Слово «*tour*» заимствованное из французского языка и впервые зафиксированное примерно в 1292 году со значением «one's turn or order (to do smth.) (*чья-либо очередь или черед (делать что-либо)*)» [4], два века спустя начало обозначать «a turning round, circular movement... (*поворот на 180 градусов, движение по кругу*)» [4]. В 1643 году сформировалось значение, с которым это слово уже как термин зафиксировано в исследуемой терминологической группе, «a going or travelling round from place to place (*хождение или перемещение по кругу с места на место*)» [4].

Слово «*горничная (на пассажирском судне)*» было образовано путем сужения значения лексемы «горничная» в значении «горничная девушка» [7].

Также термины были организованы посредством межсистемного заимствования лексем. В частности, специальная лексема «*crew*» была заимствована из французского языка в XV в. (1455 г.) как обозначение военного понятия: «a band or company of soldiers (*отряд или рота солдат*)» [4]. В конце XVII в. (1694 г.) она заимствуется исследуемой терминологией со значением «the whole of the men belonging to and manning a ship, boat or other vessel (*совокупность людей, принадлежащих к и входящих в команду корабля, лодки или другого судна*)» [4]. Несколько позже, в XX в. (1917 г.), с развитием авиации, в результате морфолого-синтаксического способа, образуется термин «*aircrew*» («the persons manning an aircraft or spacecraft (*люди, входящие в летный состав воздушного судна или космического корабля*)» [4]) и его эллиптическая форма «*crew*».

Слово «*expedition*» впервые зафиксировано в 1430 году со значением «a sending or setting forth with martial intentions (командировка, выдвижение с военными намерениями)» [4]. В анализируемую лексико-семантическую группу это слово попало с другим значением «a journey, voyage, or excursion made for some definite purpose (поездка, плавание, экскурсия, организованная с определенными целями)» [4], впервые зафиксированном в 1591 году.

Следует отметить тот факт, что наибольшее количество межсистемных заимствований произошло из военной лексики. Это может объясняться близостью этих двух лексических групп. Возможно, что военная лексика является прародителем некоторых исследуемых терминов, поскольку целями путешествий древних людей были добыча пищи и завоевание новых земель. Особенно, это касается германских племен: поскольку эти земли были густо населены, древних людей гнало в путешествие обнищание. Такие термины, как «туристский лагерь», «военный лагерь» - это отголоски того времени.

В случае со славянскими племенами, поскольку они занимали большие территории, то причиной их перемещений и путешествий было скорее любопытство, любознательство. Возможно, именно в те времена и появились такие русские термины, как «хождение», «хождение». Здесь же можно упомянуть о «великом пути из варяга в греки» - с севера на юг.

Слово «*peripatetic*» зафиксировано в 1400 году со значением «a member of the sect of philosophers who held the doctrines of Aristotle (представитель течения в философии, поддерживающей доктрины Аристотеля)» [4]. В 1617 году слово заимствуется из философской терминологии со значением «one

who walks about, a traveller (тот, кто прогуливается; путешественник)» [4]. Следует отметить, что некоторые лексикографические источники обозначают этот термин как шуточный.

Таким образом, можно заключить, что некоторое количество моноксемных терминов данной области появилось в результате внутриязыкового заимствования. Внутриязыковое заимствование, сопровождаемое терминологизацией, специализацией, расширением, метафоризацией общеупотребительного значения слова, метонимическим переносом значения общеупотребительного слова и, наконец, межсистемными заимствованиями лексем, можно считать лексико-семантическим способом терминообразования.

Список литературы

1. Гринев-Гриневиц СВ. Терминоведение. - М.: Издательский центр «Академия», 2008. - 304 с.
2. Кошелев А.В. Ситуации употребления терминов. // Проблемы теории языка и переводоведения. Сборник статей. № 5. - М., 2000. - С. 60-66.
3. Лейчик В.М. Термины и терминотермины — пограничная область между естественным и искусственным в языке // Вопросы терминологии и лингвистической статистики: Сб. науч. ст. - Воронеж, 1981. - С. 68-115.
4. The Oxford dictionary of English Etymology. Ed. by C.T. Onions. Oxford, 1960.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd., 1995. -784 p.
6. Словарь иностранных слов. - М.: Русский язык, 1989. — 620 с.
7. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов - М.: Русский язык, 1993 - ISBN 5-200-01259-9 ТЛ - 623 с, Т.2 - 560 с.

Журавлева Н.С.,

Асонова Г.А.

ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

Москва, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Zhuravleva N.S.,

Asonova G.A.

Plekhanov Russian University of Economics

Moscow, Russia

RESEARCH ON LINGUISTICS INFORMATION PERCEPTION AT THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE LESSONS AT THE INITIAL STAGE OF LEARNING

Аннотация

В настоящей статье анализируется роль исследования восприятия лингвистической информации по русскому языку как иностранному на начальном этапе, так как важную роль при обучении русскому языку как иностранному играет формирование грамматико-лексических знаний учащихся. Теоретические исследования данного вопроса подтверждены результатами лингвистических исследований в области методики обучения русскому языку как иностранному. Главным методом работы представляется анализ практического опыта занятий русским языком как иностранного. Установлено, что результаты исследований играют большую роль в формировании речевых навыков учащихся с учетом приобретаемых ими лексико-грамматических знаний.

Abstract

This article analyzes the role of studying the perception of linguistic information on Russian as a foreign language at the initial stage, since the formation of grammar and lexical knowledge of students plays an important role in teaching Russian as a foreign language. Theoretical studies of this issue are confirmed by the results of linguistic research in the field of teaching Russian as a foreign language. The main method of work is the analysis of the practical experience of studying the Russian language as a foreign language. It is established that research results play a large role in the formation of students' speech skills, taking into account the lexical and grammatical knowledge they acquire.

Ключевые слова: лингвистика, восприятие, мышление, языковые игры, внутренняя речь
Keywords: linguistics, a thinking, language games, internal speech, external speech.

Учащиеся не всегда могут подготовиться к изучению языка и восприятию его лексико-грамматической системы. Это может быть обусловлено физиологическими и генетическими характеристиками мозговой активности учащегося. Если в сознании людей возникает какое-либо недоверие к получаемой информации в психологическом смысле, то коррекция и правильный подход к студенту будут влиять на успешность обучения. Такие различные отклонения, как потеря памяти и нарушения, либо дефекты речи, не всегда поддаются быстрому изменению. Восприятие информации находит свое отражение в процессах механизмов речевой деятельности, во взаимосвязи языка, мышления и сознания учащегося, в способах порождения речевых высказываний. Выдающиеся лингвисты 20-го века Л. С. Выготский, Ф. де Соссюр, И. А. Бодуэн де Куртене, Н. Хомский занимались вопросами взаимодействия мышления и речи, а также процессами формирования речевого сообщения в сознании человека. Мысль, по Л.С. Выготскому, рассматривалась не как абстрактное явление, а как «продукт наиболее сложных форм психической деятельности человека» [2, С.65]. Л. С. Выготский отмечал, что механизм речи порождается от так называемой *внутренней речи*. Внутренняя речь имеет прямое влияние на *внешнюю речь*.

Особенности процесса формирования мысли в речь и понимания самого смысла речевого высказывания проводилось и Ф. де Соссюром – исследователем-лингвистом 20-го века. Он рассматривал «язык как средство общения и средством выражения и оформления мысли и речевого высказывания» [3, 34].

Такая конструкция в речи русского языка, как «Иван пришел к Марии с Петром», может быть трудной для иностранных учащихся. Значение предложения и понимание сентенции («Иван пришел вместе с Петром к Марии, или Иван пришел к Марии и Петру в гости?»). Данная конструкция содержит в себе вариативность смыслов высказывания, с одной стороны. Но с точки зрения восприятия учащимися порядка слов в предложении, учащийся более склонен понимать данное предложение, воспринимая его с сентенцией, говорящей, что Иван пришел в гости к Марии и Петру. С точки зрения лингвистики, понимание данного высказывания будет объясняться способностью сознания учащегося определить взаимосвязь грамматических частей речи в предложении с обязатель-

ным ее лексическим выражением, Известный лингвист Н. Хомский указывал на просодические и неязыковые элементы высказывания, которые выделены в «отдельные компоненты, а при помощи внутренней речи сможет быть найден смысл данного речевого сообщения». Н. Хомский указывает, что путь понимания речевого сообщения лежит «в реконструировании его на более глубинном уровне синтаксической структуры в семантическую запись на глубинном уровне речевого мышления» [4, С.79]. Лингвистика изучает компоненты речевого сообщения, анализирует фонематические структуры речи и лексические единицы наряду с грамматическими структурами языка, описывает реальные процессы формирования, понимания и восприятия сообщений, происходящие в сознании говорящих и слушающих.

Восприятию лексико-грамматической структуры русского языка как иностранного развивается постепенно, но при интенсивном обучении, быстрыми темпами. Так, в условиях подготовительной программы вузов иностранные учащиеся способны понять систему русского языка на начальном этапе уже в первые две недели обучения. Освоение русского языка как иностранного с его новой непредсказуемой системой напрямую связано с активизацией работы сознания учащихся, независимо от того, имеют ли они нарушения речи или нет. Организация способов передачи смысловой организации речевого сообщения в современной методике преподавания иностранных языков может найти применение в практическом применении лингвистических знаний. Одним из способов такого применения лежит «в языковой игре, функции которой направлены на развитие не только грамматических, но и коммуникативных умений учащихся» [2, С. 80].

Считается, что восприятие учебного материала и возможность овладения им у учащихся, изучающих русский язык, особенно у китайских учащихся, может зависеть от межполушарных различий, которые отвечают за вербализацию воспринимаемой информации. Правое и левое полушария используют разные стратегии обработки зрительной информации. Традиционно процессы пространственного мышления связывают с работой правого полушария. Эксперименты по выполнению вербальных и невербальных нагрузок, состоявшие из распознавания слов и картинок участниками в возрасте от 20 до 40 человек, показали, что образные задачи человек решает быстрее, чем вербальные. В научной

литературе существуют данные, что сложные тексты и цифры легче опознаются левым полушарием, а изобразительный материал правым полушарием. Исследователи Е. К. Айдаркин, О. Л. Кундупьян, Ю. Л. Кундупьян выявили, что «нельзя утверждать, что функция речи полностью лежит только на левом полушарии, что характер асимметрии может меняться в зависимости от задачи и характера тестирования, в том числе от таких факторов, как продолжительность или интенсивность заданий, субъективная стратегия, направленность внимания» [1, 55].

В заключение следует обозначить следующее: язык является сложной структурной организацией, которая требует системного подхода для достижения правильной психологической организации при обучении русскому языку как иностранному. Нарушения речи не должны быть проблемой на пути к изучению иностранного языка. Речевые конструкции изучаемого языка необходимо тренировать в

процессе изучения иностранных языков, чтобы довести языковые и речевые знания до автоматизма. Знания и результаты исследований в области лингвистики могут помочь лучше понять природу работы мозговой деятельности и активности сознания учащихся.

Список литературы:

1. Айдаркин Е.К., Кундупьян О.Л., Кундупьян Ю.Л. Нейрофизиологические корреляты выполнения вербальных и невербальных нагрузок // Современные направления исследований функциональной межполушарной асимметрии и пластичности мозга. Известия Южного Федерального университета. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 220.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М., 1999. – С. 352.
3. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. – М., 2004. – С. 256.
4. Хомский Н. Языки мышления. – М., 1972. – С. 126.

Colloquium-journal №18(42), 2019

Część 5

(Warszawa, Polska)

ISSN 2520-6990

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku angielskim, polskim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 20 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej dziennika.

Wysyłając artykuł do redakcji, Autor potwierdza jego wyjątkowość i bierze na siebie pełną odpowiedzialność za ewentualne konsekwencje za naruszenie praw autorskich

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak**

Ewa Kowalczyk

Rada naukowa

- **Dorota Dobija** - profesor i rachunkowości i zarządzania na uniwersytecie Koźmińskiego, dyrektor programu k. e. n.
- **Jemielniak Dariusz** - profesor dyrektor centrum naukowo-badawczego w zakresie organizacji i miejsc pracy, kierownik katedry zarządzania Międzynarodowego w Ku.
- **Henryka Danuta Stryczewska** - profesor dziekan Wydziału Elektrotechniki i Informatyki Politechniki Lubelskiej.
- **Mateusz Jabłoński** - Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki.
- **Henryka Danuta Stryczewska** - prof. , dziekan Wydziału Elektrotechniki i Informatyki Politechniki Lubelskiej i prof. Zbigniew Grądzki, prorektor ds. Nauki.
- **Sani Lukács** — eötvösa Loránd University, Faculty of Social Sciences, phd in sociology.
- **Király Tamás** — Szegedi Tudományegyetem, gyógyszerésztudományi Kar, phd gyógyszertár.
- **Gazstav Lewandowskij** — węgierski uniwersytet sztuk pięknych, Graficzny wydział / Specjalizacja w dziedzinie projektowania graficznego.
- **Bulakh Iryna Valerievna** - k.arh., Profesor nadzwyczajny w Katedrze Projektowania Środowiska Architektonicznego, Kijowski Narodowy Uniwersytet Budownictwa i Architektury.

« Colloquium-journal »

Wydrukowano w « Chocimska 24, 00-001 Warszawa, Poland »

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>